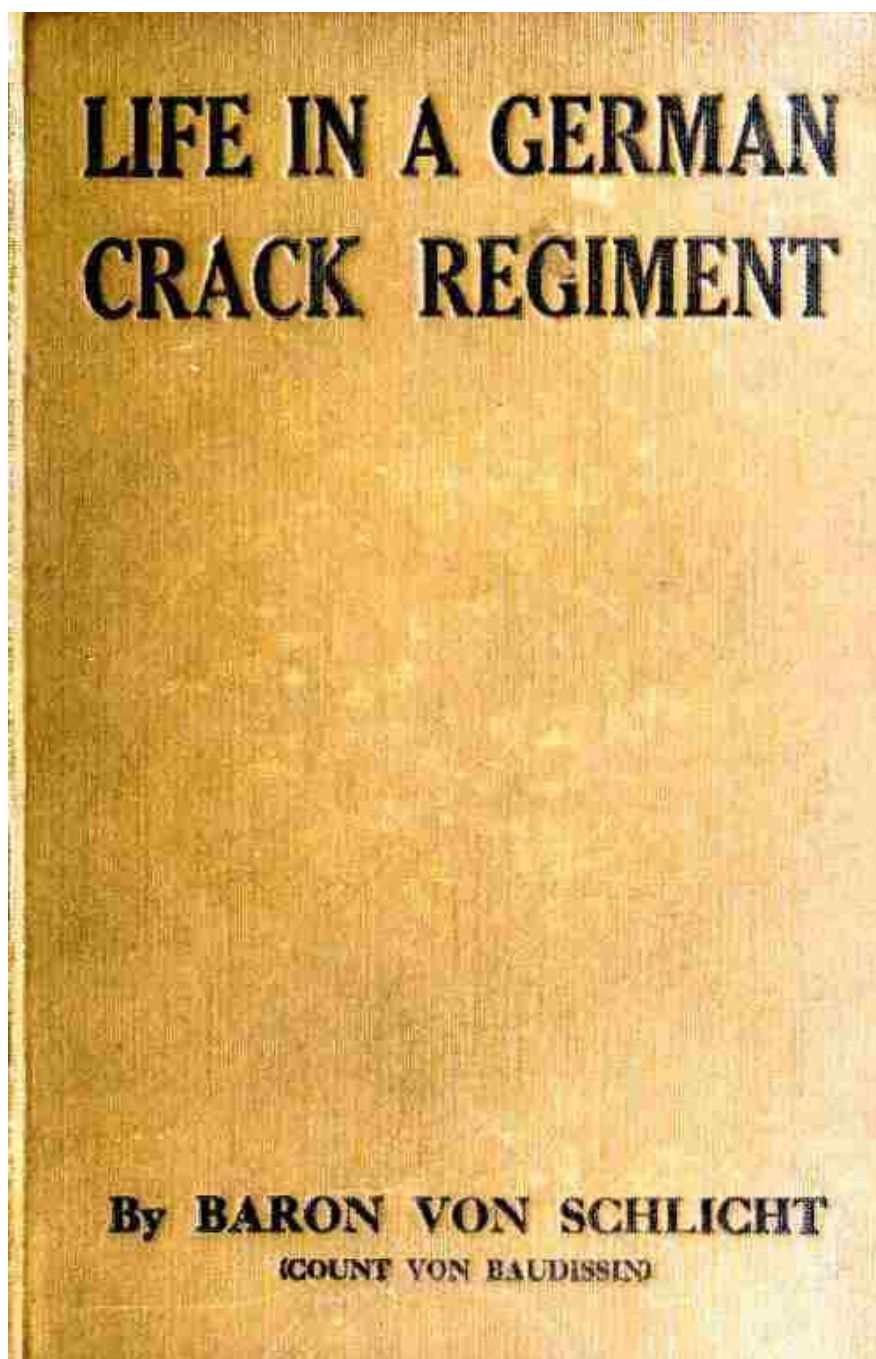

Жизнь в отборном германском полку

Граф фон Вольф Эрнст Гуго Эмиль Баудиссен

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни в отличном немецком полку

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь в отличном немецком полку

Автор: Граф фон Вольф Эрнст Гуго Эмиль Баудиссен

Дата выхода: 2 сентября 2014 г. [Электронная книга № 46755]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер - Рамон Пахарес и команда корректоров, распространяющая информацию в режиме онлайн на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ В НЕМЕЦКОМ ОТБОРНОМ ПОЛКУ" ***

ЖИЗНЬ В ОТЛИЧНОМ НЕМЕЦКОМ ПОЛКУ

ЖИЗНЬ В ОТЛИЧНОМ НЕМЕЦКОМ ПОЛКУ

BY BARON VON SCHLICHT
(COUNT VON BAUDISSIN)

НЬЮ- ЙОРК
ДОДД МИД И КОМПАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лейтенант Бильзе, Байерляйн и барон фон Шлихт, [A] автору настоящей работы вместе со многими их менее известными последователями удалось создать то, что можно рассматривать

как роман нового типа — "критический" военный роман. То, что обычно называют "военным романом", конечно, давно известно в Германии, но оно значительно отличалось от "нового вида". Старый военный роман давал более или менее живые картины лагерной, гарнизонной жизни и жизни казино, а веселый молодой лейтенант, который обычно фигурировал в качестве героя, был очень обожаем дамами (как, впрочем, и до сих пор). Но между лейтенантом романтики и лейтенантом суровой реальности лежит пропасть. Теперь перед читателями лейтенант реальности, и приоткрытие завесы над его интересной, хотя и не очень поучительной личностью и деяниями вызвало в Германии любопытную бурю негодования, особенно в армейских и официальных кругах. Действительно, как можно помнить, барон фон Шлихт был "оскорблен" нынешней работой в самом рейхстаге, и дело зашло так далеко, что чуть не последовала дуэль. О широком интересе, проявленном к этим откровениям из военной жизни, свидетельствует количество экземпляров настоящего произведения (40 000), которые были проданы в Германии, хотя в настоящее время его распространение там запрещено; в то время как за его откровенность в этом романе ходят слухи, что барону фон Шлихту очень скоро предстоит предстать перед судом в Берлине.

[A] Это псевдоним. Настоящее имя автора - граф фон Бодиссен.

Хотя барон фон Шлихт широко известен как автор различных военных очерков и историй более или менее легкого и юмористического содержания, в данном случае в нем почти нет следов характерной для него жилки. Здесь, скорее, он серьезно посвящает себя созданию того, что, по сути, является подробным и внешне бесстрастным *разоблачением* манер и морали офицеров старой знати в немецкой армии. Возмущение, вызванное против него, тем более велико, что он сам принадлежит к старому дворянству, которое он так свободно критикует, и у него есть дополнительное преимущество, заключающееся в том, что он говорит, зная изнутри офицерскую касту (Offiziers-Kaste), к которой он сам принадлежал во время своей военной карьеры. Лейтенант Бильзе писал вне этого круга старой знати; таким образом, работа барона фон Шлихта заполняет пробел, который книга лейтенанта Бильзе все еще оставляла открытым.

Р. М.

[Стр. vii]

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
ПРЕДИСЛОВИЯ	v
I. ПО ПРИКАЗУ ИМПЕРАТОРА	9
II. ВВЕДЕН В ПОЛК	28
III. СРЕДИ АРИСТОКРАТИИ	47
IV. КАРТОЧНАЯ ИГРА	71
Против ХИЛЬДЕГАРДЫ И ГЕОРГА	95
VI. ВОЕННАЯ МОРАЛЬ	128

VII.	АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ ДОМ	166
VIII.	ВОЗМЕЗДИЕ ЗА ГРЕХ	221
IX.	УНИЖЕНИЕ "ЗОЛОТЫХ БАБОЧЕК"	241
X.	ПРЕДЛОЖЕНИЕ РУКИ И СЕРДЦА	278
XI.	ПРОЩАЙ АРМИЯ!	311

[Стр. viii]

ЖИЗНЬ В ОТЛИЧНОМ НЕМЕЦКОМ ПОЛКУ

ГЛАВА I По приказу императора

"Желтые бабочки", как называли пехотный полк Франца Фердинанда Леопольда из-за желтых эполет, отмечали свой юбилей; день, когда более сорока лет назад он потерял в знаменитом сражении треть своего рядового состава и более половины офицеров. Нельзя было допустить, чтобы погибла память о героических подвигах полка; молодому поколению постоянно напоминали о них, и поэтому празднование годовщины знаменитого сражения сопровождалось тостом: "В память о павших; за ободрение живых". Павшим за то, что они сделали, каждый год вручали великолепный венок, перевязанный гигантской лентой полковых цветов; живых, которые еще ничего не сделали, угощали великолепным обедом с не менее великолепным вином; и когда энтузиазм, вызванный официальной речью полковника под воздействием шампанского, сделал свое дело, все офицеры снова и снова заявляли, что, когда полк пойдет в бой, они будут знать, как умереть так же храбро, как их товарищи, — и они действительно имели в виду то, в чем клялись.

Сегодня годовщина отмечалась с особой пышностью, поскольку предстояло открыть новые офицерские помещения, которые должны были использоваться исключительно как столовая. Только в середине дня, когда полковник готовился к своей речи, ему пришло в голову, что освящение этого здания, предназначавшегося исключительно для развлечения, не совсем соответствовало торжественной годовщине смерти. Он не мог сказать: "Чтобы почтить память благородных усопших, мы открываем сегодня нашу новую столовую, которая, я надеюсь, будет иметь финансовый успех". Конечно, так не пойдет. Тогда полковнику приходил в голову выход из затруднительного положения; он просто говорил: "И мы клянемся павшим героям, что в этих стенах мы прежде всего будем проявлять дух товарищества и солдатские добродетели, которые вдохновляли их и готовили к совершению героических поступков". Это произвело бы соответствующее впечатление; и поэтому в приятном расположении духа он направился в столовую, где царили оживление и суeta. Утром были соблюдены обычные формальности; явились почти все бывшие офицеры полка, тесно связанные полки прислали делегации, и никто не пришел с пустыми руками. На "Золотых бабочек" посыпался настоящий ливень серебряных украшений, и теперь все толпились в приемных, приветствуя общих друзей, восхищаясь подарками и ожидая прибытия важных чиновников.

Обед должен был состояться в семь часов, и ровно в назначенное время появился представитель Его Величества. Первоначально император обещал оказать полку честь своим присутствием, но в последний момент ему не позволили присутствовать.

Заиграла музыка, и компания длинной процессией направилась в обеденный зал. Крик восхищения сорвался с уст каждого при виде великолепной квартиры с ее великолепным убранством и красиво сервированным столом.

Офицеры "Золотых бабочек", которые вели гостей, немного заулыбались и выпрямились, как бы говоря: "Да, это то, на что мы похожи, вот как мы все делаем. Мы достаточно долго жили в условиях, неподобающих нашему званию. Но где теперь полк, который может похвастаться такими квартирами?" Они знали, что из-за их старой столовой, в которой, по заявлению гвардейского кавалерийского офицера, ни один уважающий себя мужчина не мог чувствовать себя по-настоящему счастливым, ими часто пренебрегали. Раньше они были в этом отношении в худшем положении; теперь они были лучшими. "Золотые бабочки" сияли; каждое слово комплимента и восхищения, высказанное гостями, звучало в ушах офицеров небесной музыкой, и каждый казался таким гордым, как будто именно благодаря ему у них наконец появилась новая столовая. И, по правде говоря, каждый внес свою лепту, ибо, если бы все они не ценили так высоко призвание и честь офицера, как в былые времена, все же офицеры и друзья полка в прежние времена никогда не смогли бы собрать такую большую сумму, какая требовалась на возведение и меблировку этого здания. Как носители старых и заслуженных имен, каждый из офицеров сознавал свое положение и свой долг, ибо "Золотые бабочки" гордились тем, что считались одним из самых надменных и привилегированных полков во всей армии.

Они с гордостью смотрели на своих гостей, все из которых носили важные имена. Уланский лейтенант барон Герсбах, которого все знали как заядлого игрока, вставил в глаз монокль, оглядел сидящих за столом, а затем повернулся к своему соседу: "Действительно, очень избранная компания; здесь нет ни одного человека, принадлежащего к среднему классу".

— Да, но есть...один...

Улан плотнее прижал к глазу монокль, чтобы выяснить, что это было.

- Кто там? - спросил он наконец.

"Архитектор, который построил это место".

- Ну, он вряд ли считается. Но зачем ты пригласила его на ужин?

"Мы очень долго думали над этим вопросом, но пришли к выводу, что не могли поступить иначе. Этот парень раньше служил в этом полку в течение года, и из привязанности и любви к полку он составил планы бесплатно, и он также ничего не взял с себя за все хлопоты, которые он предпринял. Что ж, мы должны были проявить такую же услужливость.

Улан одобрительно кивнул. - Да, я вполне понимаю, и такое приглашение - не только самая простая, но и самая великолепная форма благодарности. До конца своих дней этот парень будет жить воспоминаниями об этом вечере, и, кроме того, то, что он пообедал с нами, является для него прекрасной рекомендацией. Должен сказать, учитывая его класс, он кажется очень приличным парнем; представьте себе, у него ухоженные руки! Как его зовут?

"Я думаю, это Клиппер, Липпер, Виппер или что-то в этом роде".

"О, ладно, это не имеет значения. Кстати, вы слышали, - продолжал Улан, - что, по слухам, произошло в линейном полку на праздничном обеде? Один парень — я не люблю употреблять слово "товарищ" в такой связи — ну, как я уже говорил, один парень выставил себя дураком и в состоянии алкогольного опьянения — ибо я вынужден называть его состояние этим именем — дал прапорщику звонкую оплеуху за обеденным столом, потому что тот, по его мнению, недостаточно быстро вскочил, когда одурманенное животное поклялось в своем здоровье.

"Это невероятно!"

"Тем не менее это правда".

- Ты знаешь, что будет дальше?

Барон Герсбах пожал плечами. "Что может случиться? Они не могут драться на дуэли, потому что прапорщик не может бросить вызов своему начальнику".

"Да, это так", - согласился другой.

"Есть только два возможных способа уладить это дело: либо лейтенант, если он когда-нибудь снова протрезвеет, должен попросить прощения у прапорщика в присутствии офицеров и всех тех, кто был свидетелем случившегося, либо лейтенант должен бежать, и тогда прапорщик должен решить сам с собой, останется ли он жить с неотмщенным ударом по щеке. Но в любом случае его карьера закончена — по крайней мере, в нашем полку. Прапорщик, получивший такую оплеуху по ушам, не будет произведен в офицеры".

На мгновение оба замолчали, затем был дан сигнал наполнить бокалы. Два офицера выпили за здоровье друг друга, и улан продолжил: "Нельзя не испытывать глубокой жалости к несчастному прапорщику; говорят, что он был совершенно невиновен во всем этом деле, а нападать на прапорщика на самом деле гораздо хуже, чем оскорблять равного себе. Но все это происходит сегодня, потому что они не проявляют большей осторожности в выборе людей, которые собираются стать офицерами. Сегодня любой, у кого есть необходимые наличные деньги и кто принадлежит к семье, которая не вступала в конфликт с полицией, может стать лейтенантом".

Другой согласился. "Увы, очень жаль, что необходимость увеличения нашей армии вынуждает нас выбирать офицеров из среднего класса".

Улан снова опустошил свой бокал, а затем сказал: "Вы совершенно правы, хотя нельзя отрицать, что некоторые представители среднего класса очень порядочны. Должен признаться, что я познакомился с парой парней — в нашем полку, конечно, это было бы совершенно невозможно, — но я несколько раз встречал их в поезде ...

Офицер "Золотых бабочек" удивленно поднял глаза. - Вы хотите сказать, что путешествуете вторым классом?

"Кто, я?" Сначала улан был совершенно сбит с толку, затем громко и долго смеялся: "Что за шутка! Вы думаете, я путешествую вторым классом? Может быть, вы дадите мне свободный

пропуск? Или, возможно, вы думаете, что я действую как агент? Если бы я написала это моему дорогому папе, он был бы очень удивлен".

Прошло много времени, прежде чем Улан восстановил самообладание, затем он сказал: "Когда я только что сказал, что познакомился с этими ребятами в поезде, я выражался фигурально. Я имел в виду простое мимолетное знакомство, и, как я уже говорил вам, эти люди были действительно очень милыми, мне было очень забавно беседовать с парнем из провинции, который живет в таких разных обстоятельствах. Я был очень удивлен, когда они рассказали мне, как потратили свою месячную зарплату в пятьдесят или шестьдесят марок. Только подумайте, ведь мой парикмахер получает это!" Затем совершенно неожиданно он прервался и сказал: "Между прочим, вчера на столовой мы спорили о том, сколько времени на самом деле прошло с тех пор, как последний офицер, принадлежащий к среднему классу, был уволен из вашего полка".

"15 мая исполнится четыре года".

Улан удивленно поднял глаза. "Подумать только, ты помнишь точную дату!"

- Что ж, такую радостную дату нелегко забыть.

- Вы совершенно правы, но нет ли у вас среди прапорщиков какого-нибудь *буржуа*?

- Ни единого. Полковник заявил, что ни при каких обстоятельствах не примет такого человека.

-Очень разумно с его стороны. Во-первых, такой парень здесь совершенно не подошел бы; во-вторых, он был бы для вас большим источником раздражения; в-третьих, он сам чувствовал бы себя крайне неуютно. Правильно, чтобы люди оставались в своем собственном классе. А простые люди, которые не поймут, что говорят о "кастовом" чувстве и "Аристократическом Духе"! — ну и пусть говорят, какое нам до этого дело?"

После небольшой паузы офицер "Золотых бабочек" сказал: "Знаете, в последнее время я много думал об этом "кастовом" чувстве и аристократических предрассудках. Всякий раз, когда гвардейцы устраивают обед, поднимаются бокалы в знак того, что дух, вдохновляющий офицеров, должен оставаться неизменным. Теперь я думаю, это означает, что мы не только всегда должны лелеять любовь и верность правящему дому, но и всегда должны оставаться "людьми первого сорта" с теми же идеями, которых придерживаемся сейчас. Как носители благородных имен и принадлежащие к самому важному полку, мы всегда должны осознавать свое исключительное положение и поэтому твердо держаться вместе, и мы должны строго поддерживать барьер, который отделяет нас от среднего класса. Давайте еще раз выпьем за эту надежду; за то, чтобы гвардейцы всегда оставались теми, кем мы являемся сейчас— носителями древнейших имен, "первоклассными" людьми!"

Разговор его соседа был слишком долгим для улана, который почти не слушал, что тот говорил; тем не менее он повторил свои слова: "Давайте выпьем". Но как раз в тот момент, когда он собирался поднять свой бокал, раздался всеобщий крик; полковник встал и произнес первое приветствие в честь главы армии, а второе - в честь представителя Его Величества, который там присутствовал.

После короткой паузы последний встал, чтобы поблагодарить их за честь, которую они ему оказали, затем продолжил: "Его Величество приказал мне выразить его крайнее сожаление по

поводу того, что он не может присутствовать сегодня на празднике годовщины полка; Его Величеству было приятно приказать мне передать полку, который всегда отличался в войне и мире, его королевское приветствие и заверить полк в его императорской милости и его императорских добрых пожеланиях. Его Величество совершенно уверен, что в будущем, как и в прошлом, он всегда может положиться на полк, и он знает, что каждый из вас сейчас, как никогда, готов пожертвовать своей жизнью ради своей страны и своего короля, поэтому Его Величество надеется, что дух, который всегда отличал этот полк — дух доброго товарищества — будет всегда поддерживаться, и особенно здесь, в этих комнатах".

Высокопоставленный человек сделал паузу, и ропот одобрения пробежал по собравшимся офицерам и гостям, которые встали, чтобы послушать речь.

"Теперь мы выпьем за здоровье полка", - сказали они все и посмотрели, полны ли их бокалы, потому что каждый человек должен был в своем полку наполнять свой бокал.

Но ожидаемое завершение речи последовало не сразу; высокопоставленный человек был явно смущен, и всем было очевидно, что он хотел еще что-то сказать, но в данный момент не мог подобрать нужных слов. Наконец к нему вернулось самообладание, и он сказал: "Господа, наконец, Его Величество приказал мне сообщить вам, что сегодня он перевел в ваш полк лейтенанта Винклера, сына коммерческого советника Его Величества, который ранее служил в 25-м пехотном полку. А теперь, джентльмены, - продолжил принц громче и с видимым облегчением, - поднимите бокалы за процветание этого великолепного полка, офицеры которого объединяют в себе лучшие имена страны, а младшие офицеры и рядовой состав представляют собой блестящий пример самого добросовестного исполнения долга — за полк. Ура! ура! ура!"

Им показалось, что их душат; такого горестного "ура" они еще никогда не слышали, и им повезло, что громкие фанфары эхом разнеслись по залу.

Крики "ура" закончились, Его Высочество снова занял свое место, но остальные остались стоять, уставившись друг на друга, как будто они неправильно расслышали, как будто каждый хотел понять по лицу своего соседа, действительно ли то, что он только что услышал, было правдой.

"Мы превратились в плебейский полк".

Никто не знал, кто произнес это слово первым, но фраза сразу же перешла из уст в уста: "Мы стали плебеями".

Им словно плеснули в лицо кувшином холодной воды, и действительно, когда они наконец снова сели за стол и музыка заиграла веселую *попурри*, они не могли понять, они не могли воспринять это неизбежное — что в полку снова появился "простолюдин".

Все их веселое настроение улетучилось; офицерам "Золотых бабочек" действительно показалось, что в здании поселился совершенно новый дух. Праздник утратил свое великолепие; казалось, что само серебро внезапно засияло не так ярко, как будто стекло было менее тонкой огранки, и как будто зал больше не обладал той уникальной элегантностью, которая отличала его до сих пор.

За столом воцарилось тягостное молчание, "Золотые бабочки" не отваживались заговаривать со своими гостями, ибо знали, что их будут осаждать вопросами о том, кем и чем на самом деле был этот Винклер, откуда он родом, что могло заставить Его Величество перевести его из его пограничного гарнизонного городка в этот гордый и выдающийся полк. Это должно иметь какое-то значение. Они не осмеливались даже взглянуть на своих гостей, ибо знали, что на лицах последних будет ясно написано: "Вы уже не тот, кем были; вы действительно ничего не можете поделать с тем, что стали плебеем, но факт остается фактом, и это повлияет на ваше положение в будущем".

Если бы только новость о том, что они получают лейтенанта-плебея, была сообщена им частным образом — но нет, это было объявлено публично, в присутствии всех собравшихся гостей, так что не было никакой возможности отрицать или увилить. Это была прямая пощечина как для них, так и для бывших офицеров, некоторые из которых приехали издалека, чтобы присутствовать на открытии новых зданий. И теперь в этот новый дом был введен новый элемент. Простолюдин! Чем полк заслужил, чтобы слава, которая до сих пор отличала его, была удалена? В предыдущем случае, когда лейтенант-плебей пробыл среди них короткое время, все они пострадали, и особым знаком благосклонности императора было сочтено то, что по лично выраженному желанию офицеров он был переведен в линейный полк. Когда с них снова сняли клеймо, каждый поклялся более ревностно служить чести полка, чтобы плебей вторично не оказался среди них. Теперь именно это и произошло.

Улан долго рассматривал своего соседа, который мрачно смотрел перед собой; теперь он почувствовал побуждение сказать сочувственное слово, и все, что он чувствовал в глубине своего сердца, он вложил в это замечание: "Какая жалость! вы все были такими веселыми в своем полку."

Офицер "Золотых бабочек" пожал плечами. Что означали эти слова, как не следующее: "Начало положено, другие простолюдины последуют за этим, и даже если он останется единственным, ты никогда больше не будешь тем, кем был когда-то".

Уланы считались чрезвычайно привилегированным полком, и "Золотые бабочки" прилагали величайшие усилия, чтобы поддерживать с ними дружеские и сердечные отношения. Наконец им это удалось, и сегодня уланы явились почти все до единого; самый аристократический из полков был *отпразднован* роскошным обедом; и теперь, едва дружба была скреплена, как ей немедленно угрожали.

Все вздохнули свободнее, когда, наконец, встали из-за стола; "Золотым бабочкам" больше всего хотелось поговорить друг с другом и узнать еще что-нибудь о своем новом товарище. Кто—то должен что—то знать о нем; у этого человека должна быть какая-то репутация - насколько это возможно для простолюдина, конечно, - иначе его Величество не стал бы интересоваться им.

Таким образом, люди, разделившиеся на две группы — гости и нынешние и бывшие офицеры, — высказали свое мнение; каждому было что сказать относительно своего представления об этом мероприятии.

"Золотые бабочки" окружили адъютанта полка графа Ветборна; он совершенно побледнел и нервно теребил шнурки своих безупречных лакированных ботинок. После полковника этот вопрос волновал его больше всего; он часто был представителем и делегатом офицеров, и

теперь, должен ли он стать представителем Винклера, он, граф? Он был высок, с гордой, внушительной внешностью; на груди его в качестве последней награды сверкал орден четвертой степени, который он получил как ведущий бала прикorte. В течение двух лет он занимал эту почетную должность; это было большой честью не только для него, но и для всего полка, и когда он вернулся в строй, его назначили адъютантом, и все от души согласились с этим повышением, считая его самым достойным среди них.

- Но, граф, скажите нам, вы должны что-нибудь знать, кто же тогда этот Винклер?

Все с тревогой посмотрели на графа; воцарилась мертвая тишина, они едва осмеливались дышать.

- Джентльмены, - наконец сказал адъютант, - все, что известно полковнику и мне, мы только что узнали от Его Светлости. Старина Винклер - фабрикант.

Они чувствовали себя так, словно с их сердец свалился камень. Производитель! Конечно, это мало что значило и, конечно, не шло в сравнение с социальным положением сельского дворянина или камергера; но все же Крупп был не более и не менее как фабрикантом, и германский император называл его своим другом перед всем миром. С их сердец свалился груз, но все они сразу же поняли, что у графа все еще что-то на уме и что вопрос о том, чтобы стать фабрикантом, имеет к этому какое-то отношение.

- А что производит этот парень? Пушки или станки?

"Ни то, ни другое — пуговицы на брюках". Если бы в офицеров внезапно ударила молния, они не смогли бы бежать быстрее и с большим ужасом.

- Боже мой! Они огляделись, нет ли поблизости кого-нибудь из гостей или санитаров, а затем снова столпились вокруг адъютанта.

Белиц, офицер очень высокого роста, первым пришел в себя; он был в очень хороших отношениях с адъютантом, почти своим другом, и поэтому осмелился сказать: "Не разыгрывайте с нами глупых шуток, мы не в настроении для них, а такие вещи не следует говорить в шутку. А теперь действительно расскажите нам, что производит этот старина".

Граф спокойно посмотрел на говорившего. "Мой дорогой друг, я ни в малейшей степени не в настроении шутить, но я сказал вам правду. Старый Винклер производит пуговицы, разумеется, оптом. У него три большие фабрики, и на них работают тысячи рабочих, о которых, как говорят, прекрасно заботятся. В течение нескольких лет он был членом городского совета, а в течение трех - коммерческим советником императора; совсем недавно он внес сто тысяч марок в благотворительное учреждение, находящееся под особым покровительством Его Величества, и он также пообещал внести взнос в размере двадцати тысяч марок в течение следующих пяти лет. Он отказался от предложенного ему важного заказа, и когда его спросили, чем его можно отблагодарить, он ответил, что для него было бы большим удовольствием, если бы его единственного сына перевели из пограничного гарнизонного городка в Берлин, чтобы он мог чаще видеться с ним. Его желанию нельзя было отказать, и поэтому его сын пришел к нам".

После небольшой паузы, во время которой царила глубочайшая тишина, адъютант продолжил: "Перевод лейтенанта Винклера в наш полк осуществляется по личной просьбе Его Величества. Поэтому нам надлежит не критиковать приказы Его Величества. Я прошу вас помнить об этом и воздерживаться от любого выражения мнения".

Было совершенно ясно и безошибочно видно, что адъютанты отзывались от имени и по просьбе полковника и молча один за другим удалялись.

Но молчание было гораздо выразительнее слов. "Золотые бабочки" уныло расхаживали по комнате; у них не хватило духу попросить своих гостей остаться, когда последние гораздо раньше обычного приготовились к отъезду. Было совершенно безразлично, останутся они еще на час или нет; дух мероприятия испарился; праздник был испорчен. Комнаты вскоре опустели, одна за другой разъехались, остались только "Золотые бабочки". И они, когда наконец остались совсем одни, снова спросили себя: "Чем мы это заслужили?"

В углу комнаты, съежившись на диване, сидел юный Вильберг, всеобщий любимец, молодой лейтенант двадцати шести лет, отец которого служил в этом полку и в тот памятный день был награжден Железным крестом первого класса. Молодой Уилльберг, очевидно, довольно сильно злоупотреблял вином; он был в состоянии крайнего отчаяния и плакал и всхлипывал, как ребенок.

- Вильберг, в чем дело? - Что случилось? - сочувственно спросили его товарищи, подходя ближе.

Он поднял свое лицо, которое обычно выглядело свежим и моложавым, но сейчас по его щекам текли блестящие слезы, и душераздирающим голосом он всхлипнул: "Мой полк, мой любимый полк".

Ни один из тех, кто стоял вокруг него, не мог сказать ему ни слова утешения — все они были скорбны, как смерть.

ГЛАВА II

Знакомство с полком

- Сегодня в двенадцать часов я желаю поговорить с офицерами в парадной форме.

Приказ полковника был передан всем офицерам, и теперь, полные ожидания, они стояли у входа в кают-компанию. На вопросы: "Что теперь со стариком? Кого-нибудь обчистили?" ответ был дан немедленно: "Сегодня приезжал Винклер, и он должен быть представлен всем нам".

И за этим универсальным ответом каждый раз следовало всеобщее "Ах— - выражение глубочайшего сочувствия и величайшего разочарования. Винклер действительно приходил? Сколько горячих молитв не возносилось к небесам, чтобы онне приходил! И в глубине души каждый мужчина все еще надеялся, что порядок обмена будет отменен. Его Величество узнал в

частном порядке, через расспросы адъютанта, что они думают об этом новом товарище; они не скрывали своих взглядов, но вместо ожидаемого приказа об отзыве адъютант однажды появился снова и совершенно случайно, в форме беседы, но, несмотря на это, с официальным видом дал им понять, что Его Величество был очень раздосадован тем, что он услышал о мнении офицеров относительно лейтенанта Винклера. Его Величество выразил самую искреннюю надежду, что полк примет своего нового члена с распростертыми объятиями. Слова адъютанта возымели действие; не то чтобы офицеры внезапно изменили свои взгляды, но они позаботились о том, чтобы больше не высказывать в его присутствии того, что они думали.

Теперь Винклер действительно пришел. - Как он выглядит? - Какое впечатление он производит? - Кто-нибудь говорил с ним?

Посыпался поток вопросов. Внезапно пробило двенадцать, и с минуты на минуту появился полковник со своим адъютантом и лейтенантом Винклером.

Старший лейтенант жестом пригласил офицеров занять свои места, и полковник немедленно начал:

"Джентльмены, я попросил вас встретиться со мной, чтобы представить вам нашего нового товарища, лейтенанта Винклера. Позвольте мне представить вас, лейтенант Винклер.

Лейтенант Винклер вышел вперед и дружески отдал честь; он стоял прямо и учтиво, мужчина среднего роста, стройный, но сильный. Он был очень хорошо развитым человеком, и подходящая форма "Золотых бабочек" с богатой золотой вышивкой превосходно шла ему; на его молодом и свежем лице — ему было двадцать семь лет — с густыми светлыми усами и в ясных голубых глазах были написаны энергия и независимость. Многие из присутствовавших офицеров едва могли скрыть определенное волнение и смущение. Одно только лицо Винклера оставалось абсолютно невозмутимым.

"Золотые бабочки" изучающе посмотрели на своего нового товарища, точно так же, как если бы они разглядывали лошадь, которую привели перед ними. Они бросали взгляды на его фигуру, на ноги, оглядывали его с ног до головы, чтобы понять, хорошо ли он справится с парадным маршем и соответствует ли его внешний вид требованиям, предъявляемым к военнослужащему столь важного полка. В зависимости от того, насколько они были удовлетворены своим осмотром, они более или менее сердечно прикладывали руки, а в некоторых случаях только палец, к своим шапкам.

"Лейтенант Винклер, - продолжал полковник, - вам оказана великая честь; по прямой просьбе Его Величества вы зачислены в полк, который может оглядываться на славное прошлое и офицеры которого всегда отличались чистотой характера, отвагой духа и честной жизнью как солдат, так и джентльменов. Вы прибыли к нам из другого гарнизона, из совершенно другого окружения. Вы выросли в условиях, когда люди не придерживаются тех же взглядов, что и мы. Это должно быть вашей первой попыткой стать одним из нас в самом прямом смысле этого слова, ибо не форма делает человека человеком, а дух накладывает на него печать. И финансовое положение человека не лишено влияния на боевой дух полка. Вы, лейтенант Винклер, вероятно, располагаете таким большим денежным довольствием, что оно не имеет никакого отношения к тем небольшим суммам, с которыми приходится иметь дело большинству моих офицеров. Вы, сэр, выросли в кругу, где деньги играют самую важную роль, где, в определенной степени, честь, которой пользуется человек, зависит от размера его банковского

счета. Но наша великая гордость заключается в том, что с нашими небольшими средствами, или, скорее, я бы сказал, несмотря на наши небольшие средства, мы остаемся теми, кто мы есть. Со временем вы сами увидите, как многие из ваших товарищей вынуждены ограничивать себя, чтобы свести концы с концами, и как они вынуждены лишать себя всевозможных вещей, чтобы поддерживать достойный вид. Хотя я рад слышать, что, пока вы жили в маленьком гарнизонном городке, вы были экономны и избегали всякой роскоши, теперь, когда вас переводят в Берлин, я должен самым серьезным образом просить вас и самым решительным образом предостерегать от различных искушений, которые будут преследовать вас здесь. Придерживайтесь скромного образа жизни и не впадайте в ошибку, столь легкую для молодежи, - хвастайтесь своим богатством и состоятельностью и играйте по-крупному со своими товарищами. Если вы прислушаетесь к моему предостережению, то между вами и этими джентльменами, которым вы теперь незнакомы, установятся дружеские и сердечные отношения". И, повернувшись к адъютанту, он продолжил: "Граф, я прошу вас представить лейтенанта Винклера отдельным офицером".

Представления производились строго в соответствии с этикетом, начиная с подполковника и заканчивая самым молодым лейтенантом.

Только когда были зачитаны имена лейтенантов, в поведении Винклера появились какие-то признаки жизни. Во время длинной речи полковника и пока зачитывались имена его вышестоящих офицеров, он стоял неподвижно, его рука была поднята в знак приветствия — и все должны были признать, что он держался хорошо, — не двигаясь и не уклоняясь. Его лицо было настолько хорошо под контролем, что ни один мускул не дрогнул, и ни одна морщинка на нем не выдавала того, что он чувствовал при замечании полковника. Когда были названы имена лейтенантов — он отдал честь первым лейтенантам как своим начальникам, — его осанка несколько смягчилась, и он сердечно ответил на приветствия своих товарищей. И он хорошо отдал честь — это тоже все должны были признать.

Наконец он смог высвободить руку и снова стоять свободно; рука почти онемела, мышцы ног дрожали и болели, но он никак не подавал виду.

- Лейтенант Винклер зачислен во второй батальон пятой роты.

Все взгляды были устремлены на капитана пятой роты, барона фон Варнова; он считался самым важным офицером в полку; он имел очень древнее происхождение, которое можно было проследить до императора Барбароссы, в кампаниях которого отличился некий Варнов. Он был женат на графине Мейльни, обладал очень большим состоянием, и его дом считался самым аристократическим в Берлине. Всякий раз, когда речь заходила о том, чтобы представлять полк или послать куда-либо депутацию, кандидатурой всегда выдвигался барон фон Варнов. Благодаря своему происхождению и связям с самыми влиятельными семьями страны он был идеально приспособлен для таких назначений. И он был столь же выдающимся в своей военной карьере, как и в личной жизни. Он не допускал ругани или плохого поведения среди своих офицеров. Он пытался, как со смехом говорили его товарищи, сделать из каждого мушкетера джентльмена, и в лице своего первого лейтенанта, барона фон Фельзена, у него был отличный помощник. За последние две недели к его роте был прикреплен только один офицер, потому что незадолго до этого его лейтенант упал во время верховой езды и сломал руку. Пройдет по меньшей мере месяц, прежде чем он снова сможет поступить на действительную службу, но ему и в голову не приходило, что к нему будет приставлен другой офицер.

И теперь в его роте будет лейтенант Винклер — он, барон фон Варнов!

Он едва мог скрыть свое раздражение; его густые брови нахмурились, и он уже собирался что-то яростно пробормотать, когда встретился взглядом с Винклером. Последний, услышав имя своего капитана, оглянулся, чтобы посмотреть, кто из многих, кому его представили, был бароном фон Варнов. Когда он увидел разочарованное и почти разъяренное лицо последнего, он сразу понял, что это был барон! Он уставился на него так, словно спрашивал: "Какой вред я тебе причинил?" Возможно, его лицо стало чуть бледнее, но в его голосе звучали спокойные, ровные нотки, когда он подошел к своему старшему офицеру и отдал ему честь.

Барон фон Варнов ответил на приветствие голым пальцем, затем сказал: "Было бы более уместно, если бы вы, прежде всего, отдали честь своему майору".

Винклер покраснел, затем исправил упущение и подошел к барону фон Маземанну, своему старшему лейтенанту, чтобы узнать его получше, поскольку им предстояло находиться в одной роте. Он воспринял его дружелюбие как нечто само собой разумеющееся, но в ответ получил лишь короткое: "Я вам очень обязан".

Полковник беседовал со штабными офицерами; другие офицеры болтали, разбившись на разные группы. Винклер стоял совершенно один, никто не беспокоился о нем, и он вздохнул свободнее, когда полковник наконец отпустил офицеров.

Когда Винклер повернулся, чтобы уйти, его капитан, разговаривавший со старшим лейтенантом, окликнул его: "Одну минуту, пожалуйста, лейтенант Винклер", и после небольшой паузы продолжил: "Я не знаю, лейтенант Винклер, осознаете ли вы уже этот факт, в противном случае мне лучше сразу сказать вам, что в моей роте поддерживается совершенно хороший и здоровый тон; поэтому я должен просить вас избегать всякой ругани, с моими людьми привыкли обращаться как с порядочными людьми. Для вас очень большая честь находиться в моей компании, и я надеюсь, что вы будете стремиться поддерживать ее достойно ". И, повернувшись к своему старшему лейтенанту, он продолжил: "Мой дорогой барон, если сначала лейтенанту Винклеру будет нелегко поддерживать правильный тон, вы будете достаточно любезны, чтобы помочь ему".

Первый лейтенант поклонился, затем капитан снова повернулся к Винклеру: "Мы снова увидимся завтра на дежурстве; будьте добры, сообщите старшему сержанту ваш адрес, чтобы мы могли знать, куда отправлять приказы".

- Разумеется, сэр.

- Тогда мне больше нечего сказать. Я признателен вам за то, что вы пришли, джентльмены.

Оба лейтенанта повернулись, чтобы уйти, и молча пошли по большому внутреннему двору. Только когда они миновали дверь столовой, барон сказал: "Мы не будем обедать до шести часов; не присоединитесь ли вы к нам за ленчем в столовой?"

Но Винклер отказался. - Я должен пойти и доложить о себе вышестоящим властям, и, кроме того, у меня еще много дел.

Собеседник не стал настаивать на дальнейшем, и, обменявшись несколькими словами, они распрощались.

Винклер подождал муху; было почти три часа, когда он наконец добрался до отеля, в котором снял на время номер.

- Для меня приходили какие-нибудь письма? - спросил он. Три дня от него не было вестей из дома; он телеграфировал родителям, что сегодня будет в Берлине, и надеялся получить от них теплое приветственное письмо.

Портье просмотрел письма.

- Для вас ничего не пришло, сэр.

Винклер с трудом скрывал свое разочарование. Как раз сегодня, когда он чувствовал себя таким ужасно одиноким, доброе письмо от родителей было бы очень кстати. Он был вполне готов к тому, что его новый полк не встретит теплого приема, но у него не было ни малейшего представления, что офицеры примут его с такой холодностью и таким отвращением.

- Ключ в комнате наверху, сэр.

С озабоченным видом он поднялся наверх. К его удивлению, дверь в гостиную была не заперта, и когда он открыл ее и вошел в комнаты, его встретил громкий, сердечный смех.

"На! ha! Джордж, мальчик мой, вот тебе сюрприз, не так ли? Я сказал привратнику, что сверну ему шею, если он сообщит вам о моем приезде; два часа я сижу здесь и жду вас. Теперь, слава богу, вы наконец здесь. И как прекрасно ты выглядишь, мой мальчик, твоя мама лопнула бы от гордости, если бы увидела тебя сейчас. Конечно, первое, что ты сделаешь, это пойдешь и сфотографируешься".

И с оправданной отцовской гордостью и глубочайшим восторгом фабрикант перед Его Величеством обнял своего сына.

Когда Джордж наконец освободился, он сказал:

"Отец, это действительно сюрприз. Как ты сюда попал?"

Старик, лет шестидесяти, среднего роста и крепкого телосложения, с широким румяным лицом, большими серыми глазами и густыми кустистыми бровями, весь облик которого свидетельствовал о железной воле, энергии и большой уверенности в себе, удовлетворенно посмотрел на своего сына. - Неужели ты так мало знаешь своего отца, что думала, он позволит тебе побыть здесь одной сегодня? Я хотел помочь вам найти комнату, но больше всего я хотел услышать, как у вас идут дела, и услышать все, что люди сказали вам сегодня. А теперь начинай и расскажи мне все.

Джордж снял шлем и шарф и сменил военную шинель на удобную свободную куртку; затем взял одну из сигар, которые предложил ему отец, и опустился в кресло.

- А теперь, мой мальчик, начинай и Расскажи мне все; конечно, ты можешь говорить, пока переодеваешься. Я знаю, ты всегда говоришь: "Одно дело за раз", но я говорю, что можно делать несколько дел одновременно. Как ты думаешь, я добился бы такого успеха, если бы поступил иначе? Ведь сегодня я обедал стоя, ел левой рукой, а правой написал несколько записок и в то же время отдавал своим клеркам всевозможные распоряжения и поручения. Так что теперь стреляй".

С выжидающим выражением фабрикант посмотрел на своего сына, который по-прежнему хранил молчание, но наконец сказал: "Отец, все произошло так, как я тебе говорил, когда ты сказал, что просил обменять меня. Все произошло именно так, как я и говорил, только все оказалось намного хуже.

Старик встал и посмотрел на сына широко открытыми глазами. - Ты хочешь сказать...

"Я хочу сказать, - продолжал его сын, - что в полку меня приняли таким образом, что я мог бы не только покраснеть от стыда, но и вспылать яростью, что я и сделал внутренне. Однако я был в состоянии контролировать выражение своих чувств, как и всегда. Они выслушали со мной долгую беседу, они призывали меня выполнять свой долг и продолжали втолковывать мне, что принадлежать к их полку - огромная честь".

"Это, безусловно, так", - согласился его отец. "Вы бы видели, как люди открыли глаза, когда я рассказал всем нашим друзьям и знакомым, что мне удалось добиться вашего перевода в "Золотые бабочки". На самом деле, они не поверили бы этому, пока не увидели это черным по белому. Уверяю тебя, мой мальчик, это было нелегко, и это дорогая роскошь. Двести тысяч марок - немалая сумма, но я не жалею этих денег.

"Но, что касается меня, я не только верю — я убежден, — что эти деньги плохо потрачены. Когда вы прежде всего написали мне, что вам самому было интересно узнать о моем обмене, разве я не умолял вас, так настойчиво, как только мог, не продолжать ваши усилия? Вы посмеялись надо мной и написали: ""Золотые бабочки" скоро поймут, что за человек у них в лице сына фабриканта, получившего специальное назначение к Его Величеству, а если они еще не знают, то им скоро придется это узнать".

- И они узнают это, сын мой, уверяю тебя.

Джордж покачал головой. - Они никогда этого не сделают, отец, потому что никогда не потрудятся узнать меня получше. Они считают меня незванным гостем, чужаком. Даже сегодня я совершенно уверен, что они только и ждут момента, когда смогут прилично от меня избавиться. Они будут внимательно следить за мной, они будут тщательно взвешивать все, что я говорю, все, что я делаю, пока, наконец, не найдут какое-то основание сказать мне: "Мой дорогой сэръ, вы не подходите для такого полка, как наш ". И в одно прекрасное утро я снова окажусь в маленьком гарнизонном городке ".

Старик взорвался— "О, о, мы еще не дошли до этого, и прежде чем это произойдет, я должен сказать вам пару слов, вот что я могу вам сказать. Я пользуюсь благосклонностью императора и в назначенный час буду знать, как открыть рот.

Джордж пожал плечами. - Тогда будет слишком поздно и бесполезно, и, кроме того, вам бы не понравилось, если бы офицеры были вынуждены удерживать меня против их воли. Я уже

достаточно настрадался, приехав сюда вопреки их воле, или вы полагаете, что я не должен горько возмущаться тем, что мне не было сказано ни единого приветственного слова, ни одна рука не была протянута мне в знак приветствия?"

Вены вздулись на лбу старика. "Что имеют в виду эти заносчивые аристократы? Чем они гордятся? Просто потому, что они случайно оказались в аристократической семье. Разве это их заслуга, что у них отцом является граф или барон? Я не могу удержаться от смеха над ними! Если это все, чем они могут гордиться, то мне действительно искренне жаль этих заносчивых аристократов. Родиться сыном дворянина, конечно, не является заслугой; но быть, как я, сыном низшего чиновника, который благодаря своей собственной энергии и усердию проложил себе путь наверх и достиг важного положения, - это действительно повод для гордости. И если эти люди этого не понимают, то, должно быть, потому, что они не хотят или не могут, потому что они такие упрямые и глупые".

Фабрикант вскочил и в ярости принялся расхаживать взад-вперед по комнате. Джордж понимал своего отца и знал, что, когда тот был в таком настроении, он должен дать волю своему гневу и должен восстановить самообладание, прежде чем кто-либо станет прислушиваться к его доводам. Поэтому он спокойно позволил старику бушевать, пока, наконец, с могучим проклятием снова не опустился в кресло.

"Что ж, - сказал он, - теперь я снова в порядке. Я не могу отделаться от мысли, мой мальчик, что ты смотришь на вещи в слишком мрачном свете. Нельзя полностью винить этих парней за то, что они относились к вам в определенной степени как к постороннему, и если смотреть на вещи рационально, то вполне понятно, что они не приняли вас с распростертыми объятиями. Эти офицеры не знают вас; они абсолютно ничего не знают о вас, кроме того, что вы сын своего отца, а поскольку я не родился с короной на голове, им этого недостаточно. Они должны познакомиться с вами поближе, и они это сделают. Когда я спокойно обдумываю этот вопрос и сейчас нахожусь в трезвом расположении духа, я должен признаться, что оказанный вам прием не вызывает у меня особого неудовольствия. Лейтенанты не похожи на школьников, которые клянутся в вечной дружбе в первые пять минут. Почему "Золотые бабочки" должны быть вне себя от радости при виде тебя? Просто потому, что ты красивый парень? Нет, нет, мой мальчик. Ты сам должен занять свое место в полку, и я совершенно уверен, что ты его займешь.

- По крайней мере, я попытаюсь, отец, и не моя вина, если у меня ничего не получится.

"Почему бы вам вообще не добиться успеха? Не начинайте в таком духе. Держите голову высоко. Смело смотрите в будущее. Все, к чему человек стремится изо всех сил, может быть получено — и больше говорить не о чем".

Джордж согласился. "Да, давайте оставим эту тему; только будущее может решить, кто из нас прав. Но есть одна вещь, которую я бы очень хотел знать, и ты не ответил на этот вопрос в своих письмах — разве это не была идея моей матери перевести меня из линейного полка в гвардейский?"

Фабрикант самодовольно рассмеялся. - Что ж, если тебе действительно так хочется знать, ты прав, мой мальчик, в своем предположении. Ты знаешь свою мать — она сокровище, но она не была бы женщиной, если бы деньги, титул и положение, о которых воспевают мужчины, немного

не вскружили ей голову. Сейчас мы живем в хорошем стиле, отчасти благодаря твоей сестре Эльзе. Мы много принимаем гостей, и иногда твоей матери было не очень приятно, когда ее спрашивали, где ты, признаваться, что ты служил в каком-то жалком местечке со второсортным полком. Конечно, на самом деле никто ничего не сказал, но ваша мать совершенно ясно прочитала по их лицам: "Вы видите, что все еще есть двери, которые деньги не откроют". Это, естественно, досадовало на вашу мать и ранило ее тщеславие; у нее только один сын, вы должны помнить, и, по ее мнению, лучшего для него недостаточно. Она так постоянно твердила это мне в уши, что в конце концов я сделал то, что она хотела".

"Это именно то, о чем я подумал", - сказал Джордж. "Я вижу, как моя мать делает это, как она уговаривает тебя — я знаю каждое слово, которое она сказала. Что ж, она определенно хотела сделать это ради меня, и теперь я очень надеюсь, что она очень счастлива".

Фабрикант расхохотался. "Счастлив, мой мальчик? Говорю тебе, никакие слова не могут выразить то счастье, которое она испытывает сейчас. Теперь она всегда одета в лучшее шелковое платье, которое раньше предназначалось для самых торжественных случаев".

Джордж не мог удержаться от смеха, и они продолжали говорить о матери и сестре, которых преданно любил ее брат, о доме и фабрике, пока не пробил час и Джордж не вспомнил, что ему давно пора идти ужинать.

Фабрикант скорчил гримасу. - А мы не можем пообедать вместе? Я подумал, что в честь этого дня мы могли бы заказать в первоклассном ресторане ужин, который вызвал бы зависть бессмертных богов.

- Сегодня это совершенно невозможно, отец; в первый же день я ни при каких обстоятельствах не должен отсутствовать на общем обеде; возможно, завтра я буду свободен.

Старик досадливо заворчал. - Завтра - это не сегодня, но ничего не поделаешь. А затем, после короткой паузы, он сказал: "Могу я не обедать с вами в столовой? Я подумал, что, возможно, мне следует обратиться к вашему непосредственному начальству или, во всяком случае, к вашему полковнику.

Джордж был несколько смущен. Он был хорошим сыном, гордился своим отцом и очень любил его, и именно из-за этого он хотел, чтобы люди не заметили ничего странного в его манерах за обедом; больше всего он заботился о том, чтобы у его товарищей не было повода делать замечания по поводу чего-либо в его поведении, что вызывало у них неудовольствие. Кроме того, он боялся, что его отец, чей страстный, вспыльчивый нрав он слишком хорошо знал, может потерять самообладание и сделать нелестные замечания, которые могли только навредить им обоим. Поэтому он нерешительно сказал: "Боюсь, это вряд ли подойдет, отец; в армии существует старый обычай, что в первый раз, когда офицер ужинает со своими новыми товарищами, они приглашают его как гостя, и поэтому он, естественно, не может привести гостя с собой".

Старик понял это легче, чем Джордж смел надеяться. "Очень хорошо, тогда я должен выпить рейнское вино в одиночестве; мы снова увидимся перед сном, и тогда ты должен рассказать мне все, что произошло".

Но когда Джордж вернулся около десяти часов, рассказывать ему было особо нечего, по крайней мере, ничего особенно приятного. Обед прошел хорошо; они, конечно, выпили за его здоровье, но это было все; офицерские апартаменты были великолепны, и Джордж долго рассказывал о них, пока его отец наконец не пожелал ему "Спокойной ночи".

Джордж поднялся к себе в комнату, но долго лежал без сна и думал о том, о чем не рассказал отцу. Самый старший офицер за ужином коротко поприветствовал его, но слова прозвучали холодно, и Джордж сказал себе, что заговорил только потому, что был обязан, и в его словах не было сердечности. За речью последовали одобрителные возгласы, чокнулись бокалами, и на этом дело было закончено. Никто не прислал ему приглашения.

"Почему я не остался там, где был? Что произойдет в будущем?"

Этот вопрос долго не давал ему уснуть, и когда он наконец заснул, то увидел радостные глаза своей матери, сияющие от радости по поводу отличия, оказанного ее сыну.

ГЛАВА III

Среди аристократии

Полк вернулся с маневров пять недель назад, новобранцы были зачислены, и в Берлине начались военные и общественные празднества зимнего сезона. Никто не ждал начала зимы с таким нетерпением, как Джордж. Хотя он пробыл в "Золотых бабочках" почти шесть месяцев, он все еще был таким же незнакомцем для всех своих товарищей, как и в первый день, поскольку все его попытки побратимствовать с ними были пресечены их пассивным сопротивлением. Теперь, когда начались зимние празднества, он надеялся установить более дружеские отношения с офицерами.

Сегодня капитан фон Варнов, у которого был элегантный дом с прекрасными просторными комнатами, давал танцы и пригласил весь полк. Все были в восторге, потому что развлечения в Уорноу сильно отличались от обычных официальных вечеринок.

Племянница Варнов, фройляйн фон Видеманн, высокая, стройная, очень красивая брюнетка двадцати трех лет, гостила у них, как и каждую зиму. Молодая баронесса была признанной красавицей, и хотя за последние год или два она утратила часть своего очарования, ее по-прежнему считали очень красивой девушкой. Весь ее вид и осанка были выдающимися, потому что она была аристократкой до мозга костей. Видеманны принадлежали к очень старинному роду, и она была строго воспитана в принципах своего класса. Ее отец раньше был офицером гвардейского полка, которому было предсказано великое военное будущее, но однажды он допустил ошибку во время проверки своего батальона, и теперь, поскольку за время своей военной карьеры он тратил все свои ограниченные личные средства, он жил с женой и дочерью в маленьком городке на пенсию около четырех тысяч марок (200 фунтов стерлингов) в год. Его

единственный сын был офицером важного артиллерийского полка. Великая бедность царила в доме майора, вышедшего на пенсию: пособие, которое требовалось его сыну, чтобы поддерживать приличный вид в своем полку, поглощало половину его пенсии, а другой половины, несмотря на все усилия, было недостаточно для покрытия обычных жизненных расходов. Следовательно, майор был по уши в долгах.

Сначала он не слишком беспокоился по этому поводу. Хильдегарда, его прекрасная дочь, в один прекрасный день составит отличную партию и тогда оплатит все его долги. Но годы шли, а великолепная партия так и не состоялась. Хильдегарда никогда не могла удачно выйти замуж, пока оставалась в маленьком провинциальном городке; тогда фрау фон Варнов, которая была связана с Видеманами и очень любила Хильдегарду, вышла вперед и сказала, что найдет для нее подходящую *партию*. Пять лет назад Хильдегарда впервые побывала в Берлине; со всех сторон она вызывала восхищение, их Величества замечали ее на придворных празднествах, но она еще не была помолвлена.

Не то чтобы в женихах было недостатка; один за другим они пытались завоевать ее расположение, но каждый по очереди отступал, когда слышал об отсутствии у нее приданого. Ни один из гвардейских офицеров — и ни фрау фон Варнов, ни Хильдегарда не посмотрели бы ни на кого другого — не был достаточно богат, чтобы жениться на девушке, чье предназначение в браке заключалось в ее красоте и целой семье, погрязшей в долгах. Ибо зятю предстояло расплачиваться не только с долгами отца, но и с долгами брата, поскольку последний был известен как легкомысленный расточитель и игрок. Отец Хильдегарды никак не мог понять, почему после своей первой зимы в Берлине она вернулась домой без *жениха*. Он настолько безоговорочно рассчитывал на богатого зятя, что неосуществление его надежд показалось ему страшным ударом, нанесенным ему Судьбой, и прошло много времени, прежде чем он оправился от него. Но, наконец, в его сердце снова зародилась надежда, хотя на самом деле ни у него, ни у его дочери не было никаких перспектив. Брат Хильдегарды тоже надеялся на ее избавление; оно наверняка должно было когда-нибудь прийти, а он был так по уши в долгах, что мог держаться на плаву только благодаря удачному выигрышу в карты; но это не могло продолжаться долго. Его богатые родственники время от времени помогали ему примерно 50 фунтами стерлингов, но он никогда не мечтал использовать их для выплаты своих долгов, а обычно проигрывал их сразу же, как только получал. Всякий раз, когда он оказывался в затруднительном положении, он писал своей сестре: "Осуществи возложенные на тебя надежды; спаси всех нас и не будь такой надменной в своих требованиях. Это правда, что мысль о шуринах из среднего класса, который, вероятно, никогда не носил парадной одежды и вращался в совершенно другом социальном круге, вызывает у меня отвращение, но все же я бы смирился с ним, если бы только у него были деньги и он был готов нам помочь".

В наши дни Хильдегард почти никогда не читала этих писем, поскольку заранее знала, что в них содержится. У ее отца была привычка говорить точно такие же вещи, когда в дом приходил счет, или ее мать просила денег на ведение домашнего хозяйства, или слуги требовали свою зарплату. Он всегда говорил в таких случаях:

- Отбрось свою аристократическую гордость до тех пор, пока у тебя не появится муж. Есть множество богатых мужчин из среднего класса, которые были бы только рады заполучить за свои жалкие деньги красивую и аристократичную жену, которая ввела бы их в Общество и

обеспечила бы им хорошее социальное положение. Когда у тебя будет свой муж, ты сможешь вести себя так аристократично, как тебе заблагорассудится, чтобы произвести на него впечатление, и чем больше ты будешь показывать, на какую жертву ты пошла, когда приняла его, тем больше он будет любить и почитать тебя".

Хильдегард едва сдержалась, чтобы не воскликнуть: "Что мне делать? Я едва ли могу сделать что-то большее, чем позволить выставять себя напоказ и восхищаться. Я не могу на самом деле предлагать себя мужчинам. Мне часто бывает так ужасно стыдно, что я едва знаю, как выносить такую жизнь, и то, что вы говорите, кажется мне ужасным. Я не могу понять, как вы можете так разговаривать со мной; вам следовало бы больше уважать свою дочь, чем делать это. Это деньги, деньги, вечные деньги; и чтобы расплатиться с твоими долгами, я должна продать себя первому же шаферу, который предложит достаточно для моего тела".

В таких случаях яростные речи вертелись у нее на кончике языка, но она всегда сдерживалась, потому что знала, какую ужасную борьбу вел ее отец и как он часами лежал без сна, ломая голову, как свести концы с концами. Когда он только уволился из армии, он откладывал попытки получить назначение, потому что тогда считал ниже своего достоинства становиться агентом страховой компании или что-то в этом роде; теперь было слишком поздно, а он был недостаточно молод, чтобы устроиться на работу. До конца своей жизни он был обречен вести жалкое существование офицера, рано вышедшего на пенсию: для него не было ни карьеры, ни денег. Его жена страдала едва ли не больше, чем он; она была элегантной, утонченно выглядящей женщиной, которая страстно желала вернуться в Берлин и принять участие в великолепных развлечениях, где ею так восхищались. Когда она удалилась в провинциальный город, между ней и мужем произошел жестокий спор; она отказывала себе, мирилась со всевозможными лишениями, но ей хотелось снова дышать воздухом, которым она наслаждалась прежде. "Подожди год или около того, пока Хильдегарда не выйдет замуж, и тогда мы снова вернемся в Берлин", - снова и снова повторял ей муж. И наконец она сдалась. Сначала она твердо решила жить в маленьком городке очень экономно, но постепенно снова превратилась в утонченную и элегантную светскую даму, которая не могла изменить свой образ жизни и *туалеты*. Она постоянно говорила дочери о своем предполагаемом замужестве, и бывали часы, когда она, не стесняясь, яростно упрекала своего ребенка: "Как так получается, что другие молодые девушки, которые далеко не так красивы и элегантны, как ты, выходят замуж? Вы должны быть либо очень замкнутым человеком, либо слишком явно демонстрировать, что хотите жениться. Оба подхода не подходят".

Хильдегарда ужасно страдала от этих речей и всех семейных обстоятельств, но еще больше она страдала из-за визитов к своим родственникам. Это правда, что ей было приятно снова оказаться в богатой семье, ничего не слышать о денежных заботах; но в Берлин ее сопровождали письма от родителей с просьбой одолжить им денег у их родственников. С другой стороны, веселье было для нее совершенно испорчено, потому что каждый вечер, перед тем как лечь спать, ее тетя обычно спрашивала: "Неужели сегодня не случилось ничего важного?" И даже если ее тетя на самом деле не говорила этого и старалась не показывать ей своих чувств, Хильдегарда заметила, что тете больше не доставляло удовольствия водить ее по окрестностям, поскольку она видела бесполезность всех ее усилий и предпочла бы, чтобы племянница больше не навещала ее.

В этом году Хильдегард решила не ехать в Берлин; ее гордость и тщеславие восставали против того, чтобы снова стать обузой для своих родственников и играть презренную, но достойную жалости *роль*. Она часто замечала как презрительные, так и сочувственные взгляды, которыми ее встречали, когда она наносила визиты; некоторые люди в частном порядке подшучивали над тем, что она не перестала думать о муже, другие, зная ее стесненные обстоятельства, испытывали к ней сочувствие.

"Ни при каких обстоятельствах я не поеду в Берлин в этом году", - заявила она своим родителям. "Я слишком горда и слишком стыжусь снова показываться на всех вечеринках, и при этом у меня нет ни любовника, ни покупателя!"

Спор длился весь день, но в конце концов ее отец, которому пригрозили судом за растление из-за счета за вино на пятьсот марок, упал перед ней на колени и умолял спасти его. Затем, наконец, ее сопротивление уступило. Но она чувствовала себя такой несчастной, настолько униженной и подавленной, что во время долгого путешествия по железной дороге постоянно плакала.

- Мое дорогое дитя, ты никогда еще не выглядела такой расстроенной; что с тобой? тетя спросила ее об этом, и она успокоилась только тогда, когда Хильдегарда притворилась, что у нее сильно болит голова. Тетя вздохнула свободнее, но на следующее утро и в последующие дни внешность Хильдегарды ее не удовлетворила, и было невозможно скрыть тот факт, что она уже не была той цветущей молодой девушкой, какой была раньше. Тетя сочувственно посмотрела на нее и сказала скорее себе, чем племяннице: "Давно пора, давно пора!"

- Да, это определено так, - подхватила Хильдегарда, - потому что я больше не могу выносить такую жизнь. Если я не обручусь на этот раз — а я убеждена, что *не*обручусь, — я получу место гувернантки, или компаньонки, или что-нибудь в этом роде. Это я знаю — я больше не вернусь домой".

- Хильдегарда! Фрау фон Варнов с крайним изумлением посмотрела на свою племянницу, сидевшую напротив нее. Она была очень бледна, под глазами у нее были темные круги, вокруг рта залегли меланхолические, унылые складки. "Хильдегард, думай, что ты говоришь. Вы, чтобы занять место. Вы, видеман! это совершенно невозможно; только из-за нас это никогда не работает, и вы должны считаться с нами".

Хильдегарда не ответила, но ее глаза выражали решимость, и фрау фон Варнов поделилась своими страхами с мужем. "Только представьте, - сказала она, - Хильдегард твердо решила, что это ее последний визит к нам, и она способна осуществить свое решение; если она это сделает, это серьезно отразится на нас, и люди будут упрекать нас в том, что мы не дали ей достаточно денег. Они скажут: "Как могут такие богатые люди, как Уорноу, позволить близкой родственнице получить работу и самой зарабатывать себе на жизнь". Люди будут думать, что мы холодны и лишены всяких приличных чувств, и скажут, что даже если бы Хильдегарда не смогла остаться дома, самое подходящее место для нее было бы с нами".

Капитан фон Варнов выглядел возмущенным и в знак своей досады выпятил нижнюю губу и подкрутил свои безупречно заостренные усы. "Моя дорогая Клара, умоляю, избавь меня от этих вопросов; уладь дело с Хильдегардой. У меня есть более важные вещи, о которых нужно

подумать — через несколько дней майор будет присутствовать на учениях, и, как вы знаете, все может пройти нормально, а может *инет*.

"Совершенно верно", - согласилась его жена. Он не уловил иронии в ее словах.

-Ах! Я рад, что вы это видите; тогда вы поймете, что в настоящее время я больше заинтересован в успехе моих людей, чем в том, примет ли Хильдегард пост или нет. Ты понимаешь, не так ли?

Его жена вполне понимала. Долгое время ее мужу несколько надоело быть опекуном Хильдегарды. Он очень любил ее, но ее семья действовала ему на нервы; он ненавидел эти вечные письма с мольбами, но всегда давал деньги, отчасти из любви к своей племяннице, отчасти потому, что чувствовал себя обязанным сделать это из-за своего положения. Ему была невыносима мысль о том, что его двоюродного брата, чьи предки отличились в Тридцатилетней войне, вызовет торговец; о подобном не могло быть и речи. Он бы очень предпочел, чтобы его жена никогда не брала на себя трудную задачу выдать Хильдегарду замуж, ибо тогда ему не нужно было бы вступать в тесные отношения с ее семьей. Он ничего не мог с собой поделать, но всякий раз, когда он получал письмо от Видеманов, у него возникало ощущение, что он имеет дело с чем-то не совсем чистым, и, едва прочитав письмо, он с большой церемонией мыл свои тщательно ухоженные руки.

Фрау фон Варнов была очень обеспокоена поведением Хильдегарды; ей никак нельзя было позволить взять ситуацию под контроль; это слишком сильно скомпрометировало бы их: в то же время она не хотела, чтобы та жила с ними. Был только один выход из положения: Хильдегард должна была обручиться в течение предстоящего сезона, но вопрос заключался в том — с кем? Вечером накануне своего приема фрау фон Варнов лежала без сна, размышляя о том, кто должен пригласить Хильдегарду на ужин, и только под утро ей в голову пришла счастливая мысль. Это было так просто, что она не могла понять, почему это не пришло ей в голову раньше. Винклер, конечно, должен был жениться на Хильдегарде, и за завтраком она поделилась своим планом с племянницей, которая выслушала его с безразличием; тот или иной мужчина был для нее все равно, если бы ее можно было спасти от жалких семейных обстоятельств, от безысходной бедности и не заставлял выслушивать часто повторяемые монотонные упреки в свой адрес. Тихая, покорная улыбка заиграла на ее тонко очерченных губах. - Итак, на этот раз избавителя звали Винклер. Мне бы очень хотелось знать, как он выглядит, хотя, возможно, для вас это не имеет значения. Он приятный?

Фрау фон Варнов на мгновение смутилась. - Я его еще не знаю.

- И все же вы рекомендуете его мне в мужья? В этих словах сквозили ирония и горечь.

К фрау фон Варнов быстро вернулось присутствие духа. - Чего вы хотите? Он очень богат, его отец, как говорят, миллионер, он просто создан для вас. Я никогда не говорил с вами о нем? Не так ли? Ну, я полагаю, я забыл его имя. Человек, как правило, слава богу, имеет так мало общего с этими представителями среднего класса, что не утруждает себя запоминанием их имен. Винклер, однако, принадлежит к нашему полку, он служит в роте моего мужа; вы знаете взгляды Эрика на офицеров среднего звена, но он вынужден признать, что этот Винклер выполняет свои обязанности наиболее удовлетворительно и что, вероятно, в течение нескольких лет он получит повышение. Для Эрика сказать это - высшая похвала. До настоящего времени, как вы вполне можете понять, он оставался рядовым аутсайдером, хотя в полку прослужил, должно быть, целых шесть месяцев, поскольку социальные предрассудки нельзя так быстро отбросить в

сторону. У Винклера здесь трудное положение; если бы вы с ним обручились, все изменилось бы в один миг — тогда он был бы отдаленно связан с нами; через вас он принадлежал бы к одной из самых выдающихся семей, и в качестве вашего *жениха* его не только приглашали бы самые избранные люди, но и — как бы это точнее выразить? — он чувствовал бы себя среди них как дома.

Последние слова фрау фон Варнов произнесла с некоторым трудом, и она была не совсем честна в своих словах. Она знала, что сама никогда не будет смотреть на лейтенанта Винклера как на родственника и что все остальные аристократические семьи будут рассматривать этот брак как *мезальянс*; они либо вообще не примут его, либо ограничатся чисто формальным общением и обменом необходимыми любезностями. Но это было совершенно безразлично; важнее было обеспечить Хильдегарду.

Фрау фон Варнов на мгновение замолчала. Она была совершенно измучена своей длинной речью; затем повернулась к племяннице и спросила: "Ну, что ты думаешь о моем плане?"

Хильдегарда промолчала; какой смысл было бы говорить: "Отвратительно обручаться с мужчиной таким образом; человеком, которого я не знаю, которого никогда не видела, и поэтому я не могу сказать, понравится он мне или нет". Ее тетя была так занята своим проектом, что не заметила молчания Хильдегарды, она даже не стала дожидаться ее ответа, а сказала: "Конечно, поэтому лейтенант Винклер пригласит вас на ужин".

- Но не покажется ли странным, если я пойду обедать с офицером, который совсем недавно поступил в полк, когда несколько мужчин постарше не смогут принять даму?

Фрау фон Варнов досадливо прикусила губу. Хильдегарда была совершенно права. Она не должна была допустить, чтобы ее проект стал слишком очевидным, и, немного подумав, сказала:

- Да, конечно, так не пойдет. Барон фон Маземанн должен пригласить вас на ужин, а Винклер должен сесть по другую сторону от вас. Поскольку сегодня он впервые приходит к нам домой и принадлежит к компании Эрика, это не привлечет внимания, если я отведу ему особенно хорошее место за ужином. Более того, я намерен сказать ему несколько дружеских слов перед всеми остальными гостями. Возможно, я даже попрошу Эрика поприветствовать его небольшой речью".

Но Эрик возразил. "Это заходит слишком далеко. Я не смог бы оправдаться перед своими товарищами, если бы сделал это, и это вызвало бы бурный протест. Я не могу не пригласить Винклера ко мне домой, поскольку он служит в нашем полку и является офицером моей роты; но поднимать тост за него сегодня, когда, за исключением слуг, он единственный представитель среднего класса в нашем доме, — об этом не может быть и речи".

Фон Варнов действительно был категорически против плана своей жены обручить Хильдегарду с лейтенантом Винклером.

"Винклер - мой родственник! Нет, спасибо. Позже, я полагаю, мне придется быть в довольно близких отношениях с этим парнем. Для Хильдегарды было бы гораздо лучше вообще не выходить замуж, чем выйти замуж за плебея.

Он негодуяюще прошелся взад-вперед по комнате и взял себя в руки только тогда, когда его жена, совершенно вопреки своим истинным чувствам по этому поводу, поскольку она уже видела новобрачных, стоящих у алтаря, сказала:

- Ты слишком быстро делаешь выводы. Когда это произойдет, мы сможем обсудить этот вопрос.

Появление слуг, которым еще предстояло сделать множество приготовлений к угощению, положило конец беседе, и настало время одеваться. И так, муж и жена больше не встречались до тех пор, пока к дверям не подкатила первая карета.

- Где Хильдегарда? - спросил я.

Наконец она появилась, как раз в тот момент, когда прибыли первые гости. Она выглядела очаровательно в своем кремовом халате, хотя на ее лице было несколько усталое и встревоженное выражение.

Карета за каретой подкатывали к дверям, и вскоре просторные приемные были заполнены. Все гости знали друг друга и были частыми гостями у Уорноу, и вскоре беседа была в самом разгаре. Большинство из них не виделись летом, и не было конца вопросам о том, где они были во время каникул. Они говорили о предстоящих увеселениях сезона, о придворных празднествах, программа которых только что появилась.

Лейтенант Винклер, по-видимому, прибыл последним. Он намеренно опоздал, чтобы быть представленным всему собранию в один и тот же момент. Он почти не был знаком ни с одной из этих дам, потому что только наименее важная из них включила его в список своих гостей. Случайно или намеренно, что, как только он вошел, в комнате воцарилась мертвая тишина? Джордж заметил, что дамы внезапно прервали свой разговор и холодно посмотрели на него. На мгновение он смутился, потому что даже хозяйка дома была ему незнакома. Кто она такая? Затем фрау фон Варнов подошла к нему, и лейтенант Винклер сделал шаг вперед и поцеловал ей руку.

- Сердечно приветствуем вас, лейтенант Винклер. Я рад видеть вас среди нас.

Все услышали эти слова так, как того желала фрау фон Варнов, и поэтому впоследствии никто не удивился бы, если бы она была к нему как-то особенно внимательна. Она обменялась несколькими словами с лейтенантом, а затем представила его дамам. В последнюю очередь она повернулась к своей племяннице.

"Дорогая Хильдегард, позвольте мне представить вам лейтенанта Винклера".

Хильдегард намеренно держалась на заднем плане. Она даже попыталась избежать представления. Ей было неприятно даже приближаться к человеку, которого они только что обсуждали в такой манере, и она с трудом скрывала свое смущение. Джордж этого не заметил. Он поклонился и вышел в коридор, чтобы снять шлем и шарф. Хильдегарда вздохнула свободнее. Слава богу! первая встреча закончилась, и она решила посвятить себя мужчине, который пригласил ее на ужин, и не беспокоиться о лейтенанте Винклере. Но когда они вошли в столовую и заняли свои места за столом, красиво украшенным свежесобранными цветами, Хильдегарда слишком скоро увидела, что за тот год, в течение которого она не видела своего спутника, он не стал ни забавнее, ни остроумнее. Барон фон Маземанн принадлежал к очень древнему роду и был добросовестным офицером, но в остальном он был ничтожеством. Все его

усилия были направлены на то, чтобы считаться самым воспитанным человеком среди других хорошо воспитанных мужчин, а это было несколько сложной задачей в полку, в котором числились графы и бароны. Таким образом, он чувствовал, что всем своим поведением и осанкой ни в малейшей степени не должен умалять своего достоинства. Он был надменен и сдержан, потому что считал это признаком хорошего воспитания, и мало говорил, потому что считал, что аристократ должен мало говорить, но много наблюдать. И вот теперь за обеденным столом он просто как можно вежливее поинтересовался у своей спутницы, как она себя чувствовала в течение того долгого периода, когда он не имел удовольствия ее видеть. Он спросил ее, как долго она намерена оставаться в Берлине, и когда он получил эту информацию, которая его нисколько не заинтересовала, он счел, что выполнил свой долг. Он хранил молчание, а когда Хильдегарда пыталась развлечь свою собеседницу, слушал с наигранным интересом и в знак того, что обращает на нее внимание, время от времени вставлял "Да" или "Нет" или другие не менее поразительные замечания.

- Баронесса, не будете ли вы так любезны передать мне соусницу?

Хильдегард со словами "Извините меня" повернулась направо и взяла миску у Джорджа, чтобы передать ее соседке слева.

-Могу я побеспокоить вас еще раз? Она снова повернулась направо и впервые посмотрела на Джорджа; до сих пор она старательно избегала его и была поражена умным выражением лица и серьезностью характера, которые выдавали его глаза; в нем не было ничего от гвардейца, ибо их единственным стремлением было казаться *пресными* и забавными. Еще одна вещь в нем нравилась ей: это был взгляд неподдельного восхищения и уважения, с которым он смотрел на нее. Она заметила, что она ему понравилась и что ее красота произвела на него глубокое впечатление; ей было чрезвычайно приятно обнаружить, что, в отличие от большинства молодых лейтенантов, он не начал с того, что жестоко ухаживал за ней и разыгрывал роль неотразимого мужчины, которому достаточно использовать свои глаза, чтобы привлечь к себе внимание каждой девушки.

"Внешность, конечно, может быть обманчивой, - подумала Хильдегарда, - но за последние несколько лет я многое узнала о человеческой природе, и, если я не ошибаюсь, это хороший и разумный человек". Внезапно ей захотелось поговорить с ним. Очевидно, у него не хватило смелости обратиться к ней, возможно, он не знал, что сказать ей, совершенно незнакомой женщине, поэтому она должна начать разговор. Ей пришло в голову, что она могла бы попытаться завоевать сердце молодого офицера, а также его деньги, чтобы, наконец, спасти своих родителей и брата от ужасной нищеты.

На ее щеках появился пунцовый румянец, и она низко склонилась над тарелкой, чтобы он не заметил этого. Лейтенант Винклер неверно истолковал ее смущение и откровенно сказал: "Прошу у вас прощения, если мои взгляды вас как-то обеспокоили. В качестве оправдания я могу только сказать, что никогда раньше не видел столько красоты и изящества, объединенных в одном человеке; у меня не было намерения заставлять вас чувствовать себя неловко".

Эти слова звучали так откровенно и благородно; но они не произвели желаемого эффекта, а вызвали прямо противоположное чувство; кровь снова прилила к ее щекам, потому что она почувствовала, что плохо ведет себя по отношению к этому молодому офицеру. Наконец к ней вернулось самообладание, и, попытавшись подшутить, она сказала: "Что, ты начинаешь

говорить комплименты еще до того, как подадут шампанское? и все же они не могут не нравиться, когда их выражают так приятно".

"Я так рад, что ты не сердишься на меня", - был его ответ.

И теперь, когда лед был сломан, они начали болтать друг с другом. Джордж в высокой степени обладал даром вести беседу, как вскоре заметила Хильдегарда; у него был очень приятный голос, и это добавляло ей удовольствия слушать его. Из каждого произнесенного им слова она видела, что он был глубоко образованным человеком, который много учился и проявлял интерес к очень многим предметам. По знаниям и общему интеллекту он, безусловно, намного превосходил своих товарищей. "Если бы я не пошел в армию, я бы изучал политическую экономию", - сказал он в ходе беседы. "У моего отца большая мануфактура, и на ней работает бесчисленное количество рабочих; он неустанно старается улучшить их социальное и материальное положение; он следит за тем, чтобы у них было дешевое и хорошее жилье; он построил библиотеки, обустроил игровые площадки и пространства под открытым небом для детей; короче говоря, он сделал все, что было возможно, чтобы улучшить их положение. Конечно, мой отец говорил со мной обо всех этих вещах; он давал мне почитать всевозможные книги и объяснял то, чего я не мог понять. Как я уже говорил вам, если бы я не пошел в армию, я бы заинтересовался социальным вопросом".

"Почему вы пошли в армию и довольны ли вы своей карьерой?"

Он ответил только на ее второй вопрос. "Я уже шесть лет служу в армии и не могу сказать простым "Да" или "Нет", будут ли мои военные обязанности удовлетворять меня постоянно. Естественно, я надеюсь и верю, что так и будет, но если позже я увижу, что допустил ошибку, тогда я оставлю службу и возьму на себя управление фабрикой, поскольку мой отец предоставил мне полную свободу действий. Конечно, то, что я буду делать в будущем, естественно, зависит от того, получу ли я повышение в полку, как вы поймете без каких-либо дальнейших объяснений с моей стороны".

Он умело перевел разговор на другую тему и рассказал ей больше о фабрике. Хильдегарда слушала с большим интересом, потому что все, что она слышала, было для нее совершенно новым. Она не имела ни малейшего представления о жизни и труде других людей и до тех пор действительно никогда не задумывалась о таких вещах. В кругах, в которых она вращалась, люди либо жили на свои деньги, либо рассматривали работу более или менее с точки зрения соответствия человека рождению, либо они жили как *знатные сеньоры* в бедных условиях и считали ниже своего достоинства работать за деньги.

Время пролетело очень быстро; Хильдегарда сосредоточила свое внимание на Георге и совсем забыла о бароне фон Маземане. Последний предпринял несколько попыток сделать ей несколько слабых замечаний, но когда увидел, что она продолжает разговаривать с Джорджем, он крепко сжал рот. За обедом он обычно занимался тем, что внимательно наблюдал за тем, как ведут себя его младшие товарищи и требуют ли их манеры и поведение за ужином какого-либо отчета. Это была его специальность, и из-за этого его боялись, потому что едва ли было какое-нибудь развлечение, которое не давало бы ему повода отчитать своих товарищей на следующий день. Поскольку он считался большим авторитетом в вопросах этикета, люди были действительно очень благодарны ему за инструкции, но, к сожалению, у него была ужасно

саркастичная и ироничная манера произносить свои мудрые слова, которые раздражали молодых офицеров гораздо больше, чем поток оскорбительных слов.

Хильдегард подняла совершенно изумленный взгляд, когда вдруг увидела, что гости встают. Как часто она не мечтала о том, чтобы ужин поскорее закончился, когда она сидела рядом с лейтенантом, который рассказывал ей о своих глупых новобранцах или банальных историях, не имеющих никакой связи друг с другом. Теперь, напротив, она сожалела, что ужин закончился.

Небольшой танец завершил представление, и было уже около полуночи, когда гости разошлись. Едва ушли последние, фрау фон Варнов тепло обняла свою племянницу.

"Хильдегарда, я счастлив. Я постоянно наблюдал за вами обоими за ужином и во время танцев. Лейтенант Винклер не мог отвести от вас глаз. Попомните мои слова, на этот раз все получится; было легко увидеть, что мужчина был без ума от вас. Завтра я напишу твоему отцу.

Эти слова подействовали на Хильдегарду, как струя холодной воды. Впервые за много долгих дней она по-настоящему наслаждалась вечеринкой, и за приятной беседой совершенно забыла о своих родителях и собственном плачевном положении; теперь, когда все это ясно встало у нее перед глазами, она была совершенно подавлена.

- Помни, что я тебе скажу, Хильдегард, меньше чем через три месяца ты будешь помолвлена. Если бы вы всегда были так любезны с мужчинами, как сегодня с лейтенантом Винклером, вы бы давно были замужем. Что ж, сегодня вы хорошо разыграли свои карты; Винклер, несомненно, влюблен в вас.

Если бы Хильдегард получила удар по лбу, она почувствовала бы это не сильнее, чем эти слова. В течение вечера она совершенно забыла о плане своей тети относительно лейтенанта Винклера, и теперь ее обвинили в попытке заманить его в ловушку, и этот оскорбительный намек был расценен ее тетей как высшая похвала. Возмущенный ответ едва не сорвался с ее губ, но, как обычно, она сдержалась. Она давным-давно оставила попытки оправдаться; тетя бы ей не поверила, она бы действительно этого не поняла.

Она была в восторге, когда наконец смогла пойти в свою комнату, где разразилась потоком страстных слез. Она сознавала, что не сделала ничего плохого, и все же ей казалось, что она готова провалиться сквозь землю от стыда.

ГЛАВА IV

Игра в карты

Это было несколько недель спустя. Пятая рота заступила в караул в середине дня, и Джордж был на дежурстве по гарнизону. Он был в крайне дурном расположении духа, поскольку только что был вынужден высказать свое мнение младшему лейтенанту по имени Ниссю, который был большим любимцем капитана фон Варнова. Капитан особо следил за тем, чтобы во время дежурства не было ругани, и требовал, чтобы его подчиненные вели себя как безупречные

джентльмены. Джордж давно понял, что это смешно; он сам терпеть не мог побоев, жестокого обращения и брутальности по отношению к подчиненным, но, с другой стороны, он прекрасно знал, что в нужный момент несколько крепких слов творят чудеса. В армии иначе было нельзя; солдаты действительно ожидали, что время от времени звучащее проклятие обрушится на их головы. Но капитан был настолько чрезмерно вежлив, что ему действительно хотелось обращаться к своим людям "герр Такой-то"! Мужчины, конечно, смеялись над своим начальником за его спиной, и, по мнению Джорджа, компания работала недостаточно усердно. Ему казалось, что поляки и восточные пруссаки в его бывшем полку были гораздо более активными и хорошо обученными солдатами, чем эти войска на параде, с которыми обращались в шелковых перчатках. Младшие офицеры, естественно, пошли по стопам своего капитана, отчасти потому, что были согласны с ним, но в основном из инстинкта самосохранения, поскольку герр фон Варнов безжалостно избавлялся от любого подчиненного, который когда-то вызвал его гнев бранью. Для Джорджа самым неприятным из всех младших офицеров был фон Ниссев, прослуживший год, который из-за своего благородного происхождения считался у капитана *enfant anenfant gâté*, а позже был произведен в старшины; он был наихудшим временщиком, всегда безупречно одевался, и его внешний вид производил очень хорошее впечатление. Джордж не знал, почему это произошло, но с самого первого дня он невзлюбил его; он не доверял его хитрым серым глазам, и ему было крайне неприятно, что именно этот офицер находится в его роте, в определенной степени для того, чтобы давать ему инструкции и иметь возможность сказать ему: "Капитан фон Варнов желает, чтобы было сделано то-то и то-то".

Джорджу не нравилось, как он обращался со своими людьми. Ниссью всегда был почти преувеличенно вежлив со своими подчиненными, и все же каким-то образом в его словах звучала тайная угроза. Джордж часто замечал, как люди трепетали под его пронизывающим, изучающим взглядом. В этот самый день его что-то поразило; младший лейтенант давал указания человеку, который несколько раз плохо проявлял себя при исполнении служебных обязанностей, по-видимому, с величайшей вежливостью, но его взгляд не предвещал ничего хорошего. Когда Джордж отвернулся, он услышал, как офицер прошептал мужчине: "Прежде чем заступать в караул, подойди ко мне. Я хочу сказать тебе пару слов и пробудить в тебе чувство чести". Солдат побледнел, и Джордж отозвал офицера в сторону. Он знал значение этого выражения "пробудить чувство чести", он знал, что оно обычно сопровождается ударами и ругательствами. Он сказал об этом младшему лейтенанту, запретил ему вызывать этого человека и настоятельно призвал его не делать ничего, что было бы запрещено. Ниссью изобразил крайнее изумление и обиду. Как мог лейтенант Винклер так думать о нем? Он никогда не делал ничего плохого. Капитан фон Варнов прекрасно знал это, и поэтому раз и навсегда разрешил ему призвать людей к ответу, если они не выполняют свой долг должным образом. Младший лейтенант ушел с крайне обиженным выражением лица, и Джордж знал, что, как только появится капитан, его отчитают за то, что он посмел посеять сомнения в своем подчиненном.

Так оно и было. Капитан фон Варнов сразу понял, что с его любимцем что-то не так, и спросил его, что именно. Ниссью прекрасно понимал, что он может подать жалобу на своего лейтенанта только по истечении двадцати четырех часов, если не хочет подвергнуть себя наказанию. Поэтому сначала он колебался, но по прямому приказу своего начальника рассказал о случившемся, но рассказал так, что, хотя это якобы было просто описание, на самом деле это была жалоба на оскорбление, которое он только что получил. Герр фон Варнов молча выслушал,

затем сказал: "Я должен поговорить с лейтенантом Винклером". Он строго обратился к нему. "Мне часто казалось, лейтенант Винклер, что вы с подозрением относитесь к младшему лейтенанту Ниссю; я могу заверить вас, что он один из лучших офицеров в моей роте. Ты знаешь его всего шесть месяцев. Я знаю его три года. Он никогда не давал мне ни малейшего повода сделать ему выговор, но его рвение и энтузиазм по отношению к своим военным обязанностям пострадают, если вы будете постоянно беспокоить его, и это должно глубоко ранить его, если вы действительно считаете, что он способен на такое постыдное поведение, каким, безусловно, является жестокое обращение с солдатами. Я прошу вас очень серьезно отнестись к моим словам".

Поэтому, когда Джордж вернулся в свое подразделение, ему было крайне неприятно делить обязанности с Ниссю; он совершенно ясно видел злобные взгляды, которые тот время от времени украдкой бросал на него, и все же ему приходилось вести себя так, как будто он ничего не видел. У него не было желания упрекать его во второй раз и самому быть упрекнутым во второй раз; отношения между ним и его капитаном до сих пор были вполне приятными. Он не хотел уничтожать их намеренно. "Какое мне до этого дело?" наконец он сказал себе: "В конце концов, не я несу ответственность за людей, а капитан, и если он считает своего лейтенанта воплощением совершенства, то все в порядке".

Поэтому он решил больше не беспокоиться о своем подчиненном и через несколько недель обнаружил, что это самый разумный поступок. Капитан фон Варнов поинтересовался, оставил ли он Ниссю в покое, и когда тот ответил утвердительно, он снова подружился с Джорджем.

Что касается его военных обязанностей, Джордж преуспевал очень хорошо; его людей похвалили на инспекционном параде, его муштра в течение зимы была признана хорошей, и о выполнении им своих обязанностей офицера хорошо отзывались. Он действительно был превосходным офицером; его появление на параде, его личная осанка и поведение по отношению к подчиненным не давали повода для негативной критики; он был строг, благороден и беспристрастен в обращении. Таким образом, он вскоре завоевал уважение своих людей, и когда однажды его ординарец заболел и старшина спросил, кто добровольно согласится стать слугой лейтенанта Винклера, почти вся рота предложила. Даже капитан фон Варнов был доволен, когда услышал это, и поведение его людей наполнило Джорджа вполне оправданным удовлетворением; для него было восхитительным осознавать, что он смог до такой степени завоевать расположение своих людей.

Официально дела у Джорджа шли хорошо, но в социальном плане ему было не лучше, чем в первый день, когда он поступил в полк. Он был вынужден признаться себе, что не продвинулся ни на шаг. Конечно, это была не его вина. Он не был экстравагантен в своем образе жизни, он был скромен в своем поведении, вежлив по отношению к старшим, и из случайно услышанного замечания он знал, что его товарищи высоко ценили его за то, что он не афишировал свои деньги и "баловался" так же, как они.

Джордж предпринял несколько попыток и действительно приложил все усилия, чтобы лучше узнать некоторых из своих товарищей, раскрыть их истинный характер и выяснить, был ли отстраненный и замкнутый вид, который они всегда носили, маской или соответствовал их настоящей натуре. В этом отношении он особенно интересовался своим коллегой по труппе,

бароном фон Маземанном. Даже в общении со своими современниками он вел себя так, словно находился при дворе. За едой, по мнению Джорджа, царила искусственно сдержанная атмосфера; они, конечно, много разговаривали, но не было ни безобидного веселья, ни безудержной веселости. Джорджу было ужасно скучно. Они обсуждали только придворные сплетни и рассказывали бессмысленные истории, которые могли заинтересовать остальных только потому, что относились к самым аристократическим кругам; а поскольку Джордж даже не знал имен большинства упомянутых семей, разговор был ему абсолютно неинтересен. Ни разу не было затронуто ни одной серьезной темы; Джордж довольствовался ролью слушателя, и, таким образом, поскольку у него было мало возможностей присоединиться к разговору, он не стал более близок со своими товарищами.

В полку офицеры постепенно смирились с непреложным фактом, что Джордж должен был стать одним из них, но и только. Если они больше не проливали слез из-за того, что он был там, все равно они не могли притворяться, что им приятно; они были вполне вежливы с ним, но они воздвигли эти социальные барьеры, которые исключали всякое доверие и близость. Так получилось, что у Джорджа не было ни одного друга в полку. Все относились к нему сдержанно, особенно его современники, хотя Джордж во всех отношениях с ними проявлял дружелюбие. Любопытно, что самым надменным из них был тот, кто привлекал его больше всего. Это был лейтенант фон Вильберг, тот самый, который разрыдался, когда услышал о переводе Джорджа. Он был одержим невероятной гордыней, но у него бывали моменты более здравомыслия, как называл их Джордж, и тогда он был милым, счастливым, восхитительным созданием; проявлялась его восхитительная юношеская беззаботность, и тогда Джордж вполне понимал, как, несмотря ни на что, несмотря на извращенность его натуры, маленький Уиллберг был любимцем всего полка. Джордж не знал, как Уиллберг отнесся к его приходу в полк, и ему часто хотелось узнать его получше, но пока такой возможности не представилось.

Однажды, когда Джордж зашел в казарму, он обнаружил там большую компанию. Были приглашены разные гости, товарищи из других полков, в основном офицеры кавалерии. Конечно, гости сидели на верхнем конце стола вместе со старшими офицерами "Золотых бабочек", и те, кто сидел на нижнем конце стола, смотрели на них не без зависти. Гусары и уланы произвели впечатление даже на гвардейскую пехоту, поскольку кавалерийские офицеры считались самым выдающимся подразделением в армии. Все видели, как обрадовались "Золотые бабочки", увидев среди своих высоких гостей. Они соперничали друг с другом в дружелюбии, и даже старшие начальники и некоторые из младших штабных офицеров, которые были холостяками и ежедневно обедали вместе в столовой, не скрывали, какое удовольствие доставил им этот визит и какой честью они себя чувствовали. Когда все встали из-за стола, чтобы выпить кофе и выкурить сигары в курительной комнате, гостям было предложено занять большие удобные мягкие кресла, а "Золотые бабочки" встали вокруг них полукругом. Каждый старался привлечь внимание кавалерийских офицеров и быть к ним очень внимательным. Быть приглашенным на обед кавалерийской гвардией было отличием, к которому стремились все; ибо только пообедав с ними, можно было считать себя "на высоте"; гвардейские офицеры принимали приглашения от союзных полков, но сами они были чрезмерно осторожны в выборе своих гостей. Маленький Уиллберг буквально бросился им на голову. Он стоял рядом с бароном Герсбахом, родом из его родного округа, и разыгрывал роль любимца полка, пытаясь вовлечь своих гостей в интересную беседу. По-видимому, это не произвело ни малейшего впечатления на Улана, который вытянул ноги и беспечно курил одну сигару за другой.

Но маленькому Уиллбергу больше всего на свете хотелось произвести впечатление на улана, если не как на приятного собеседника, то как на умного, сообразительного парня, и поэтому он сказал ему: "Как было бы, если бы мы сыграли в карты?"

В казармах совершенно открыто говорили об игре в карты. Это правда, что это было запрещено, и действительно, через равные промежутки времени публично зачитывались самые строгие приказы против игры на деньги, которые выслушивались с тем уважением, которое подобает командам, исходящим из таких высоких мест, но дальше этого никто не беспокоился о запрете. Военное начальство все об этом знало, но закрывало глаза, и действительно, иногда случалось, что полковники сами играли со своими офицерами. Что могли поделать военное начальство? В маленьком гарнизонном городке было достаточно легко увидеть, что приказ выполнен, но в большом городе это было совершенно невозможно. Офицеры играли, а если им не разрешали играть в казармах или столовой, то они играли в каком-нибудь клубе, или в другом полку, или у себя дома. Тот, кто хочет играть, найдет возможность. Официально, конечно, было сказано, что офицерам не разрешается играть в азартные игры; но нужно различать азартные игры и гемблинг. Если парень проигрывал двадцать марок, это никого не волновало, а если он проигрывал сотню, какое это имело значение? И если человек имеет несчастье проиграть тысячу марок, то, конечно, он подлежит наказанию не большему, чем если бы он поставил всего двадцать? Если бы военные власти намеревались наказывать каждого, кто прикасался к колоде карт, то количество офицеров за любой год сократилось бы вдвое. Лейтенанты, которые играли, конечно, были бы наказаны, а полковники, в полках которых продолжалась азартная игра, рисковали бы быть уволенными, потому что они не следили за соблюдением строгих правил, касающихся азартных игр. Итак, человек, который является полковником, естественно, желает стать генералом, и он вряд ли станет рисковать своей военной репутацией, сообщая информацию, которую он может скрыть, если захочет.

Маленький Уиллберг повторил вопрос, отвечать на который улан сначала счел ниже своего достоинства. Наконец он несколько удивленно посмотрел на него: "Тебе лучше быть осторожнее, ты потеряешь свои деньги; ты настолько богат, что не боишься их потерять?"

Уиллберг нахально похлопал себя по карманам: "Сегодня они довольно полны, я только что получил денежный перевод".

Уиллберг не мог этого объяснить, но внезапно у него возникло странное чувство. Потребовалось много времени, чтобы выжать из его старого отца тысячу марок, чтобы расплатиться с некоторыми из его самых неотложных долгов. Поэтому у него было чувство, что не совсем правильно рисковать чем-либо, играя в карты, но он скорее бы умер, чем признался в этом сейчас. Поступи он так, он бы вечно винил себя и выставил себя в высшей степени смешным при виде этих красивых лакированных сапог с серебряными шпорами, которые больше всего произвели на него впечатление в Улане. Однако он решил не рисковать более чем половиной своих наличных; если он проиграет их, то делу конец, если он выиграет, тогда он пересмотрит решение.

Барон Герсбах был известен как великий игрок, и ни для кого не было секретом, что только благодаря азартным играм ему удавалось держать голову над водой. Он давно истратил свое наследство и не получал ни пенни сверх своего жалованья, и все же его карманы всегда были полны банкнот. Многие люди недоумевали, почему ему позволили остаться в армии. Говорили, что он пользовался покровительством высокопоставленных лиц. Ходили слухи, что даже его

старшие офицеры и люди самого высокого ранга играли с ним. Как ни странно, он был отличным офицером и чрезвычайно хорошим наездником, который часто отличался на скачках. Его можно было бы назвать почти профессиональным игроком, хотя было известно, что он играет совершенно честно и прямолинейно. Он играл не каждый день, а только время от времени, когда ему хотелось совершить большой *переворот*, но даже тогда он прикасался к картам, только когда внутренний голос говорил ему: "Сегодня ты выиграешь". Если бы он не был вполне уверен в этом, его нельзя было бы заставить присоединиться к игре в карты; таким образом, всякий раз, когда он играл, он выигрывал, и люди были действительно удивлены, что он вообще мог найти кого-то, кто был готов проиграть свои деньги барону. Но, конечно, каждый из них надеялся, что его случай окажется исключением, и поэтому люди снова и снова были готовы рискнуть своей удачей. Все те, кто еще не играл с ним, считали большим отличием получить такое приглашение, и действительно, любой, кто хотя бы раз не играл с бароном Герсбахом, считался не совсем подходящим для этого.

Они не начинали играть в карты, в известной степени из вежливости, пока штабные офицеры не покинули комнату. Одному из майоров действительно было чрезвычайно трудно уехать, потому что он был заядлым игроком и с радостью остался бы; все это прекрасно понимали. И все же он действительно был кое—чем обязан своему положению; он не мог вытягивать деньги из своих подчиненных — во всяком случае, не в казармах - это вообще никуда не годилось.

Едва они вышли из комнаты, как все стеснения исчезли, и Джордж с немалым удивлением оглядел своих товарищей. Они часто играли в карты в его присутствии, но он никогда раньше не видел их такими; это был первый раз, когда они сбросили с себя напускную невозмутимость и безупречно корректное поведение. Казалось, будто злой дух овладел ими, безумное опьянение, страсть к азартным играм охватила их всех, они были нервны и возбуждены. Все они спрашивали себя, выиграют они или проиграют, это было видно по возбуждению в их глазах, по бледным лицам, по нервному подергиванию рук.

Только один человек был абсолютно спокоен, и это был Улан. Широко расставив ноги, он сидел, откинувшись на спинку дивана, и ни в малейшей степени не беспокоился о приготовлениях к игре. Был ли он внутренне так же спокоен, как выглядел, кто мог сказать? Внешне, во всяком случае, он не выказывал ни малейшего волнения.

Наконец карточный стол был готов, и адъютант полка, граф Ветборн, повернулся к барону Герсбаху и сказал: "Ну, что вы скажете, не сыграть ли нам в карты?"

Многое зависело от ответа улана, потому что, если бы он сказал "Нет", все было бы совсем по-другому; у них была бы просто безобидная, приятная маленькая игра. Но сегодня Улан был в подходящем настроении для игры — сегодня, встав, он чувствовал себя бодрым и счастливым, и внутренний голос сказал ему: "Сегодня ты снова можешь рискнуть большой суммой денег". Однако, несмотря на это, осторожное создание сказала себе: "Если моя Леда сегодня преодолееет препятствия, не сломав себе шею, я рискну", и его Леда перепрыгнула их три раза, как миленькая. Он заглянул в свой тщательно введом дневник, чтобы посмотреть, в каких полках он давно не бывал; его выбор пал на "Золотых бабочек", и он был рад, потому что они заплатили бы пару тысяч за честь его визита без ропота и недовольства. Поэтому он позвонил адъютанту, чтобы спросить, может ли он пообедать с ними и привести с собой пару своих хороших друзей. Граф Ветборн не был особенно умным человеком, но он вполне понял смысл послания, и поскольку он сам был заядлым игроком, он был только рад сказать "да".

С неподражаемой беспечностью Улан поднялся с дивана и опустился в кресло, которое ему подвинули внимательные друзья. Затем он порылся в карманах и достал записную книжку, и остальные с некоторым опасением заметили оттопырившуюся пачку банкнот. Они вспомнили истинный принцип всех азартных игр: вы можете выиграть в карты, только если у вас большой капитал, и сможете продержаться, когда удача будет против вас. Улан обладал необходимым капиталом, и кто, следовательно, мог надеяться победить его? Затем адъютант, граф Ветборн, положил свою записную книжку на стол, и "Золотые бабочки" были чрезвычайно горды, когда увидели его кошелек; это была маленькая семейная реликвия, которую он всегда носил с собой, потому что граф принадлежал к очень богатой семье, кроме того, он был наследником дяди, который часто давал ему большие суммы денег.

"Действительно, наш адъютант отличный парень", - прошептала одна "Золотая бабочка" другой. "Мы действительно имеем право гордиться им: от макушки до подошв ног он на высоте. Я думаю, что даже кавалерийские офицеры завидуют нам".

Другие игроки полезли в карманы; некоторые носили свои деньги в бумажниках в виде банкнот, более или менее демонстративно, в то время как другие, хранившие свое имущество в кошельке, украдкой вытаскивали несколько золотых монет - при игре в "Зибен" ставка начиналась с двадцати марок.

Малыш Уиллберг достал свою банкноту в 50 фунтов стерлингов. Хотя он был по уши в долгах, он очень гордился своим имуществом; и когда он шел по улицам города, то держался прямо и надменно, думая, что все должны видеть, что у него с собой банкнота в 50 фунтов стерлингов. Тогда он чувствовал себя очень богатым, но теперь по сравнению с суммами, которые выпадали из кошельков других, он казался жалким бедняком; он стыдился своих ограниченных средств и был полон зависти и недоброжелательства. Это было жалкое и прискорбное положение дел - всегда быть вынужденным беспокоиться о деньгах, говорить себе: "Ты не должен делать то-то и то-то", и быть постоянно вынужденным брать займы. Было бы великолепно, хотя бы раз в жизни, обладать кошельком, полным денег; прежде всего, иметь возможность носить с собой банковские билеты — это было бы действительно слишком изысканно для чего бы то ни было. Если бы кто-то был расквартирован в маленьком гарнизоне в глуши, конечно, не имело бы значения, много у него денег или мало; но в Берлине, где ты общался со столькими выдающимися богачами, как те, кто был их сегодняшними гостями, было действительно жалко не иметь ничего, кроме одной жалкой банкноты в 50 фунтов стерлингов!

Игра продолжалась довольно долго — улан держал банк. "Ну что, Уиллберг, не поставишь ли ты что-нибудь? совсем недавно тебе так не терпелось поиграть.

Вильберг встрепенулся; он был погружен в раздумья; золото, звеневшее со всех сторон, мерцало перед ним, у него было только одно желание, одна мысль обладать всем этим.

- Да, да, конечно, я буду играть. Сто марок на семерку— нет, двести. Секунда - и он потерял деньги.

- Снова двести. Он проиграл.

- Снова двести. На этот раз ему повезло, и ему отсчитали тысячу четырест марок. Снова к нему пришла семерка, он поставил на нее четыреста и таким образом отыграл почти три тысячи марок.

Маленький Вильберг был поражен; ему казалось, что он совершил нечто чудесное. Даже улан бросил на него взгляд узнавания и, когда он выплатил ему выигрыш, сердечно воскликнул "браво". Эта похвала так возгордила Вильберга, что он немедленно поставил четыреста марок на семерку и проиграл ее.

Джордж долгое время наблюдал за игрой, не принимая в ней никакого участия, теперь она начала ему надоедать, и он подумал, что спокойно уйдет на пенсию. Он проходил через читальный зал, когда кто-то внезапно окликнул его по имени, и когда он обернулся, то увидел старшего лейтенанта фон Кирхберга в мягком кресле.

"Куда ты идешь?" он спросил его.

Джордж почувствовал, что его поймали, потому что уходить подобным образом считалось неправильным, но, тем не менее, он сказал: "Я собирался домой".

Тот удивленно поднял глаза. - У тебя что, кончились деньги? Значит, ты потерял все свои деньги?

- Я никогда не играю, сэр.

- Что?! - тот от изумления чуть не выронил монокль и долго смотрел на Джорджа, потеряв дар речи. "Что?" — сказал он еще раз, затем продолжил: "Иди сюда и сядь рядом со мной — ты должен рассказать мне, как тебе удастся обходиться без игры в карты, или, скорее, как ты можешь противостоять искушению!"

- Для меня это не проблема, сэр, азартные игры меня абсолютно не привлекают. Пару лет назад я был в Монте-Карло и часами наблюдал за азартными играми, но у меня никогда не возникало ни малейшего желания поставить хоть пенни "

- Что, в самом деле? Собеседник снова посмотрел на него так, как будто подобные идеи были за пределами его понимания. - В самом деле, я не могу этого понять. Что же тогда вы делаете со своими деньгами, если не играете в карты?"

"То, что я не трачу в течение месяца, я кладу в банк".

"Ну, а какой от этого прок — я имею в виду, в чем удовольствие? Почему бы тебе не потратить все свои деньги? Ты не торговец, а молодой лейтенант. Что ж, все, что я знаю, это то, что если бы у меня были твои деньги, я бы не стал класть их в банк.

"Послушай, Кирхберг, где ты спрятался?" - Спросил товарищ, который как раз в этот момент вошел в комнату. "Мы все еще играем *вполовинную игру*: первая часть капитала пошла ко всем чертям. У тебя есть с собой какие-нибудь деньги?"

"Улан все еще побеждает?"

Другой почесал за ушами. - Да, ужасно.

Кирхберг закурил еще одну сигару. "Тогда мы сначала дадим ему дойти до конца. Пусть он сначала выиграет чужие дукаты, а потом мы попытаемся вернуть их обратно. Кто в данный момент находится в его затруднительном положении?"

"Маленький Уилберг. Сегодня этому парню необычайно везло; он каждый раз ставил на семерку, которая выпадала пять раз подряд. Он просто упивается золотом, и улан, естественно, хочет вернуть деньги".

- Уилберг спокоен? - спросил я.

- Как это возможно? Он дрожит от возбуждения всеми членами.

- Какая жалость! потому что тогда ему конец. Однако я хочу посмотреть на эту штуку.

Он встал и вернулся в комнату для игры в карты, и Джордж почти невольно последовал за ним. Ему захотелось помочь Уилльбергу, прошептать ему на ухо: "Будь благоразумен; вовремя остановись; положи свой выигрыш в карман; на данный момент у тебя его предостаточно".

Но Уиллберг не имел ни малейшего намерения останавливаться. Поначалу удача была против него, но теперь он выигрывал раз за разом. Другие офицеры давно перестали играть и наблюдали за этими двумя. Уиллберг был взволнован и нервничал, его лихорадило и он дрожал. Улан, напротив, был абсолютно спокоен, непоколебим, как медь; ни одна ресница не дрогнула, и его рука ни в малейшей степени не дрожала, когда он протягивал выигрыш своему противнику. Ему приходилось отсчитывать огромные суммы денег. Сумма, которую он выиграл как банкир, давно исчезла; банкноты, которые он принес из дома, превратились в крошечную кучку. Перед Вильбергом была навалена куча золотых и бумажных денег, вероятно, на сумму около двадцати тысяч марок.

Улан отсчитал деньги. - В последний раз ставлю тысячу марок на семерых. Если я проиграю и мне придется выплатить семь тысяч марок, я сорву банк".

Всеми ими овладело неопишемое возбуждение. Никогда прежде они не видели, чтобы улан терял так много, и "Золотые бабочки" были преисполнены гордости за то, что один из их офицеров стал причиной такого экстраординарного положения вещей.

Последняя ставка! Семерка так часто приносила Уилбергу удачу, что она наверняка останется с ним до конца.

- Тысяча марок на семерых.

Банкир перетасовал карты. - Восемь! - и он сгреб деньги.

- Снова тысяча против семи.

Карты показали шестерку! На мгновение глаза Улана сверкнули. Теперь он знал, что выиграл партию. Это не могло длиться больше четверти часа, потому что он отыграл все, что потерял. Действительно, было бы немыслимо, чтобы он мог проиграть сегодня, особенно такому простому ребенку, как этот, который играл так неосторожно и бездумно, что должен был потерять все, что выиграл. А Уиллберг продолжал проигрывать; куча денег уменьшалась все больше и больше. Несколько раз некоторые из его товарищей были готовы сказать: "Остановитесь; сэкономьте хотя бы пару тысяч марок". Но так не годилось; это было бы несправедливо. Поскольку ранее они позволили Улану, который был их гостем, дойти до того, что потерять все, теперь они не могли предупредить Уилберга.

- Итак, герр Вильберг, хватит ли у вас смелости продолжать?

Он сидел там, белый, как труп; каждая капля крови исчезла с его лица. Он потерял все: свою 50-фунтовую банкноту, которой так гордился; у него не было ни одной самой мелкой золотой монеты.

- Ты продолжишь играть? Улан спросил во второй раз.

Вильберг огляделся. Может быть, кто-нибудь из его товарищей одолжит ему немного денег. Но тут вмешался адъютант: "Нет, на сегодня вам достаточно. Некоторые из нас, другие, теперь попытают счастья".

Они продолжали играть, но Уиллберг вышел в прихожую и опустился на диван. Внезапно им овладело волнение; он закрыл лицо руками и разразился судорожными рыданиями.

Джордж стоял недалеко от него и смотрел на него печально и сочувственно. Он ни в малейшей степени не мог понять — у него не было ни малейшего представления о том, как человек мог так увлечься игрой в карты; но, несмотря на это, ему было жаль беднягу, денежные затруднения которого не были секретом. На одно короткое мгновение он был богат; теперь он был беднее, чем когда-либо, потому что испытал чувство обладания деньгами, хотя бы на время. У него вертелось на кончике языка подойти к своему товарищу и предложить ему помощь, но у него не хватило смелости заявить о себе подобным образом; он не хотел рисковать получить пренебрежение. И он был совершенно уверен, что поступил мудро, когда Уиллберг, взяв себя в руки, встал, чтобы идти домой, и вышел, как будто не замечал присутствия Джорджа. Стыдился ли он своей азартной игры или своих слез? Он ушел, не попрощавшись с Джорджем.

Поэтому последний был очень удивлен, когда на следующее утро Вильберг навестил его в его комнатах. С первого момента он догадался о цели этого визита, и его догадка превратилась в уверенность, когда он увидел бледное лицо своего посетителя. После нескольких небрежных слов приветствия последний перешел к делу.

"Прошлой ночью вы были с нами, хотя и только в качестве зрителя, так что вы знаете, что я проиграл весь свой выигрыш, но я также проиграл еще тысячу, которую только что получил, чтобы оплатить некоторые неотложные счета. Я пытался занять денег у одного из моих друзей, но Улан обчистил их все таким же образом, так что ни у одного из них сегодня нет и тысячи, которую он мог бы назвать своей. Даже наш шеф ходит с пустыми карманами. Поэтому я пришел к вам, чтобы спросить, не можете ли вы одолжить мне это. Я должен сказать вам совершенно открыто и прямо, что я не могу назвать точный день, когда я смогу вернуть вам деньги, но я сделаю это, как только смогу, даю вам слово".

- Но, пожалуйста, я действительно не требую этого.

Джордж встал и подошел к своему столу за запиской, которую протянул своему спутнику.

Последний с благодарностью пожал Джорджу руку. "Вы оказали мне большую услугу". И после небольшой паузы он продолжил с явным смущением: "У меня есть только еще одна просьба: я могу рассчитывать на то, что вы никому не скажете, что я взял у вас взаймы?"

"Как я мог так поступить?" - изумленно спросил Джордж.

Но собеседник, похоже, был не совсем удовлетворен этим ответом. - Не обижайтесь, но я прошу вас дать мне слово, что вы никому не расскажете о моем визите к вам.

Джордж посмотрел на него с крайним изумлением. Как Уилберг мог спрашивать о подобном? Однако он сказал: "Если это доставит вам какое-либо удовлетворение, я, конечно, дам вам свое слово, хотя и не вижу для этого никаких оснований".

Уиллберг вздохнул свободнее и откланялся, тепло поблагодарив Джорджа.

ГЛАВА V

Хильдегарда и Джордж

Прошло несколько недель, а Джордж все еще был "отправлен полком в Ковентри", как он это называл. У него по-прежнему не было ни одного друга, с которым у него были бы близкие отношения. Его надежда на то, что Вильберг, которому он помог выпутаться из затруднительного положения, подружится с ним поближе, не оправдалась. Напротив, последние имели к нему меньше отношения, чем обычно, хотя он еще не выплатил свой долг. Джорджа это не беспокоило. У него уже было много неприятных переживаний в этих вопросах в его старом полку; но поскольку он сам вырос в совершенно других обстоятельствах, он на самом деле не понимал отношения "Золотых бабочек" к деньгам. Они без колебаний, даже в присутствии санитаров, брали друг у друга займы. Действительно, очень часто они без зазрения совести говорили своим слугам: "Потратьте ту или иную сумму от моего имени", но деньги не всегда возвращались денщику в тот же день. Они получали кредиты везде, где могли, и брали займы из всех возможных источников. В главном ресторане, где они часто коротали вечера, вместо того чтобы сидеть дома в казармах, многие офицеры были должны официанту пятьдесят-шестьдесят марок наличными, помимо того, что они задолжали за еду и напитки. И это были как раз те, кто больше всех задолжал официанту, кто жил наиболее экстравагантно, ел самую дорогую еду и пил самое дорогое вино, а когда они уходили, всегда было: "Мюллер, запиши на мой счет двадцать марок, ты же знаешь, что у тебя все получится". Но вопрос был в том, когда? Некоторые офицеры задолжали эти деньги за месяцы, и они никогда не думали о том, чтобы вернуть их; пока они носили форму, деньги, несомненно, были в достаточной безопасности. Джордж с удивлением заметил, что офицеры в Берлине были так же небрежны в этих вопросах, как и в его бывшем полку. Однажды в маленьком гарнизонном городке, в ресторане, который часто посещали военные, произошла ссора с хозяином; офицеры объявили заведению бойкот и поклялись, что этот парень не получит от них ни пенни. Но ни один из них и не подумал о том, чтобы выплатить свои долги, часть из которых была причитающейся хозяину гостиницы, часть - официанту. Только когда домовладелец пожаловался полковнику, он добился возмещения ущерба, но даже тогда это было странным образом. Полковник не приказывал своим офицерам выплатить свои долги в течение двадцати четырех часов, но он дал им шесть недель на то, чтобы расплатиться со своими обязательствами. И вот хозяину заведения и официанту, которые действительно нуждались в деньгах, пришлось терпеливо ждать все это время.

Джордж вспомнил еще один инцидент, произошедший всего несколько недель назад. Однажды утром старший лейтенант появился за обедом очень взволнованный и сказал, что

парикмахер, к которому они все ходили, написал ему письмо и выгнал из-за жалкого долга в несколько фунтов и пригрозил ему повесткой по почте, так как он был в больших затруднениях и хотел получить свои деньги немедленно. Офицер открыто признался, что несколько раз получал счет от парикмахера, но так и не заплатил ему ни пенни. Но, несмотря на это, поднялась буря негодования по поводу того, что парикмахер посмел написать ему. Зачем этому парню понадобились его деньги в такой спешке? Неужели он не мог подождать? Несколько фунтов были в полной безопасности, и никто никогда не посылает высокопоставленному человеку повестку по почте. Концом истории стало то, что "Золотым бабочкам" запретили посещать парикмахерскую, но, несмотря на это, офицеры, задолжавшие там деньги, не погасили свой долг.

Конечно, во всех вопросах, связанных с деньгами, у них было мало щепетильности и распушенных взглядов. Долги считались таковыми только тогда, когда они состояли из реальных денег; они никогда не учитывали в том, что было причитается торговцу. Этот парень был там, конечно, для того, чтобы отдать должное; ему приходилось ждать два или три года, иногда гораздо дольше, прежде чем он получал свои деньги. Он должен был бы радоваться, если бы офицеры зашли в его магазин, и должен был бы быть готов заплатить что-нибудь за честь иметь таких клиентов и получить хорошую рекламу. Они везде получали почести, и однажды случилось так, что лейтенант задолжал своему собственному слуге двадцать марок. Инцидент раскрылся, когда новобранцев распустили. Полковник, выпуская новобранцев, сказал: "У кого-нибудь из вас есть какие-либо претензии к полку? если да, пусть он сделает это сейчас". Затем вперед выступил молодой рекрут и громко сказал: "Мой бывший лейтенант все еще должен мне двадцать марок, которые он занял у меня несколько месяцев назад, когда у меня были немного денег из дома". Дело было расследовано и признано совершенно верным; парню заплатили положенные деньги, а лейтенант получил суровый выговор. Но все считали неслыханным, чтобы демобилизованный солдат подал жалобу на своего бывшего лейтенанта. Однако никто не спросил, в состоянии ли этот человек понести потерю двадцати марок.

Джордж оставался совершенно изолированным среди своих товарищей. Никто ни в малейшей степени не беспокоился о нем. Поэтому его удивление было еще больше, когда однажды после обеда его адъютант подсел к нему и завел с ним долгую и очень дружескую беседу. Он не мог до конца объяснить этот знак отличия, но быстро понял, когда граф Уэтборн внезапно сказал ему: "Я давно собирался спросить вас, почему ваш отец не пытается получить титул. Дело, конечно, нелегкое, но Его величество хорошо относится к вашему отцу, и было бы легко преодолеть это затруднение, если бы ваш отец был склонен пожертвовать пару сотен тысяч марок на какие-нибудь благотворительные цели. Твой отец, безусловно, мог бы это сделать — почему он этого не делает?

- Потому что мой отец гордится своим именем, которое он сделал благородным.

Граф в некотором смущении потер ноги, затем сказал: "Конечно, твой отец совершенно прав в том, что касается его самого, но он должен подумать о тебе. Вы заняли бы совсем другое положение в обществе, если бы были бароном или графом. Мир придает этому большое значение, и, на мой взгляд, это совершенно правильно. Для вас, особенно теперь, когда вы принадлежите к выдающемуся полку, титул имел бы величайшую ценность.

Граф долго разговаривал с Джорджем, и последний ясно видел, что адъютант, говоря все, что он делал, не следовал внезапному порыву, а действовал по зрелом размышлении и, очевидно,

руководствовался желанием полковника или кого-то другого из военных властей. Джордж почувствовал, как кровь прилила к его щекам. Ему стало стыдно, что его собеседник имел наглость разговаривать с ним в таком тоне. Святые небеса! было ли тогда звание, которое можно было купить за несколько сотен тысяч, действительно гораздо более важным для этих лейтенантов-аристократов, которые становились шифрами, когда снимали свою форму, чем доброе, старое, простое имя среднего класса, которое почиталось всем коммерческим миром?

Он не мог удержаться, чтобы не сказать в ответ адъютанту: "Моему отцу достаточно часто предлагали звание пэра, но каждый раз он отказывался от него".

- Я не могу этого понять. Граф посильнее воткнул монокль и посмотрел на Джорджа, потеряв дар речи от изумления. "Я действительно не могу этого понять", - повторил он, и Джордж увидела, что он говорит с горечью и серьезностью. Он действительно не мог понять, как человек может отказаться от титула, просто потому, что он гордился своей простой фамилией.

Долгое время адъютант сидел молча, затем закончил разговор замечанием: "Что ж, возможно, вы снова напишете своему отцу по этому поводу или, что еще лучше, возможно, вы поговорите с ним. Возможно, тебе удастся переубедить его.

Джордж не ответил, но он знал, как его отец всегда смеялся над людьми, у которых, едва они заработали деньги, не было других целей в жизни, кроме как получить титул. Он чувствовал, что слова, только что обращенные к нему адъютантом, были почти оскорблением, и все же, спокойно обдумав их, он не смог полностью обидеться на них. Каждый день своей жизни он видел, как аристократия во всем отдавала предпочтение; как даже в наши просвещенные дни титул обладал многими преимуществами и что он давался богатым людям как отличие и честь. И даже в армии разве звание не было преимуществом для мужчины? Если три офицера, один из которых имел титул, претендовали на должность, разве не всегда выбирался аристократ, и если по редчайшей случайности человек из среднего класса добивался успеха в таком деле, разве он не был сразу же облагорожен? Должность офицера подходит только человеку с титулом. Старая пословица очень подходила к нынешним дням — плебей в армии, который не отличился каким-либо чрезвычайно примечательным образом, никогда не получит повышения так быстро, как самый обычный титулованный офицер.

А было ли в Обществе как-то иначе? Джордж уже побывал на достаточном количестве светских приемов, чтобы знать, как все преклоняются перед титулом; как даже самый молодой лейтенант-аристократ считается выше штабного офицера плебейского происхождения. И как часто он не замечал, как люди гудели и хохотали при виде него, и не мог понять, как получилось, что он принадлежит к такому выдающемуся полку. Хотя слова были произнесены тихо, он однажды услышал, как молодая девушка на балу прошептала подруге: "Если лейтенант Винклер пригласит меня на танец, я скажу, что моя программа заполнена; я, конечно, не стану танцевать с офицером среднего достатка".

Все женщины считали его чужаком. Простой кивок был их единственным приветствием, даже тот или двое, кто пожал ему руку, сделали это, не прерывая разговора, и с выражением лица, которое показывало, что они думали, что оказывают ему большое одолжение. Но в армии он был так же изолирован, как и в Обществе; его товарищи болтали и смеялись с дамами, заводили с ними всевозможные интрижки, заключали с ними помолвки, в то время как он бродил в одиночестве и скучал. Он был "чужаком", и никто не потруился представить его.

Единственным человеком, который всегда был ему приятен, была Хильдегард. Они часто сталкивались друг с другом, и между ними возникла искренняя дружба. Двумя "отверженными" Хильдегард называл себя и ее своих родственников. Джорджа так и не представили, а сама она занимала любопытное положение в обществе. Она была уже не совсем юной девушкой, и интерес к ее прелестям пропал. Люди приглашали ее куда-нибудь, это правда, но во многом потому, что они не могли поступить иначе, но в глубине души они всегда надеялись, что она не примет приглашение. Когда она все-таки ходила на вечеринки, за ее спиной раздавались презрительные замечания. Хильдегард вела себя так, словно совершенно не замечала их, но она понимала взгляды, которые были направлены в ее сторону, и даже когда она на самом деле не слышала слов, она очень хорошо знала, как люди качали головами, глядя на нее, и перешептывались друг с другом. Посещение этих увеселительных заведений стоило огромных усилий, и после каждой вечеринки она говорила себе: "Сегодня я иду в самый последний раз; завтра я уеду домой".

Но ужасная тревога, которая всегда царила в ее доме, удерживала ее у тети. "Я бы предпочел терпеть эти тайные замечания, чем видеть бедность и убожество дома и терпеть их упреки". Время от времени она признавалась себе, что осталась из-за Джорджа; хотя и не могла сказать, что по-настоящему влюблена в него. Вопрос о браке обсуждался так много и так часто, что любовь казалась нелепой вещью, и все зависело от того, есть у мужчины деньги или нет. В ее присутствии так откровенно обсуждались самые святые чувства, что она поверила, что ее сердце больше недоступно для любви. В Джордже она видела надежного друга. Он всегда был очень внимателен к ней; как только он видел ее одну, он подходил к ней, и она постоянно чувствовала на себе его взгляд. Его взгляд, казалось, говорил: "Я, конечно, не знаю, что тебя беспокоит, но я знаю, что тебе здесь грустно и одиноко, так же как и мне, и поэтому я хочу сделать для тебя все, что в моих силах".

Этим вечером она должна была встретиться с ним снова. У американского посла был большой прием, и она была в восторге от перспективы увидеть его. Она специально для него хорошо оделась и надела новый костюм, который только что подарила ей тетя. В приятном предвкушении развлечения она начала одеваться раньше обычного, и теперь, за четверть часа до того, как пришло время уходить, она стояла перед зеркалом и с улыбкой рассматривала себя. Она была довольна собственной красотой и знала, что сегодня, во всяком случае, снова вызовет восхищение.

Она стояла в глубокой задумчивости, когда ее разбудил стук в дверь. - Еще не время? Я вполне готова. Я сейчас же приду.

- У мадам полно времени. Карета еще не подана, но для вас срочное сообщение.

Хильдегарда встревожилась. Срочное письмо для нее! Что могло случиться?

Она открыла дверь, взяла у девушки письмо и невольно вздрогнула, узнав почерк брата.

- О боже! Она раздраженно швырнула письмо на стол. Даже не открывая, она прекрасно знала, что в нем содержалась просьба о деньгах. Чувство отвращения охватило ее. "Почему он должен портить мне удовольствие именно в этот момент? Как я могу просить о чем-либо свою тетю, когда она только что подарила мне это дорогое платье?" Все ее веселье улетучилось. "Что ж, -

сказала она себе наконец, - письмо не испортит мне сегодня настроения. Я прочту это завтра или сегодня вечером, когда вернусь снова".

Однако внутреннее чувство тревоги заставило ее разорвать конверт и она прочла:

"Дорогая маленькая Хильдегард, Ты знаешь старую историю о том, как сторож поднял женщину с постели и крикнул ей: "Миссис Мейер, тебя ждет ужасное потрясение: твой муж мертв. " Что ж, говорю тебе сейчас, дорогая Хильдегард, не бойся, но мне нужны четыре тысячи марок. Черт возьми, но в последнее время мне ни капельки не везло. Вчера утром я получил целую кучу писем от даннинга. Я и сам не знал, откуда берутся все эти люди, которые вдруг требуют денег. Откуда, черт возьми, я могу это взять, не крадя? Итак, я попытал счастья в картах, но удача была против меня, и когда я проснулся сегодня утром с раскалывающейся головной болью, то обнаружил, что проиграл четыре тысячи марок. Слава богу, у меня есть три дня передышки, но потом я должен уладить это дело, иначе ничего другого не остается, кроме как пустить себе пулю в лоб. Ты знаешь, что другие долги меня не беспокоят, но карточные долги - это долги чести, и на нашей чести не должно быть и пятнышка. Вместо этого мы должны уйти из этого мира. Лучше умереть, чем быть обесчещенным. Итак, дорогая Хильда, мне нужны четыре коричневых листка бумаги, и ты должна постараться достать их для меня. Я спрашиваю тебя об этом с гораздо меньшей неохотой, чем обычно, потому что я с величайшей радостью слышу, что ты вот-вот обручишься. Что ж, Хильда, самое время, и для тебя, и для нас. Не разочаровывай нас снова. Ты сильно изменился за последний год или около того. Когда я видел тебя в последний раз, я был в шоке. Не пойми меня неправильно. Ты, конечно, все еще очень красивая девушка, но ничто по сравнению с тем, какой ты была. Что ж, главное сейчас для тебя - поймать этого Винклера, или как там его зовут. Что он за человек? Тетя пишет маме, что он уделяет тебе самое большое внимание. Можешь себе представить, как они вне себя от радости дома. Отец написал мне, что в честь приятной новости он немедленно достроил свой винный погреб и, как благородный джентльмен, выпил за твое здоровье французского шампанского. Он больше не может выносить это немецкое пойло. Отец, знаете ли, ужасно страдает от несварения желудка. Тетя также рассказала нам, что ваш будущий тесть изготавливает пуговицы. Это ужасная идея, но правда ли это на самом деле? Однако главное, чтобы он производил их в достаточном количестве! Держите его крепко! У вас прекрасное зрение, используйте его хорошо, и вы обезопасите его. И когда вы будете помолвлены, что, как мы надеемся, произойдет в ближайшие несколько дней, поторопитесь с бракосочетанием, чтобы у него не было времени на сожаления и прежде, чем он узнает, как мы рассчитываем на его деньги. Когда он снова станет моим шурином, я сумею вытянуть из него дукаты. Я нисколько не беспокоюсь по поводу *этого*!

"Ну, Хильда, на сегодня я написал достаточно. Я должен идти на дежурство, полковник только что созвал собрание офицеров, чтобы еще раз зачитать нам самые строгие правила, касающиеся судов чести. Разве это не нелепая чушь! Как будто кто-то в самом деле не знает, как вести себя как благородный джентльмен! Если человек *не чувствует* этих вещей, он не узнает их, более или менее громко зевая, пока ему зачитывают эти бесконечные предписания.

"Пришлите мне, пожалуйста, четыре тысячи марок; дядя отдаст их вам сразу, если вы скажете ему, что они будут выплачены сразу после вашей свадьбы. Позвольте мне донести до вас следующее: оформите свой брачный контракт у юриста и позаботьтесь о том, чтобы за вами закрепили хороший доход. На вашем месте я бы не согласился меньше, чем на сорок тысяч марок в год. Парень, должно быть, рассчитывает что-то платить за то, что женился на

представительнице такой выдающейся семьи. Однако я должен сказать вам, что, несмотря на французское шампанское, которое отец смог достать в кредит только в связи с вашим приближающимся бракосочетанием, дела дома находятся в ужасном состоянии. Отец написал и попросил меня выслать ему несколько тысяч или хотя бы несколько сотен марок, если я выиграю в карты. Ах, если бы старый джентльмен имел представление о том, в какой ужасной я ситуации! А теперь, дорогая Хильда, устраивай свои дела как следует. С любовью и поцелуями.—Твой любящий брат,

"Fritz."

Каждая капля крови отхлынула от лица Хильдегарды, когда она прочитала письмо. Она стояла неподвижно, и ее охватило чувство отвращения, как это часто бывало, когда она получала новости из дома. Она разорвала письмо на тысячу кусочков и растоптала их ногой.

Затем она опустилась в кресло и закрыла лицо руками. "Им должно быть стыдно писать мне в таком тоне", - простонала она. "Только представьте, что они рассматривают меня как движимое имущество, которое нужно продать тому, кто больше заплатит. Что там пишет Фриц?— "Он, должно быть, рассчитывает что-то заплатить, если женится на представительнице нашей выдающейся семьи". Выдающаяся семья! - и она горько рассмеялась. - Банкроты, игроки, люди, с которыми никто не имел бы ничего общего, если бы у них не было благородных имен и они не носили форму. Мужчине достаточно носить офицерскую форму и принадлежать к аристократической семье, и, конечно же, он человек чести".

Она очнулась от своих размышлений, когда вошла тетя, чтобы узнать, одета ли она, и, увидев лицо Хильдегарды, в ужасе всплеснула руками.

- Но, Хильдегарда, в чем дело? Что случилось?

Хильдегарда презрительно пожала плечами. - Что случилось? Вы можете видеть по этим осколкам на полу. Фриц снова играл в азартные игры, ему нужно четыре тысячи марок. Я должна просить вас об этом". Затем внезапно она разразилась страстным негодованием: "Тетя, как вы могли сказать им дома, что моя помолвка с лейтенантом Винклером вот-вот состоится? Вам не следовало так поступать; последствия были серьезными. Благодаря своему будущему зятю и шурина и мой отец, и Фриц влезли во всевозможные долги. И я на самом деле даже не знаю, любит ли меня лейтенант Винклер. Я едва ли так думаю, но если он полюбит меня и захочет жениться на мне, тогда я знаю, что сделаю: я открою ему глаза на все. Когда он попросит моей руки, я расскажу ему, как меня годами отправляли в Берлин, чтобы найти богатого мужа; как мои родственники рассчитывают на его деньги и что они думают о его плебейском происхождении. Я расскажу ему все, потому что, даже если я не люблю лейтенанта Винклера, я слишком уважаю его, чтобы обманывать. Он должен знать и ясно понимать, в какую благородную семью собирается вступить. Я расскажу ему все!"

- Ты ничего подобного не сделаешь. Фрау фон Варнов слушала Хильдегарду, потеряв дар речи от изумления, и прошло довольно много времени, прежде чем к ней вернулось самообладание. "Ты не сделаешь этого", - повторила она с гневом. "У тебя есть долг не только перед своим народом, но и перед нами. Я не буду напоминать тебе о том, что мы уже сделали для тебя. Это правда, что мы богаты, но, несмотря на это, естественно, мы не стали бы давать вам, вашим родителям и вашему брату сотни и сотни фунтов, если бы не считали само собой разумеющимся, что вы так или иначе оплатите нам. Когда вы говорите, что расскажете

лейтенанту Винклеру все до свадьбы, вы говорите что-то просто нелепое. Четыре тысячи марок со всеми его деньгами не будут иметь для него ни малейшего значения, и вы можете быть уверены, что он достаточно умен, чтобы понять, что красивая девушка выходит замуж за лейтенанта из среднего класса только ради его денег. Если вы расскажете ему все заранее, вы в определенной степени предостережете его от женитьбы на вас, и тогда он не сможет удержаться от отступления. И что ты будешь делать потом?"

Хильдегарда пожала своими прекрасными плечами. - Что мне делать? Я нисколько не возражаю. Я не должна голодать. Как я уже говорил тебе раньше, я должен найти какую-нибудь ситуацию".

Ее тетя презрительно рассмеялась: "Ты не в своем уме! Что ты знаешь, я говорю? Что ты можешь сделать? Имеете ли вы какое-нибудь представление о ведении домашнего хозяйства, кулинарии, домашней работе? Вы, конечно, не смогли бы получить должность компаньона. Ты плохой музыкант, ты плохо читаешь вслух, твои знания иностранных языков практически равны нулю. Так как же ты мог зарабатывать себе на жизнь?" Она говорила с горькой иронией, но когда увидела выражение отчаяния на лице Хильдегарды, сочувствие взяло верх над ней, и она почти нежно обняла девушку за шею. "Не расстраивайся так, все обернется лучше, чем ты думаешь. Я вполне понимаю, что письмо Фрица ужасно расстроило тебя, но он не все это имеет в виду. Я сегодня же поговорю с твоим дядей о том, чтобы выслать деньги. Он отправит их, или это сделаю я. А теперь держи голову высоко. Нам давно пора уходить".

- Да, иди, тетя, но позволь мне остаться дома. Я действительно не в настроении идти на вечеринку.

- Что? Хильдегарда, — ее тете показалось, что она неправильно расслышала, — ты хочешь остаться дома? Так не пойдет. Особенно сегодня, когда суд пообещал явиться, вы не должны упустить возможность присутствовать там. И ты воображаешь, что я заказал для тебя этот дорогой новый костюм, чтобы ты сняла его и повесила в свой гардероб? Какой ответ я должен дать, когда люди будут спрашивать о тебе?"

Печальный смешок заиграл на губах Хильдегарды.

"Никто не будет спрашивать обо мне; они будут рады меня не видеть".

- А что насчет лейтенанта Винклера? Что я скажу ему, когда он наведет о вас справки?

Хильдегард посмотрела на тетю широко открытыми глазами.

"Неужели ты действительно не понимаешь, что именно из-за него я не хочу идти на прием? Для меня было бы просто невозможно разговаривать с ним естественно и приятно после письма Фрица и нашего разговора". Однако внезапно она изменила свое мнение: "Нет, вы совершенно правы. Я не позволю испортить день, которого я с таким нетерпением ждал".

Тетя нежно обняла ее:

- Совершенно верно, дитя мое. Пойдем, экипаж уже у дверей.

Они сразу же поехали в посольство. Они немного опоздали, перед воротами выстроились ряды экипажей, и прошло много времени, прежде чем их экипаж смог въехать. Герр и фрау фон Варнов беседовали о пассажирах других экипажей, которые стояли рядом с ними, обменивались замечаниями по поводу элегантности своих многочисленных знакомых и коротали время, гадая, кто из членов королевской семьи появится сегодня. Хильдегарда молча сидела в своем углу. В ответ дяде она сослалась на головную боль, и фрау фон Варнов дала мужу знак не продолжать разговор. Чтобы она могла спокойно предаваться своим мыслям. Что на самом деле заставило ее передумать и пойти на прием? Внезапно в ней возникло желание познакомиться с Джорджем, увидеть благородного человека и побеседовать с ним. Она точно не знала, как ей это сделать, но она решила придерживаться своего решения и сказать ему: "Ухаживай за тем, кто более достоин тебя, чем я". Прежде чем принимать от него еще какие-либо знаки внимания, она хотела рассказать ему о своем отце и брате. Если бы он продолжал обращаться с ней с особой галантностью и попытался добиться ее руки, ее совесть была бы совершенно свободна, и она могла бы смотреть ему в лицо честно и прямо.

- Ты когда-нибудь выйдешь отсюда, Хильдегард?

Хильдегарда вышла. Она сидела в своем углу с закрытыми глазами и не заметила, что лакей уже давно держит дверь открытой. Она последовала за остальными и четверть часа спустя вошла в огромные приемные, в которых собралось блестящее общество. Раздавались бесконечные приветствия и рукопожатия, бесконечные расспросы о здоровье и событиях последних нескольких дней. Все постоянно с ожиданием смотрели на дверь, поскольку с минуты на минуту ожидалась придворная компания. Хотя никто, конечно, не признался бы в этом, все были охвачены беспокойством, заметит ли их Его Величество, заговорит ли с ними и отличит ли их по рукопожатию. Каждый надеялся, что ему понравится это отличие. Никто не хотел, чтобы это было у другого, и каждый втайне надеялся, что император обратит внимание на него одного.

Джордж стоял рядом с Хильдегардой. Она заметила, как он искал ее, хотя она надеялась избежать встречи с ним, но ее высокая фигура не позволила ему потерять ее из виду. Однако она притворилась удивленной, когда он внезапно обратился к ней: "Здравствуй", но по его глазам прочла, что он разгадал ее маленькую уловку, и без дальнейших предисловий он спросил ее: "Вы сердитесь на меня по какой-либо причине, баронесса?"

Она посмотрела на него открыто. - Нет, конечно, нет.

Его лицо просветлело. - Тогда все в порядке. После небольшой паузы он сказал: "Ты избегала меня. Тебе совсем не неприятно, что я нахожусь рядом с тобой?"

Она снова бросила на него откровенный взгляд. - Вовсе нет, - а затем несколько нерешительно добавила: - Не будете ли вы так добры пригласить меня сегодня вечером на ужин? Она действительно хотела сказать: "Я хочу поговорить с тобой", - но не смогла выдать ни слова.

Он благодарно поклонился. - Если мы потеряем друг друга из виду в этой толпе, баронесса, давайте встретимся снова в этом месте, если вы не возражаете.

Она кивнула в знак согласия и немного отступила назад, потому что в этот момент объявили о королевском приеме. Воцарилась таинственная тишина, гул голосов стих; все посмотрели на Его Величество, который вошел в комнату и, милостиво улыбаясь, прошел вдоль длинного ряда склоненных фигур. То тут, то там он останавливался и обменивался дружеским словом или рукопожатием, и каждый, кто удостоивался этого отличия, был почти уничтожен завистливыми взглядами соседей.

Внезапно Его величество остановился перед Георгом и любезно протянул руку. "А, вот и ты, дорогой Винклер. Как ты? Сегодня я получил очень интересное сообщение от твоего отца. Я должен поговорить с ним как можно скорее, а потом ты должна прийти со своим отцом и поужинать со мной.

Георг склонил голову, чтобы поцеловать руку своего государя, и в этот момент император заметил Хильдегарду и приветствовал ее дружеской улыбкой. - Вы все еще кружите головы всем моим помощникам, баронесса? - игриво спросил он. - Хотя это довольно легко, когда ты такая красивая. И, бросив на него смеющийся взгляд, он прошел дальше.

В воцарившейся тишине слова Его Величества были услышаны всем залом, и теперь все взгляды были обращены на Хильдегарду и Джорджа, которые, естественно, были в восторге от выпавшей им чести, хотя и были немного смущены безобидной подколкой. Они стояли молча и были рады, когда люди снова начали разговаривать и ходить. Они больше не видели друг друга до полуночи, когда объявили ужин. Как обычно, все было накрыто на маленьких столиках, и Джорджу посчастливилось найти такой, за которым гости были ему незнакомы, и поэтому он мог спокойно беседовать с Хильдегардой. Однако они временно стали объектами внимания своих спутниц, и некоторые из дам откровенно высказались по поводу замечаний императора о Хильдегарде. Действительно, одна из них, изможденная высокая женщина, весьма дерзко осмотрела Хильдегарду в свой лорнет, а затем сказала вполголоса: "Ну, я не могу понять, почему его величество считает ее такой красивой".

Хильдегарда бросила совершенно откровенный взгляд на говорившего и громко рассмеялась, затем повернулась к Георгу и сказала: "Я не могу передать вам, как я восхищена словами, обращенными к вам императором. Я твердо убежден, что теперь вы сразу займете свое правильное положение как в обществе, так и в полку, чего раньше вам не удавалось".

Джордж пожал плечами. - Едва ли я так думаю, баронесса. Боюсь, что эти любезные слова причинили мне больше вреда, чем пользы. Людям будет неприятно, что меня и моего отца хвалят в столь высоких кругах. Однако я не позволю этому испортить мне удовольствие от публичного признания моего отца. Окажите мне честь, выпейте за его здоровье.

- С величайшим удовольствием, - и бокалы чокнулись.

- Я хочу, чтобы вы знали моего отца, баронесса, - продолжал Джордж. - Он бы вам понравился, хотя, естественно, большинству присутствующих это не понравилось бы. Они никогда не простили бы ему плохо крахмаленных манжет и неподобающим образом завязанного галстука. Однако я думаю, что он бы вам понравился. Может быть, в следующий раз, когда он придет в Берлин, я мог бы представить его вам? Он привезет с собой мою сестру, и, поскольку я так часто рассказывала ей о вас в своих письмах, она очень хочет познакомиться с вами.

Эти слова несколько смутили Хильдегарду. Значит, он тоже рассказал о ней своим людям, возможно, даже признался, что намеревался добиться ее руки. Она вспомнила о письме брата. Она должна рассказать ему все, пока не стало слишком поздно. Как ей это сделать? Никто не обращал никакого внимания на их разговор, но как ей было выразить то, что она хотела сказать? Поскольку он не сказал ей, каковы его намерения, она не могла сказать ему: "Не думай о сватовстве; из-за моей семьи я не хочу и не могу быть твоей женой". И все же, если без дальнейших объяснений она заговорит об их бедности дома, разве ему не придет в голову, что, возможно, она ожидала помощи от него или его отца. Она не могла найти выхода из затруднительного положения. Потом она удивилась, почему он никогда не говорил с ней о своей сестре. Она была очень удивлена и наконец спросила: "Значит, у вас есть сестра, лейтенант Винклер?" Почему ты никогда не рассказывал мне о ней?

Он удивленно посмотрел на нее: "Что! я никогда не рассказывал тебе о ней? Вы не должны воспринимать это неправильно, потому что у меня не было намерения не говорить с вами о ней."

- А почему бы тебе не рассказать о ней другим людям? - спросила она с некоторым любопытством.

Джордж смутился и покраснел, как ребенок. "Я не могу точно это объяснить. Возможно, дело в том, что, когда человек кого-то очень сильно любит, он мало с кем о нем говорит. И даже если бы я хотел поговорить о ней, с кем бы я должен был поговорить? В полку никто не проявляет ко мне ни малейшего интереса, а тем более к моей семье, и, естественно, я не говорю о таких вещах, пока меня не спросят. Затем, после небольшой паузы, он продолжил: "И есть еще одна причина, по которой я не хочу говорить об Эльзе".

"И что же это?" Спросила Хильдегарда, когда он замолчал.

"Я не знаю, как выразить словами именно то, что я хочу сказать. Я не хочу вызывать подозрений у своих товарищей, равно как и не хочу выставлять себя образцом добродетели, которой я на самом деле не являюсь и не мог быть в двадцать семь лет. Но я не могу не сказать, что в столовой у моих коллег-офицеров есть манера говорить о молодых девушках, с которыми они знакомятся в Обществе, что меня просто возмущает. Нет, не отвратительно, это слишком сильно сказано, - поправил он себя. "Я просто поражен и постоянно говорю себе: "Разве эти офицеры не сестры и разве их матери не научили их хоть какому-то уважению к женщинам, чтобы они не относились ко всем одинаково?" В моем старом полку все было совсем по-другому; возможно, мы не были более нравственными людьми, но в маленьком городке, где мы сблизились с несколькими семьями, мы не могли критиковать молодых девушек так свободно и так бесстыдно. Я помню, как однажды за обедом офицер зашел так далеко, что сделал оскорбительное замечание в адрес одной из дам. Санитаров отослали из комнаты, а самый старший офицер за столом, старый капитан, прочитал молодому лейтенанту перед всеми нами такую лекцию, что тот не сказал ни единого слова в оправдание".

"Так и должно быть", - сказала Хильдегарда.

"Конечно, - согласился Джордж, - вот почему я удивлен, что наши офицеры так не думают. Если бы только девушки, которые так часто считают лейтенанта образцом совершенства, знали или могли собственными ушами услышать, как офицеры говорят о них после того, как они побывали на приеме, они бы покраснели от стыда, и лейтенант вскоре перестал бы быть их идеалом. Слава богу, конечно, есть исключения! но большинство моих товарищей-офицеров такие, как я

только что описал, и то же самое происходит в других полках; для них женщина — все равно что лошадь - вещь, которую нужно осмотреть и оценить. Интересно, почему молодая девушка так мало значит для лейтенанта, что он говорит о ней без малейшего уважения? Я часто думал над этим вопросом. Возможно, это связано с их образованием? Большинство из них растут в полку; у них нет домашней жизни; они видятся со своими сестрами и друзьями только в отпуске; будучи кадетами, они выходят в Общество, чтобы завоевывать, и каждое завоевание помогает опустить всех молодых девушек в их глазах. Возможно, сами девушки в определенной степени ответственны за такое положение дел. В обществе для них не существует никого, кроме лейтенанта, они игнорируют штатского, если только он случайно не офицер запаса. Лейтенант просто бродит в погоне за завоеваниями, и часто он одерживает победу слишком легко. Я не могу говорить об этом, исходя из своего собственного опыта. Я здесь чужой, но я часто слышал, как мои товарищи рассказывали о молодых девушках, которые рвутся вперед, посылают любовные письма и которые даже не ждут, пока их попросят о свидании, а просят разрешения навестить офицеров либо в доме друга, либо в офицерской квартире ".

- Но, лейтенант Винклер, - перебила Хильдегарда, - ни одна леди не поступила бы подобным образом.

"Ей, конечно, не следовало бы этого делать, - согласился он, - но, тем не менее, она это делает. Просто взгляните на избранную компанию здесь. У скольких из этих аристократичных дам нет более или менее безобидной интрижки с лейтенантом? Могу вас заверить, это касается не только замужних дам. Эти молодые девушки ходят так скромно и целомудренно, но их главная гордость в том, что, несмотря на их молодость, у них было *прошлое*."

Хильдегарда слишком хорошо знала, что он прав. Она помнила, что у большинства друзей ее юности были любовники-лейтенанты. Сколько раз она не говорила с ними об этом и не упрекала их, но все давали один и тот же ответ: "Почему у меня не должно быть любовника? у других есть, и какой смысл быть молодым и красивым? Думаешь, наша кровь остается спокойной, когда мужчина ухаживает за нами весь вечер, прижимает нас к себе во время танца и бросает на нас страстные взгляды? Неужели мы должны ждать, пока у нас появится муж? Мы можем ждать долго, возможно, вечно, и что тогда? Вы хотите, чтобы мы умерли, так и не познав жизни? Как нелепо!"

Они с поистине циничной откровенностью рассказывали друг другу, как им удалось обмануть своих родителей и предотвратить любые последствия своих интриг. Возможно, Хильдегард от природы была слишком холодна и лишена страсти, чтобы понимать своих друзей. Прежде всего, она не могла понять офицеров, которых больше, чем всех остальных, следовало считать честными людьми, и которые, тем не менее, без колебаний вступали в *связь* с женой или дочерью хозяина дома, где у них были самые приятные общественные отношения.

Хильдегарда и Джордж долго сидели, занятые своими мыслями. Джордж неверно истолковал молчание Хильдегарды. Он подумал, что она, возможно, раздосадована его замечаниями, и поэтому сказал:

- Я надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я говорил так свободно и откровенно в вашем присутствии; но мы оба выросли в совершенно разных обстоятельствах и воспитаны в совершенно разных взглядах.

Хильдегарда почувствовала, что краснеет. Действительно, она выросла в других обстоятельствах! То, что она не была похожа на своих товарищей, было исключительно ее заслугой. Возможно, однако, отчасти это было связано с ее отцом и братом, которые постоянно писали ей: "Не бросай себя и не вступай *всвязь*, если ты не уверена, что это приведет к браку. Вы ничего от этого не получите, а затем снизите свою ценность и полностью разрушите надежды, которые мы на вас возлагаем".

Как часто она не задавалась вопросом, был бы ее брат совершенно безутешен, если бы она написала ему: "Я нашла не мужа, а друга. Если вы простите меня за это, я оплачу ваши долги".

Она не сомневалась, что он примет деньги, чтобы остаться офицером и сыграть роль, которой чествуют и которой завидуют в солдатском обществе.

- Ты сердишься на меня? - Спросил Джордж, поскольку Хильдегарда по-прежнему хранила молчание.

Она очнулась от своих мыслей. - Почему я должна бояться? И чтобы перевести тягостный для нее разговор на другую тему, она снова спросила о его сестре. И тогда Джордж рассказал ей все о своей сестре — какой очаровательной и красивой она была, какой доброй и добродушной, как они росли вместе как отличные подруги и как часто сражались друг с другом, когда были детьми. Он рассказывал свои истории весело, с сияющими глазами, и Хильдегарда слушала с интересом.

- Знаете, я завидую вашей сестре или, скорее, тому приятному отношению, в котором вы с ней состоите. Сестринская любовь - такая прекрасная вещь".

"Да, конечно; но ты тоже находишься в такой счастливой ситуации. У тебя есть брат".

- Пожалуйста, не говори со мной о нем.

В ее словах прозвучало такое презрение и уничижение, что он посмотрел на нее с удивлением.

- Но, баронесса, он же ваш брат.

- Ты его не знаешь. Пожалуйста, давай сменим тему.

- Конечно, если ты этого хочешь.

В смущении Джордж осушил свой бокал и тщетно пытался найти другую тему, и оба были рады, когда наконец все встали из-за стола.

Бал продолжался до самого рассвета, и во время танцев Джордж ни на секунду не терял из виду Хильдегарду. Он имел удовольствие представить нескольких новых сотрудников и партнеров; и он был действительно в большом восторге, чем она, от восхищения, которое она вызывала.

Было уже поздно, когда бал наконец прекратился. Джордж в последний момент не смог попрощаться с Хильдегардой и отправился домой со своей спутницей в несколько дурном расположении духа.

Его спутник, по-видимому, был занят какими-то мыслями, которые заинтересовали его. Внезапно он остановился и схватил Джорджа за руку. "На что ты поспоришь, что он завоюет ее? Это было бы гораздо лучше, чем удачный ход в карты."

Джордж с удивлением посмотрел на своего товарища. - Я не понимаю, что ты имеешь в виду. О ком ты говоришь?

Тот снова пошел дальше. - О да, конечно, вы не знаете Гастиона из гусар. Боже мой, этим вечером он ухаживал за фрейлейн фон Райзингер! Что ж, она уже не очень молода и никогда не была хорошенькой, но ее семья - очень древняя еврейская. Я верю, что ее мать была Моисеем, но это не имеет значения. У нее есть деньги; ужасающая сумма денег. Если Гастион получит их, он сможет жить в роскоши. Но он определенно нуждается в этом; говорят, у него долг на двести тысяч марок.

Джордж слушал, по-видимому, без особого интереса. Затем он сказал: "Разве это не ужасно, что мы, офицеры, — разумеется, за исключением присутствующих, — когда выбираем жену, делаем это вопросом удобства? Мы живем роскошно, мы выбрасываем на ветер наши деньги и наше здоровье, и когда однажды мы оказываемся на пределе возможностей, мы высматриваем на балах и вечеринках богатую молодую девушку, которая снова наладит наши отношения. Чем больше у нее денег, тем больше, конечно, мы бегаем за ней. Как мало людей женятся на свое жалованье!"

"Ну, конечно, это смешно; кто может прожить на несколько пенсов".

"Я вполне согласен с вами, хотя многим людям это удастся. Но все же разве это не очень интересный психологический факт, что почти каждый офицер влюбляется в богатую и некрасивую девушку? И все же никто, конечно, никогда не признается, что женился из-за денег. Предлагать такое действительно оскорбительно и клеветнически. Напротив, каждый делает вид, что, несмотря на некрасивость своей жены и более или менее неприятные черты характера, он действительно любит ее. Если бы у нее не было денег, он бы, конечно, и не взглянул на нее. Честно говоря, я ни в малейшей степени не могу понять, как богатые родители могут выдать свою дочь за офицера. Люди должны знать, что офицеры принимают своих дочерей только из-за денег, и я не могу представить, как сами девушки могут быть настолько глупы, чтобы полагать, что они выходят замуж по любви".

- Извините меня, - вмешался его спутник, - вы выражаете очень любопытные взгляды. Значит, по-вашему, молодым богатым девушкам вообще не следует выходить замуж.

- Прошу прощения, я этого не говорил, но они должны выходить замуж за кого хотят, только не за лейтенантов, которые в девятистах девяноста девяти случаях из тысячи и мечтать не стали бы о женитьбе, если бы не были по уши в долгах.

- Тебе очень хорошо говорить, - сказал другой. "Знаете, человеку, который родился на свет миллионером, легко сурово судить беднягу. То, что вы говорите, очень красиво и благородно в теории, но как насчет практики? Когда я могу, я предпочитаю ездить в собственном вагоне, а не в электрическом трамвае. Ах, здесь наши пути расходятся, ты идешь направо, я налево. В котором часу вы завтра заступаєте на дежурство?"

- Утром совсем нет.

- Счастливчик, в семь я должен быть на параде. Спокойной ночи.

После прохладного рукопожатия товарищи расстались, и чуть позже Джордж добрался до своих комнат.

ГЛАВА VI

Воинская мораль

Все вышло именно так, как предсказывал Джордж; добрые слова, с которыми Его Величество обратился к нему в американском посольстве, и теплая похвала его отца не способствовали улучшению его положения в полку; напротив, это ухудшило его. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь в отсутствие Георга не говорил о нем и не обсуждал замечания императора. Что же заставило императора особо выделить его, единственного офицера-плебея в полку? Даже полковнику пришлось довольствоваться простым рукопожатием, офицеры штаба, не говоря уже об остальных, едва удостоились взгляда; обращались только к Джорджу. Была ли это простая случайность или действительно отчет изготовителя пуговиц — так старого Винклера всегда называли за краткость, — послуживший поводом для таких замечаний? И что, черт возьми, мог сказать Его Величеству такой фабрикант, чего он еще не знал? О старом Винклере действительно говорили, что он уникален в своих заботах о благе своих работников и в своих усилиях по их благосостоянию, и он открыл новые методы и средства улучшения их существования. Конечно, все знали, что Его Величество глубоко заинтересован в положении рабочего класса, но, несмотря на это, они считали эту публичную похвалу старому Винклеру несколько показной и излишней, если офицер — и, следовательно, верноподданный — мог осмелиться критиковать слова Его величества. Или слова императора имели какое-то особое значение? Император, конечно, знал, что думали о Джордже в полку, что он все еще был "аутсайдером" и всегда им останется. Означали ли слова Его Величества: "Вам не нужно утруждать себя, вы не избавитесь от лейтенанта Винклера, во мне у него есть могущественный защитник". Возможно, он хотел своими любезными словами побудить Джорджа проявить настойчивость и не отчаиваться, даже если ему не удалось занять хорошую должность в полку?

Ни одной "Золотой бабочке" никогда не приказывали присутствовать при Дворе, разве что по случаю какого-нибудь большого развлечения; тогда полк появлялся всем составом, и даже это отличие вызывало у них чувство большой гордости. И вот теперь император публично пригласил Георга приехать со своим отцом на обед ко двору. Было хорошо известно, что Его Величество часто устраивал небольшие приемы, где все вели себя совершенно непринужденно и велось много оживленных бесед. Император удивил всех поразительным объемом своих знаний и очаровал всех своими личными достоинствами. Почему Джорджа должны были приглашать участвовать в этих маленьких интимных вечеринках? Просто потому, что он был сыном своего отца. И кем на самом деле был его отец? Он был всего лишь производителем пуговиц из

среднего класса и остался бы им, даже если бы был мудрее и важнее всех остальных мудрецов, вместе взятых.

Они не пожалели бы ни для кого из своих товарищей той чести, которая была оказана Джорджу. Они расценили бы это как честь, оказанную аристократическим классам, к которым они сами принадлежали. Они были недовольны этим, Джордж, потому что сказали себе: "Если в наши дни средний класс удостоивается таких почестей, то что тогда остается дворянству, которое сделало и сделает для Германии больше, чем изготовление пуговиц для брюк, преимущество которых, безусловно, в том, что они долговечны и дешевы".

До сих пор офицеры не удосуживались обратить на Джорджа никакого внимания. Теперь они обратили свое внимание на него, и хотя он всегда был тих и скромен в своем поведении по отношению к своим товарищам и в то же время держался с достоинством, не будучи гордым, они стали еще надменнее, чем были раньше. Больше, чем когда-либо, они были аристократами; больше, чем когда-либо, они старались показать ему, какой огромный и непреодолимый барьер отделяет его от них. Их поведение говорило так же ясно, как слова: "Мы намерены избавиться от него; однажды он сам поймет, что больше не может оставаться с нами".

Джордж прекрасно понимал, какое чувство существовало против него, и даже если бы он захотел обмануть себя в этом вопросе, одна вещь открыла бы ему глаза на этот факт. Это была снисходительная манера, в которой молодой Уиллберг регулярно, каждую неделю, чисто для проформы, оправдывался за то, что не смог вернуть 50 фунтов стерлингов, которые он был настолько любезен, что одолжил ему.

"Мне действительно не нужны деньги, - каждый раз говорил Джордж. - напротив, я живу настолько экономно, что откладываю деньги. Я бы с радостью одолжил вам большую сумму, и вам не нужно торопиться с ее возвратом".

Джордж заметил, с какой радостью молодой Уиллберг принял щедро предложенную помощь, ибо ни для кого не было секретом, что он долго не сможет протянуть. Никто точно не знал, как он относился к денежным вопросам. Он играл не больше других, но у него были другие расходы. В глазах молодых девушек из Общества он пользовался большим авторитетом благодаря своим *любовным связям*. Он знал, насколько он был интересен им, потому что у него была репутация человека, неспособного быть верным кому бы то ни было. И он также хорошо знал, что, несмотря на эту репутацию, или, скорее, только благодаря ей, ему не составит труда однажды завоевать богатую жену. Невесте позавидовали бы из-за того, что у нее есть *жених* с таким интересным прошлым; они сочли бы, что ей повезло, что она его поймала. Он намеревался жениться позже, но у его жены должны были быть деньги, очень много денег, потому что он не собирался менять свой образ жизни, когда был женатым человеком. Уиллберг понятия не имел о ценности денег, и всякий раз, когда ему удавалось занять несколько фунтов у родственника, он не мог успокоиться, пока не потратил их. Он постоянно был в долгах, и как раз сейчас дела у него шли совсем плохо. Он постоянно жаловался на свое жалкое положение и пил больше обычного вина, чтобы заглушить свои заботы. Он был должен деньги всему полку, и Джордж предвидел, что пройдет совсем немного времени, и молодой Уиллберг снова займет у него займы, не имея возможности выплатить свой прежний долг. И этот момент настал раньше, чем даже Джордж мог себе представить.

Однажды Джордж ушел домой из столовой раньше обычного. Он получил письмо от своей подруги Ольги, молодой актрисы театра "Резиденц", в котором говорилось, что она придет к нему поужинать. Сначала он думал отложить ее, так как у него была какая-то важная работа, но в конце концов он телеграфировал ей: "Приезжай, я тебя жду". У него не хватило духу испортить ей вечер. Она так любила его и была так счастлива в его удобных и прекрасно обставленных комнатах. Для нее не было ничего более восхитительного, чем восхищаться его прекрасными вещами и рыться в его библиотеке.

Вскоре они уже сидели в маленькой столовой друг напротив друга за очаровательно сервированным столом, и Джордж со смехом заметил, как ей понравились устрицы и поммеры.

- Тебе очень приятно смеяться. Ты только что вернулся с обеда, а я ничего не ел с трех часов.

"Мое дорогое дитя, продолжай есть. Я буду только рад, если это придется тебе по вкусу, и чем больше ты съешь, тем больше я буду доволен. А когда вы доедите эти устрицы, еще дюжину подадут снаружи со льдом, а после этого подадут ваше любимое блюдо — фаршированные артишоки".

Она захлопала в ладоши от удовольствия, как ребенок; затем с благодарностью посмотрела на него своими широко открытыми темно-кариими глазами и нежно погладила его по руке. "Как ты добр ко мне".

"В самом деле, Ольга!" Он был почти смущен чувством, прозвучавшим в ее голосе, и попытался пошутить: "Не смейся надо мной, Ольга. Если вся степень моей доброты к вам заключается в том, что я велел моей домовладелице приготовить ваши любимые блюда, то это действительно не так уж много". И после небольшой паузы он добавил: "Я очень люблю тебя, маленькая Ольга".

Она восхищенно посмотрела на него. "Ты действительно это имеешь в виду?" И когда он поклонился и выпил за ее здоровье, она сказала: "Знаешь, я тебе верю. Действительно, когда я с тобой, я знаю, что ты любишь меня".

Внезапно она вскочила, прильнула к нему и страстно поцеловала.

- Но, Ольга, дорогая моя девочка, твои устрицы остынут, - сказал он наконец, пока она продолжала ласкать его.

Рассмеявшись, она остановилась и снова села.

Ольга была колоритной девушкой среднего роста, с безупречной фигурой, ярким интеллигентным лицом, чудесными карими глазами и очаровательным маленьким носиком. Все в ней было *миниатюрным*. У нее были маленькие ручки, за которыми очень тщательно ухаживали, и восхитительные маленькие ножки. Все ее выражение лица и осанка вызвали сочувствие в высшей степени. Не будучи особо умной, она была забавной и сообразительной. С ней можно было разговаривать часами, ни на минуту не испытывая скуки; она умела рассказывать забавные истории и всегда была готова подшутить. Она смеялась так искренне, что слезы выступали у нее на глазах, и когда она смеялась, то всегда показывала свои ослепительно белые зубы. Что в ней было особенно привлекательно для Джорджа, так это то, что она была совершенно прямым созданием. Она всегда была добродушной и дружелюбной, никогда не капризничала и не расточала. Только однажды она выразила Джорджу свое

желание. В течение нескольких дней он замечал, что ее что-то беспокоит; он постоянно убеждал ее рассказать ему, и наконец она это сделала.

"Но, прежде всего, вы должны выключить газ, иначе мне будет ужасно стыдно; вы не должны смотреть на меня, когда я вам говорю".

Смеясь, он согласился на ее желание, и тогда она призналась: "Я ужасно хочу маленькие золотые часики".

И когда он потерял дар речи от изумления ее скромностью, она продолжила: "Не сердись на меня, я видела в витрине магазина совершенно прекрасные часы за сто марок, но если это слишком дорого, то вполне подойдут часы подешевле".

Когда он исполнил ее желание и купил ей дорогие часы с золотой цепочкой, она просидела с ним весь вечер, не проявляя к нему никакого интереса, а играя своими часами, попеременно смеясь и плача от радости. В начале их знакомства ее никак не удавалось убедить что-либо принять от него; в течение нескольких дней он спорил с ней, и только в конце концов она позволила ему выделить ей денежное содержание, когда он самым решительным образом заявил, что в противном случае он больше не будет иметь с ней ничего общего. Он платил за ее комнаты и все, что ей требовалось, не балуя ее. Ради себя самого он заботился о том, чтобы у нее все было в порядке, и без ее ведома каждую неделю регулярно клал для нее в банк по 10 фунтов стерлингов. "Тогда, по крайней мере, ей не нужно будет бросаться в объятия первого попавшегося шафера всякий раз, когда мы расстанемся", - сказал он себе.

В этот самый день он был в банке по ее счету и на обратном пути купил хорошенькую маленькую брошку, о которой только сейчас вспомнил. - Боже милостивый, Ольга, я совсем забыл кое-что. Смотри, вот тебе маленький пустячок.

Он встал, взял шкатулку с драгоценностями и насладился восхищенным взглядом, который она бросила на украшение.

- Джордж, тебе действительно не следовало делать мне таких подарков.

"О, все в порядке, я никогда не дарю больше, чем могу себе позволить, и, как и за все мои подарки, за это заплачено".

Она еще раз поблагодарила его, затем сказала: "Знаешь, мне действительно можно позавидовать из-за того, что я знаю тебя? Поймите меня правильно, вы прекрасно знаете, что я ничего от вас не хочу и ни о чем вас не прошу. Как только я узнаю, что попросил у тебя часы, мне становится от души стыдно за это, и если бы я когда-нибудь вообразил, что ты так много потратишь на них, я бы никогда не упомянул об этом, потому что я бы ни на минуту не позволил тебе вообразить, что ты мне небезразличен, потому что ты богат".

- Но, Ольга, я все это знаю, тебе незачем мне рассказывать. Однако ты собирался сказать мне, почему тебе следует завидовать, потому что мы друзья.

- Потому что вы благородный человек, потому что— ну, как бы вам сказать. Видите ли, у всех моих друзей в театре есть покровитель. Но что это за люди? Светские люди в худшем смысле этого слова, которые хвастаются и хулиганят, берут долг за долгом, и если они делают подарок, то за него не платят; все, что они дарят, взято взаймы, и это разрушает всякое удовольствие от

получения подарка. Но все, что связано с тобой, такое высококлассное, прямое, основательное. Ваш образ жизни подобен вашему характеру; каждый знает, что на вас можно положиться, что вы абсолютно честный и надежный человек".

Джордж снова смутился. - Ольга, Ольга, к чему эти выражения привязанности после столь долгого знакомства?

"Сегодня как раз подходящий момент", - ответила она, а затем с некоторым замешательством добавила: "В этот самый день, три месяца назад, я впервые встретила тебя".

- Ты сожалеешь?

Она поцеловала ему руку. - Ты— ты— я— я ужасно люблю тебя. Как я могу сожалеть? Затем она продолжила очень серьезно: - Вы знаете, ведь я уже рассказывала вам, как этот мерзавец лейтенант обошелся со мной, и я поклялась впредь быть честной женщиной и не иметь ничего общего с мужчиной. Я придерживался своего решения в течение года. Ну, и что случилось потом? Потом появился человек, который мне очень понравился и который был очень добр ко мне. Вы знаете, что очень трудно быть уважаемым на сцене; мы, низшие, всегда завидуем "звездам", которые разгуливают в шелках и атласе, и которые часто не могут играть лучше других, и которые своим положением обязаны только богатому другу, который оплачивает их наряды и договаривается с режиссером и распорядителем, что его *протеже* выйдет на сцену и получит хорошую роль. Что ж, так оно и есть, и, кроме того, человек хочет наслаждаться жизнью; все делают то же самое, не только те, кто на сцене. Мы не самые худшие; другие, которые делают все это тайно и выдают себя за в высшей степени уважаемых молодых женщин, они действительно худшие".

- Ну-ну, Ольга, выпей бокал вина. Почему ты выходишь из себя? Будь снова весела.

После короткой борьбы ее от природы добрый нрав взял верх. - Вы совершенно правы. Я не могу изменить того, что уже произошло, но лейтенант все равно был мерзавцем; помните, я говорил вам, что позже он застрелился, и это было лучшее, что он мог сделать.

- Не будь такой суровой, Ольга.

- Прошу тебя, не заступайся за него, - сердито продолжала она. "Я понимаю, что вы чувствуете: если молодая девушка принимает приглашение офицера, она должна хорошо знать, чего ожидать. Но тогда я была очень молода и неопытна".

- Но, Ольга, я тебя сегодня не понимаю. Что с тобой? Почему ты так оскорбляешь офицеров. Ты же помнишь, что я один из них.

- Ах, ты, - нежно сказала она. - На самом деле ты не один из них. Ты слишком благороден. Ты мужчина, остальные - заносчивые обезьяны, и, кроме того, как правило, лжецы и предатели".

- Ольга, я со всей серьезностью прошу тебя прекратить подобные замечания. Что с тобой такое? Нам остаться здесь или перейти в гостиную? - спросил он ее через некоторое время.

- Давайте пройдем в гостиную, - ответила она. Ей понравилась большая красивая комната с великолепным ковром, тяжелой *портьерой* и прекрасными картинами. Больше всего ей

нравилось большое удобное кожаное кресло перед камином, и каждый раз, навещая Джорджа, она собиралась попросить его разрешить ей посидеть в этом кресле после ужина. Она никогда этого не делала, потому что каждый раз, включая сегодняшний, как только они входили в гостиную, Джордж выдвигал для нее *шезлонг*, клал ей под голову подушку и накрывал ее большим медвежьим ковром. Он всегда так делал и относился к ней с такой любовью и таким нежным вниманием, что у нее не хватало духу сказать ему, как ей неловко.

- Тебе удобно, дорогая?

И снова, движимая нежностью, она сказала ему неправду: "Просто прелесть".

Он нежно поцеловал ее, протянул сигарету, взял сигару для себя и затем сел на стул рядом с ней.

- Ты действительно прекрасно живешь, Джордж. Ты не представляешь, как я счастлива, когда я с тобой.

"Потому что ты в моих комнатах или потому что ты со мной?"

- Естественно, потому что я в твоих комнатах, - поддразнила она. - Почему я вообще должна заботиться о тебе? Ты старый циник, который не заслуживает того, чтобы я так сильно любила его и была с ним так мила. О, ты, милая старая дурочка, иди сюда и позволь мне поцеловать тебя. Ну, теперь хватит, будь благоразумен, сядь поудобнее и расскажи мне, чем ты занимался в последнее время. На каких вечеринках ты был и с кем танцевал? С кем ты ходила за лекарством?

Джордж отвечал и задавал вопросы. Ольга проявляла настоящий и искренний интерес ко всему, что его касалось; он знал, что может полностью доверять ей и что позже, когда они расстанутся, она не воспользуется тем, что он ей сказал, и поэтому он говорил с ней совершенно откровенно. Он рассказал ей о полке, своих родителях и сестре, но, естественно, ни словом не обмолвился о Хильдегарде. Он ни разу не упомянул ее имени, и сегодня точно так же хранил молчание на эту тему. Не то чтобы он боялся, что Ольга будет ревновать; она была слишком разумна для этого, и, более того, она часто говорила, что хотела бы, чтобы он женился на милой жене. Однако, несмотря на все это, необъяснимое чувство помешало ему заговорить с ней о Хильдегарде.

Ольга внимательно слушала его; многие имена людей в Обществе были ей знакомы, она помнила их по его прежним рассказам, и время от времени своими вопросами показывала, что следит за ним с неподдельным интересом. Естественно, ей было больше всего интересно узнать, что носят дамы, но она не получила от него много информации на этот счет.

"Как ты можешь быть таким глупым, чтобы не замечать этих вещей?" она отругала его. "Женщину больше всего интересуется то, что надето на другой женщине".

- Или, скорее, то, что на ней *не* надето, - насмешливо сказал он.

Появление слуги положило конец их разговору.

- Для вас только что пришло письмо, сэр.

- Есть какой-нибудь ответ?

- Посыльный ничего не сказал, он не стал ждать.

-Очень хорошо.

Слуга исчез, а Джордж некоторое время держал записку в правой руке нераспечатанной.

- От кого это? - спросила Ольга.

"Я не знаю, как это происходит, но смутное чувство подсказывает мне, что в этом письме содержится что-то неприятное для меня".

- Тогда, может быть, мне тебе это зачитать? Если я подумаю, что содержимое тебя разозлит, я разорву его и никогда не скажу тебе, что в нем было".

Он поцеловал ей руку. - Ты прелестная малышка, но, боюсь, так не годится. Что ж, давайте посмотрим, что это такое.

Он вскрыл конверт ножом для разрезания бумаги, перевернул лист и взглянул на подпись. Легкая торжествующая улыбка заиграла на его губах. "Ах, ха, Уиллберг, я так и сказал!"

Ольга встала и подперла голову правой рукой; теперь она смотрела на Джорджа с тревогой и ожиданием. - Вильберг, чего он от тебя хочет? Ты как-то рассказывала мне, как странно он вел себя с тобой. Почему он пишет тебе?"

Вместо ответа Джордж протянул ей письмо, и Ольга прочла:

"Дорогой Винклер, хотя я все еще по уши у вас в долгу и не в большей степени способен выплатить его сегодня, чем несколько недель назад, все же я вынужден еще раз обратиться к вам за помощью, и как можно быстрее. Сегодня мы играли просто ужасно. Я проиграл пять тысяч марок — четыре тысячи улану, которому я хотел отомстить. Я должен выплатить эти четыре тысячи марок к завтрашнему утру, в противном случае я должен покинуть армию. Я не знаю, где взять деньги; вы - мое единственное средство спасения. Вы так часто предлагали мне деньги, что я совершенно уверен, что теперь вы не оставите меня в беде.

"Возможно, вы будете так добры переслать деньги с вашим слугой Фрицем, вашим слугой или любым другим человеком, который вам понравится. Я останусь дома и буду ждать вашего ответа. Заранее сердечно благодарю вас за то, что еще раз вытащили меня из ужасной передраги.—С искренними пожеланиями, с благодарностью к вам,

"F. von Willberg."

Ольга сложила письмо и вернула его Джорджу.

- Ну, и что ты об этом думаешь?

"Это письмо - просто образец, - высказала она мнение, - короткое, вежливое и по-детски наивное. "Я играл в азартные игры, пожалуйста, оплатите мои долги. Мужчина пишет с

небрежностью и хладнокровием, как будто приглашает вас выпить с ним бокал вина. Уиллберг просто восхитителен".

"Да, вы не так уж сильно ошибаетесь", - сказал Джордж, которого несколько задел тон письма. "Молодой лейтенант, у которого нет ничего в мире, что можно было бы назвать своим, кроме нескольких фунтов карманных денег, с величайшей уверенностью садится за карточный стол и проигрывает одну за другой банкноты в 50 фунтов стерлингов. Когда у него заканчиваются наличные деньги, он играет в кредит, а когда игра заканчивается и он глубоко вовлечен, он спокойно садится и пишет своим друзьям и знакомым: "Пожалуйста, будьте так добры, оплатите мои долги". И если он знает, что не может получить помощи из этих источников, потому что он их уже исчерпал, тогда он обращается к любому богатому человеку, которого, возможно, встречал всего дважды в своей жизни, и занимает у него *снайвностью* и неподражаемым бесстыдством. Он прекрасно знает, что должен где-то раздобыть деньги. Если дела идут не так гладко, как он ожидал, он впадает в мелодраматизм, говорит об увольнении из полка, оставлении армии, судах Чести, пуле в голову и тому подобных вещах. И очень мало людей остаются равнодушными, когда речь идет о спасении, как говорится, молодой и многообещающей человеческой жизни, которая в большинстве случаев не стоит и пули. И вот они засовывают руки в карманы и дают лейтенанту то, что ему нужно, чтобы снова поставить его на ноги и снова стать "благородным" человеком. Я не знаю, поймете ли вы то, что я собираюсь сказать, Ольга, но величайшее несчастье для наших лейтенантов заключается в том — я не говорю о наших офицерах, а только о наших лейтенантах, — что из-за своей формы и должности они могут везде получить почести. Многие образованные или полуобразованные богатые люди, которые с удовольствием развлекают офицеров, чтобы их считали в "Обществе", постоянно настаивают на своей помощи этим лейтенантам, просто на случай, если они попадут в затруднительное положение. Лейтенант видит все это совершенно ясно; он говорит себе: "Я влезаю в долги, кто-нибудь другой заплатит". А наши лейтенанты останутся такими, какие они есть, и никогда не изменятся, пока им больше не перестанут давать в долг; он изменится только тогда, когда люди перестанут быть настолько глупыми, чтобы одалживать деньги каждому лейтенанту, который в этом нуждается".

- И ты думаешь, этот день настанет?

"Это наступит, когда мир перестанет видеть в каждом человеке, носящем военную форму, удивительное создание".

- Значит, этого никогда не будет.

"Я почти верю, что вы правы", - согласился он с ней; а затем, став еще более серьезным, продолжил: "Вы знаете, нашим лейтенантам очень тяжело, потому что, *чтобы* это ни было, в них есть что-то хорошее, но их ужасно балуют и балуют. Офицерам запрещено брать долги точно так же, как им запрещено играть в азартные игры; но никого нисколько не беспокоят эти запреты, которые известны не только самим офицерам, но и всем в Обществе и торговцам. Но точно так же, как в клубе штатскому никогда не придет в голову сказать лейтенанту: "Сэр, я не хочу показаться невежливым, но я знаю, что Его Величество запретил офицерам играть в карты", так и торговцу не придет в голову сказать лейтенанту: "Я не имею права давать вам товары в кредит; я знаю, что вам не разрешается брать долги". Не только лейтенант виноват. Общество и

торговцы, которые не только позволяют ему уклоняться от закона, но и помогают ему делать это довольно легко и даже подталкивают его к этому, в значительной степени ответственны за то, что наши сегодняшние чиновники в том, что касается манер и морали, уже не те, какими они были когда-то, и какими им придется быть снова ". И затем, полусерьезно, полусмеясь, он заключил: "Ты поняла все, о чем я говорил, милая маленькая дурочка?"

- Каждое слово, и вы совершенно правы.

"Я только хотел бы, чтобы другие люди тоже так думали", - сказал он, несколько развеселившись. "но я думаю, что если бы кто-нибудь из "Золотых бабочек" услышал мои замечания, он сказал бы, что я не в своем уме, вызвал бы меня на Суд чести из-за моих крамольных слов, и тогда меня спросили бы: "Если ты так думаешь, почему ты стал офицером?" Я мог только ответить: "Когда человек начинает карьеру, он ничего об этом не знает. На самом деле, он *может* ничего об этом не знать. Знание того, что значит быть офицером, приходит только с годами. "Я прошел свое ученичество. Я путешествовал по миру с довольно широко открытыми глазами и держал ухо востро, и я должен сказать, что если бы я раньше знал, каково это среди наших офицеров, если бы я имел хоть малейшее представление об их поведении, о том, как они влезают в долги, о недовольстве военными делами, горечи и ненависти к властям, о бедности и невзгодах, я бы дважды подумал, прежде чем надевать форму".

- Но почему ты не снимаешь его?

Джордж некоторое время смотрел на клубы дыма, затем спросил ее: "Ты совершенно уверена, мое дорогое дитя, что тебе действительно не наскучила вся эта дискуссия?"

- Вовсе нет, - быстро выкрикнула она. - Я могла бы часами лежать здесь и слушать тебя.

"Очень хорошо, тогда я отвечу на ваш вопрос, над которым я думал долгое время, гораздо дольше, чем кто-либо может поверить. Причина, по которой я до сих пор ношу офицерскую форму, в моем случае короткая и по существу — гордость".

- Гордость! - удивленно переспросила она.

- Вы, конечно, знаете, как со мной обращались в полку. Я никогда не делал из этого ни малейшей тайны. Если бы я сейчас снял свою форму, "Золотые бабочки" достигли бы цели, к которой стремились с самого начала — они избавились бы от меня, они снова были бы среди самих себя; их аристократическое общество снова было бы без единого пятнышка. Я не собираюсь дарить им этот триумф, который означал бы поражение для меня. Я не боец, но у меня есть свои амбиции и благородные чувства, и я намерен посмотреть, смогу ли я занять достойное положение в полку. Как часто я не жажду шанса отличиться тем или иным образом, сделать что-то из ряда вон выходящее - но напрасно. Поэтому я должен попытаться завоевать должность скрупулезным выполнением своих воинских обязанностей, усердием и надежностью. Вы воображаете, что у меня здесь приятная жизнь? Я молод, я богат, и хотя я не расточитель, все же мне хотелось бы наслаждаться своей молодостью немного больше, чем я это делаю. Я хотел бы жить на широкую ногу, держать лошадей, экипажи, прислугу, путешествовать и так далее. Я прекрасно знаю, что мне следует делать, но я просто не смею. Если бы адъютант полка, граф Ветборн, сделал все это, офицеры гордились бы дворянином, который знал, как представить их в таком великолепном виде: все были бы в восторге от того, что у него есть средства к жизни, столь соответствующие его званию. Они восхваляли бы

аристократа; они придирались бы ко мне. Если бы я жил на широкую ногу, ко мне было бы применимо только одно слово — сноб. А со снобом всегда бывает мало работы. Он не нужен в полку, в котором другие офицеры должны жить экономно, но которые на самом деле по уши в долгах. Мое так называемое хвастовство и снобизм были бы отличной причиной для того, чтобы избавиться от меня, а я этого не хочу. Я сам не верю, что моя жизнь в качестве лейтенанта будет долгой; но когда бы я ни ушел, я смогу сказать себе и другим, почему я ухожу. *Я* буду высоко держать голову, но *они* будут покрыты стыдом, если, конечно, они действительно способны испытывать стыд".

Ольга увидела глубокие морщины у него на лбу и заметила его сильное волнение.

"Джордж, - взмолилась она нежным голосом, - иди сюда, позволь мне поцеловать тебя, не злись так из-за этих офицеров".

"Моя дорогая, тебе очень хорошо говорить, а не сердиться! Сегодняшний день, кажется, специально предназначен для раскрытия всего того, о чем до сих пор умалчивалось. Поэтому я могу также сказать вам, что я ужасно страдаю в своем нынешнем окружении, но при этом не сознаю никакой другой вины, кроме принадлежности к среднему классу. Если бы эти аристократические джентльмены действительно были свободны от всех недостатков, если бы они действительно превосходили других в военном деле, если бы офицеры действительно были такими, какими они должны быть, — примером рыцарства и чести; если бы они обладали благородством не только по происхождению, но и по чувствам и склонностям, тогда я бы ни минуты не колебался. Я бы сказал им откровенно и свободно: "Я чувствую, что мое присутствие для вас нежелательно. С современной и просвещенной точки зрения я ни в малейшей степени не понимаю вашу точку зрения, но, несмотря на это, я уважаю вас и больше не буду досаждать вам". Но подумайте, как обстоят дела на самом деле? Конечно, везде есть исключения, почетные исключения, и было бы действительно печально, если бы их не было среди знати. Однако я могу судить только по тому, что видел сам, и я должен сказать, что по своему образу жизни и интересу к своим военным обязанностям самые аристократичные офицеры ни на йоту не превосходят моих *буржуазных* товарищей, на которых они смотрят с таким презрением. А какая защита - это титул! Мир, который в наши дни более или менее демократичен, не должен испытывать удовольствия при виде приговоренного к наказанию аристократа, людям не должно быть доставлено удовольствие говорить: "В конце концов, эти дворяне такие же, как все люди". Во всех отношениях у дворянина есть всевозможные преимущества, не потому, что он *делает* что-то особенно замечательное, а просто потому, что, согласно сказкам старых женщин, он *представляет собой* нечто замечательное. И бороться с этим можно не больше, чем с глупостью. Меня это так бесит, что, несмотря на мою форму, я почти склонен быть социал-демократом. Я все больше и больше вижу, как представитель среднего класса более или менее рассматривается как существо, единственным оправданием существования которого является то, что он образует темный фон, который так ярко и великолепно показывает дворянина".

- Боже милостивый, Джордж, - воскликнула Ольга, совершенно перепуганная, - я не узнаю тебя, когда ты в таком настроении; я никогда раньше не слышала, чтобы ты говорил так горько, мальчик.

Уверяю вас, сейчас я не испытываю горечи. То, что я вам сказал, было сказано не под влиянием момента, а является результатом долгих размышлений и зрелого и острого наблюдения. Но

теперь давай прекратим говорить об этих серьезных вещах. Я просто пойду и отошлю деньги этому благородному Вилльбергу, и тогда, моя дорогая, я полностью в твоём распоряжении".

Он поднялся со своего места, чтобы подойти к письменному столу, но Ольга удержала его. - Окажи мне услугу, Джордж. Ты знаешь, я никогда не просил тебя ни о чём важном, но на этот раз это так. Ты дашь мне это?"

- Конечно, если смогу. Почему бы и нет? Ты мне очень нравишься.

- И я очень люблю тебя; именно поэтому я прошу тебя дать мне слово, что ты сделаешь то, что я хочу.

"Моя дорогая, как я могу так поступить? Нельзя давать слово чести так легко; ты прекрасно знаешь, что я бы сделал для тебя все, если бы мог. Итак, в чём дело?"

Она поднялась со своего полулежачего положения и умоляюще посмотрела на него, её глаза расширились. Она была совершенно бледна от душевного волнения, и голос её дрожал, когда она сказала: "Сделай мне одолжение, не отправляй деньги Уилбергу".

Он посмотрел на неё с крайним изумлением. - Почему бы и нет? Деньги лежат здесь без дела, и даже если бы у меня их не было, я бы легко их достал. Я постоянно предлагал Уилльбергу свою помощь; я, безусловно, должен оказать её ему сейчас. Кроме того, для меня большое удовлетворение, как вы понимаете, что ему снова пришлось обратиться ко мне. Ты же не хочешь испортить мне удовольствие, не так ли?

И он повернулся, чтобы уйти, но Ольга удержала его. "Джордж, отдавай свои деньги кому хочешь, делай с ними — что хочешь - меня это не касается, но ты не должен помогать Уилбергу. Ты понимаешь? Ты не должен ему помогать!"

Она говорила с такой решимостью, что он подошел к ней и схватил за руку; он заметил, как она дрожит, и им овладело чувство нервного возбуждения.

"Ольга, вы о чём-то умалчиваете; у вас должны быть причины, которые вы скрываете от меня, но я настаиваю на том, чтобы знать все. Когда вы просите меня не помогать Уилльбергу и говорите, что я не должен помогать ему, вы также должны назвать мне причину".

Она посмотрела на него с выражением глубокой любви. "Не спрашивай меня, не мучай меня, я не могу тебе сказать".

- А что, если я буду настаивать? Он тоже смертельно побледнел и железной хваткой сжал её руку. — Я настаиваю на том, чтобы знать - ты понимаешь? Вы не должны и наполовину жаловаться, но у вас должно хватить смелости сказать всю правду. Я всегда считал тебя благородным, верным и прямолинейным человеком — не показывай мне, что я совершил ошибку".

Могучий конфликт бушевал внутри неё, когда она стояла рядом с ним; её глаза были опущены, все тело дрожало, её раскачивало и швыряло из стороны в сторону от ужасной душевной борьбы. Затем она подняла глаза и посмотрела на него открыто. - Очень хорошо, тогда ты узнаешь все, но только при одном условии.

- И что же это такое?

- Вы должны дать мне честное слово не говорить Уилбергу ни слова из того, что я собираюсь вам сказать. Нет никаких причин, по которым вы не должны этого делать.

Он с сомнением посмотрел на нее. - Это действительно так?

Затем она посмотрела ему прямо в лицо. "Да, но, несмотря на это, если ты когда—нибудь окажешься в ситуации, когда ты больше не сможешь сдерживать свое обещание, тогда я отпущу тебя через восемь дней - ни больше, ни меньше; до тех пор ты можешь спокойно подумать над тем, что я должна тебе сказать". И через некоторое время она спросила его нерешительным тоном: "Ты действительно настаиваешь, чтобы я рассказала тебе все, когда результатом может стать то, что мы расстанемся и больше никогда не будем друзьями?"

В его голове зародилось мрачное подозрение. - Вы когда-то были в близких отношениях с Уилбергом? - Взволнованно спросил он, но затем, более спокойно, продолжил: - Но я не мог сердиться на тебя за это, потому что ты тогда не могла знать, что мы когда-нибудь встретимся.

Ольга в ярости прикусила губу. - Я знаю это слишком хорошо. Я говорила тебе, что злодей, который предал меня, вскоре после этого покончил с собой. Это было неправдой; он все еще жив, и его зовут Уиллберг".

Джордж отшатнулся, как от удара, затем вскочил и схватил Ольгу за плечи. — Скажи мне, это неправда, этого не может быть.

Она высвободилась из его объятий. - Ну же, Джордж, будь благоразумен; того, что произошло, уже не изменишь.

Он опустил в кресло и закрыл лицо руками. "Какой мерзавец!" - сказал он, скрежеща зубами. "Какой мерзавец!" И внезапно вскочив, он потребовал: "Поклянись своей клятвой — у тебя все еще есть какая-то связь с ним, или он знает, что мы близки?"

- Я совершенно верна тебе, - спокойно ответила она, и по тону ее голоса он понял, что она говорит правду. - С тех пор я видел Уилберга только один раз.

"И когда это было?" - спросил он с большим волнением.

- В тот самый день, когда я впервые встретил тебя. Он прислал мне письмо, в котором сказал, что должен непременно встретиться со мной по делу, которое касается моих собственных интересов. Сначала я не собирался отвечать ему, но когда я снова перечитал письмо, я почувствовал уверенность, что это действительно было дело серьезной важности. Поэтому я назвал ему час, когда я буду дома. И он пришел.

- Продолжайте, - настаивал Джордж, когда она на мгновение замолчала. - Чего хотел от вас этот почтенный джентльмен?

- Он сказал, что совершенно случайно увидел нас вместе однажды вечером и незаметно последовал за нами — у меня не было оснований отрицать свое знакомство с вами; более того, я не мог этого сделать, учитывая то, что он видел, — и он самым умоляющим образом просил

меня не упоминать при вас его имени. Я никогда не собирался этого делать и раньше решил хранить молчание относительно его имени, но, несмотря на это, я сделал вид, что очень удивлен, и спросил, почему он обратился с такой просьбой?"

- И что же он ответил?

- Он сказал, что должен признать, что в ту ночь обошелся со мной не совсем справедливо.

— "Совершенно справедливо" - это великолепно! - усмехнулся Джордж.

"Он знал, что должен был выплатить мне какую-то компенсацию, но тогда он был не в состоянии что-либо для меня сделать. Теперь он предложил мне тысячу марок, отчасти в качестве платы за молчание на будущее.

- Вы взяли деньги? - спросил я.

На его глазах я бросил его в пылающий огонь и порадовался выражению ужаса на его лице. После этого он вернулся к цели своего визита. Он умолял меня не рассказывать вам о случившемся. Он и вы служили в одном полку, я не должен нарушать дружбу, которая существовала между вами. Вероятно, вам показалось бы, что он поступил не совсем правильно (так он сказал), это могло бы привести к ссоре. Это очень неприятно, особенно в гордом и выдающемся полку, который больше, чем все остальные, должен сохранять внешний вид. И, кроме того, вы не могли бы драться на дуэли от моего имени. Короче говоря, я не помню, что еще он сказал; я слушал его, не отвечая ни слова, и чем дольше я молчал, тем более смиренным и жалким он становился, пока, наконец, не предстал перед мной, как школьник, получивший строгий выговор. Он упал на колени, просил у меня прощения и умолял меня хранить молчание; именно тогда я пообещал никогда не упоминать при вас его имени. Сегодня я назвал его имя, но меня вынудили. Это ваша вина, а не моя, потому что я говорил из-за вас. Ты можешь быть уверена, я не хочу рисковать потерять тебя из-за него. Внезапно ее охватила тоска оттого, что сейчас она будет отвратительной и ненавистной в его глазах; она бросилась к нему и упала на колени. "Джордж, скажи мне, что ты все еще любишь меня, что ты не прогонишь меня — это была не моя вина".

Он склонился над ней и поцеловал в лоб.

- Вставай, дорогая, в самом деле, почему я должен на тебя сердиться? Как я могу считать вас ответственным за то, что сделал негодяй, и это не ваша вина, что его фамилия Уиллберг? Но он ответит за то, что сделал".

- Он не должен этого делать, - воскликнула Ольга. - Вы дали мне слово ничего ему не говорить об этом, и вы сдержите его, потому что я не верю, что возникнет какой-либо повод заставить меня освободить вас от вашего обещания.

Он опустился в кресло и мрачно уставился перед собой. Были ли у него хоть малейшие основания для возбуждения дела против Уиллберга? Конечно, он мог бы сказать ему: "Я знаю молодую девушку и осознаю, что вы обошлись с ней как с подлецом". Уилберг никак не мог допустить, чтобы это оскорбление осталось незамеченным; произошла бы, по меньшей мере, ссора, возможно, дуэль и, как следствие, расследование Судом чести. Было бы выброшено много грязи, но какая от этого была бы польза? Уилберга, скорее всего, уволили бы из армии, и что тогда? Какую пользу это принесло бы кому-либо? Конечно, в армии стало бы на одного

бесчестного человека меньше, но кому пришлось бы нести ответственность за последствия этого? Только Джордж, ибо ему никогда не будет прощения за то, что он поступил так жестоко по отношению к любимцу полка. Вильберг после увольнения все равно найдет достаточно верных друзей, которые помогут ему. Он не будет слишком страдать из-за того, что больше не будет носить офицерскую форму. Нет, Джордж не мог ничего предпринять против него, у него не было против него дела; он был вынужден признаться самому себе, что лично Вильберг не причинил ему никакого вреда, и если бы он вступился за честь Ольги, город и мир покачали бы головами, а полковник совершенно ясно дал бы ему понять, что мужчины не дерутся на дуэли из-за такой молодой женщины, как Ольга. Она, безусловно, была превосходной, достойной молодой женщиной, под началом у нее была талантливая актриса, но все же— В воображении Джордж слышал их замечания, и он сжимал кулаки в ярости. Затем ему в голову пришла другая мысль. Что сказали бы его родители, что сказала бы Хильдегарда, когда они узнали, что он дрался на дуэли ради своей любовницы? Они не должны вообще ничего знать об этом деле.

Почти пять минут Джордж сидел, глубоко погружившись в раздумья, и Ольга с тревогой наблюдала за выражением его лица: на карту были поставлены ее репутация, ее карьера. О том, что произошло между ней и Уилльбергом, знали только они сами и Джордж; она никому об этом не рассказывала; она никогда не упоминала имени своего предателя. Если Джордж сочтет, что это дело не должно касаться его лично и что он должен сообщить об этом Суду Чести, тогда она будет вынуждена освободить его от данного обещания, и через несколько дней весь город узнает о том, что до сегодняшнего дня оставалось тайной. Она не смогла бы остаться в Берлине; она чувствовала, что никогда больше не сможет предстать перед аудиторией, которая знала, как с ней обошлись.

- Ну что, Джордж, - сказала она наконец, - ты уже решил, что будешь делать?

"Да, - твердо ответил он, - этот негодяй заслуживает того, чтобы его ударили по лицу, но я этого не сделаю; я никому не скажу ни слова из того, что вы мне рассказали, даже ему, как бы трудно мне это ни было. Но я обязан действовать таким образом на свой счет, потому что я слишком забочусь о вас, чтобы предоставить вам для общественного обсуждения, публичных пересудов, и, вероятно, к всеобщему condemnation, для мира, должно быть неожиданно изменена, если несмотря ни на что он не держит тебя в этом винить. Но, как я только что сказал, я этого делать не буду, и на этом дело кончено".

Она прильнула к нему и обняла за шею.

- Спасибо тебе, Джордж.

Он подвел ее к *шезлонгу* и сел рядом. - Боже милостивый, какая грязь! Есть только одна вещь, которую я хотел бы знать. Вы случайно не помните тот день — я имею в виду дату, — когда это ... это существо пришло к вам и умоляло хранить молчание?

"Как я могла этого не помнить?" - поддразнила она, пытаясь вернуть ему более счастливое расположение духа. "Разве ты не знаешь, я только что сказала тебе, что это было на следующий день после нашей первой встречи. Конечно, Джордж, ты не забыл об этом!"

Он нахмурил брови. - Не сердись, Ольга, но у меня сейчас в голове такой сумбур, что я просто ничего не могу вспомнить.

Она сняла с пальца бриллиантовое кольцо, которое он подарил ей в память об их первой встрече, на котором была выгравирована дата. Затем протянула ему.

"Да, конечно, как я мог забыть об этом!" Он внезапно задумался, а затем, вздрогнув, вскочил.

- Что теперь случилось? - испуганно спросила она.

"Ничего, ничего, - заверил он ее. - Я просто вспомнил, что, когда Уилберг впервые пришел ко мне занять денег, он, должно быть, знал о наших отношениях. Он видел тебя, и все же у него хватило наглости прийти ко мне. Теперь мне все ясно; теперь я понимаю, почему он так настойчиво умолял меня никому не говорить ни слова; он боялся, что, возможно, я расскажу вам, и тогда всплывет, как он с вами обошелся. Конечно, так оно и было!"

Он расхаживал взад и вперед по комнате, занятый своими мыслями.

"Джордж, - взмолилась Ольга, - сделай одолжение, напиши несколько слов Уилльбергу. Скажи ему, что не можешь отдать ему деньги, а потом забудь эту отвратительную историю".

Джордж стоял неподвижно. - Вы правы; Уилберг ждет новостей. Я совсем забыл об этом, и формы вежливости должны быть сохранены, как бы трудно это ни было".

Он написал несколько строк, в которых сожалел, что в данный момент не может предоставить желаемые деньги в распоряжение своего друга, а затем послал своего слугу с запиской.

"Меня беспокоит одно, - сказал Джордж. - Я не уверен, хватит ли у меня самообладания и силы духа, чтобы завтра спокойно встретиться с Уилльбергом и вести себя так, как будто я не знал о его постыдном поведении".

- Неужели ты не можешь держаться от него подальше? Он в другой роте, я знаю, и разве он не в другом батальоне?

- Это так, но, конечно, я встречаюсь с ним в столовой, и даже если я не встречу с ним завтра, мне придется это сделать на следующий день, потому что мы не можем отсутствовать на обеде более двух дней без уважительной причины. Боюсь, что к тому времени моя кровь может недостаточно остыть.

Ольга на мгновение задумалась, потом спросила: "Ты не можешь получить отпуск? Мне, конечно, было бы очень жаль не увидеть вас неделю или две, но отпуск пошел бы вам на пользу; вы бы получили удовольствие и изменили свои мысли. Я думаю, ты мог бы легко получить отпуск.

"Это так, - согласился он, - сейчас не так много работы, и они не могли отказать мне в отпуске, но куда мне пойти? Домой? Я не хочу сейчас видеть своих отца и мать. Я не мог быть беззаботным и веселым, и они заметили бы, что меня что-то угнетает; мой приход расстроил бы их, вместо того чтобы порадовать".

- Я знаю, - вдруг воскликнула Ольга. - Ты только что сказал, что хотел бы наслаждаться жизнью. Поезжай на две недели в Париж, в Монте-Карло или куда-нибудь еще, где восхитительно, и когда ты увидишь красивых женщин, передай им мой привет и скажи, чтобы они были добры к

тебе; я не буду ревновать". А затем с плутоватым смешком она добавила: "Ты же знаешь, что не останешься мне верен".

- Я так и сделаю, - твердо сказал он.

"Нет, нет", - ответила она со смехом. "Держу пари на что угодно, что ты этого не сделаешь".

- Но у меня не будет ни малейшего шанса изменить тебе.

Она удивленно посмотрела на него. - Что вы имеете в виду? По какой причине?

— По самой простой из всех причин - ты пойдешь со мной.

- Джордж! Смеясь и плача от радости, она обвила руками его шею. - Ты возьмешь меня с собой? Я увижу Париж или какой-нибудь другой красивый город? Джордж, ты действительно слишком хорош и добр", - и она целовала его снова и снова. Внезапно она остановилась.

- Что с тобой такое? - спросил я.

- Я не могу пойти с тобой.

- Почему бы и нет?

- Вы не сможете сказать, что я убедил вас взять отпуск ради моей же выгоды; кроме того, я не знаю, смогу ли получить разрешение поехать.

"Первая причина абсурдна", - сказал он. "Я не уверен, что вам доставит удовольствие поехать со мной, но вы доставляете мне огромное счастье своим обществом. Нет ничего более неприятного, по крайней мере для меня, чем путешествовать в одиночестве, сидеть в карете в одиночестве, обедать в одиночестве, бродить по музеям и галереям в одиночестве, и не иметь никого, с кем можно было бы все обсудить. С получением разрешения не возникнет никаких трудностей; просто сейчас вы не очень заняты в театре".

— Да, но... *устав* может быть изменен в любой день.

- Дорогое дитя, - заверил он ее, - твой директор не грубиян. Завтра попросите его предоставить вам отпуск, и, если у него возникнут какие-либо трудности, скажите ему, что вы готовы выплатить компенсацию в размере двух-трех тысяч марок, если он освободит вас от двухнедельного дежурства. Уверяю вас, он предоставит вам отпуск на столько, сколько вы захотите".

Она схватила его руку и с благодарностью поцеловала. - Какой вы дорогой и добрый. Вы хотите сказать, что заплатите столько денег, чтобы освободить меня от помолвки? Но я могу сказать вам, что сначала я предложу пятьсот марок, потом еще пятьсот и так далее, но ни при каких обстоятельствах я не дам больше двух тысяч".

Он весело рассмеялся. - В этом отношении вы можете поступать как вам угодно. Я немедленно отдам вам деньги. Все, что у тебя есть, конечно, принадлежит тебе.

Она радостно хлопала в ладоши. - Я куплю на них очень элегантный дорожный костюм.

"Не делай этого, дорогая", - попросил он. "Все, что тебе нужно из платьев, я куплю тебе в Париже. За все время, что я был лейтенантом, я ни разу не потратил и половины своего денежного довольствия, и поэтому оно продолжало накапливаться. Теперь я могу потратить крупную сумму денег без каких-либо угрызений совести".

- Мы действительно поедem в Париж? - спросила она с сияющими глазами.

- Если все пойдет хорошо, завтра вечером. Мы возьмем с собой моего человека. Я могу полностью положиться на его молчание. Ты сядешь на Северном вокзале, я - на Южном. Я внимательно осмотрю поезд, чтобы узнать, есть ли в нем кто-нибудь из моих знакомых, и закажу для нас вагон, чтобы мы могли путешествовать в торжественной обстановке. И если кто-нибудь потом увидит нас вместе, какое это имеет значение? И, кроме того, кто знает нас в Париже?"

- Вы когда-нибудь бывали там?

- Да.

Он начал рассказывать о красотах и очаровании Парижа, и, нежно прижимаясь к нему, она слушала его описания наслаждений, которыми ей предстояло насладиться вместе с ним.

ГЛАВА VII

Аристократический дом

Отец Хильдегарды собирался отпраздновать свое шестидесятилетие, и старый майор выразил желание увидеть в этот день двух своих детей. Фриц, естественно, воспользовался этим поводом для веселья как предлогом попросить Уорноу одолжить ему приличную сумму на дорожные расходы; конечно, он должен был путешествовать первым классом и взять с собой своего слугу, кроме того, он действительно должен был сделать старому джентльмену хороший подарок на день рождения. Итак, капитан фон Варнов еще раз дал ему банкноту в 50 фунтов стерлингов. Вслед за этим Фриц, естественно, попытал счастья в картах и имел позор, как он сам это называл, выиграть пару сотен фунтов у владельца поместья по соседству; такое случалось с ним не часто; он сиял от радости и впервые за много дней снова обнаружил, что жизнь все еще сносна.

Хильдегарда сначала не хотела отправляться в это путешествие, она была обижена письмом отца, в котором он писал: "Мое дорогое дитя, я, конечно, был бы безмерно рад видеть тебя, но мои личные желания не должны приниматься во внимание, если на карту поставлено что-то важное. Если ты не можешь прийти или считаешь неразумным уезжать сейчас на несколько дней, тогда оставайся на месте и куй железо, пока горячо".

Она не хотела ехать, потому что точно предвидела, что произойдет дома, но тетя уговорила ее отправиться в путешествие. Говорили, что Винклер был в отпуске в Монте-Карло и на Ривьере и собирался вернуться только через неделю. До этого не было никаких больших развлечений, и в любом случае, если бы Винклер был в отъезде, не было бы смысла ходить на них, это

только означало бы ненужные расходы на новые платья. У нее не было ни малейшего желания выбрасывать свои деньги на мужчин, у которых не было серьезных намерений в отношении ее племянницы. Была и еще одна причина, по которой фрау фон Варнов уговаривала Хильдегарду уехать; она хотела снова побыть наедине со своим мужем и иметь возможность заняться чем-то другим в течение недели, кроме беспокойства по поводу своей помолвки. Она была благодарна, что Джордж и Хильдегарда уедут в одно и то же время. Через неделю они оба вернутся, и оставалось надеяться, что дело вскоре будет доведено до счастливого завершения. Она была совершенно удовлетворена тем, что лейтенант Винклер глубоко заинтересовался Хильдегардой. Когда Джордж объявил ее мужу о своем отпуске, он самым искренним образом попросил свою жену и Хильдегарду помнить о нем. С военной точки зрения это было совершенно неправильно, и именно из-за этого фрау фон Варнов сочла это хорошим знаком.

Итак, Хильдегард отправилась домой. Она поехала утренним поездом, и родители встретили ее на вокзале. Фрица ожидали меньше чем через час, и поэтому они остались на вокзале. Они зашли в ресторан перекусить, потому что Хильдегард устала и проголодалась после долгого и утомительного путешествия по железнодорожной ветке.

К ним поспешил официант, и сам хозяин вышел вперед, чтобы выполнить их заказы. Майор как офицер, и особенно как барон, был одним из влиятельных людей города; он действительно был там единственным настоящим бароном, хотя было несколько более или менее старых "вонов", и таким образом он играл важную роль в маленьком городке, хотя его финансовое положение было хорошо известно.

Майор принадлежал к типу отставных военных: среднего роста, хорошо сложенный, с несколько красным лицом и огромными усами. Его жена все еще была чрезвычайно привлекательной женщиной, и было видно, что в молодости она, должно быть, была действительно красива.

Они болтали о безразличных вещах, пока не подали обед, но Хильдегард слишком ясно заметила, с каким нетерпением ее родителям хотелось услышать что-нибудь о ее предполагаемой помолвке; она пыталась избежать разговора на эту тему, но безуспешно. Едва официант принес заказ и получил приказ не возвращаться, пока его не вызовут, как они оба придвинули свои стулья поближе к Хильдегарде. - А теперь, дорогое дитя, расскажи нам все об этом. Избавь нас от большого беспокойства. Как у тебя обстоят дела?

Хильдегард парировала этот вопрос; что она могла сказать на самом деле? Конечно, было очень вероятно, что Джордж, когда узнает ее получше, однажды попросит ее руки, и это было единственное, что она могла сказать. Но она прочла на лицах своих родителей такой страх и в то же время такую надежду, что у нее не хватило духу лишить их радости. Внезапно она придумала выход из затруднительного положения. Она кратко упомянула Джорджа, а затем подробно рассказала о другом очень богатом мужчине, который в последнее время уделял ей огромное внимание.

- Но, дорогое дитя, твоя тетя никогда ни словом не обмолвилась мне об этом, и она всегда держит меня в курсе того, кто является главным поклонником этого часа.

"О, вот что она делает", - подумала Хильдегарда. Потом она сказала: "Мама, я не хочу, чтобы ты писала тете об этом; как ни странно, она не заметила внимания этого джентльмена ко мне, и я

ничего ей об этом не говорила. Ты же знаешь, что такое тетя; она хочет сделать для меня все возможное, и в своих попытках помочь мне, возможно, заходит слишком далеко и все портит.

- А как его зовут? Кто он? - спросила ее мать.

Хильдегарда густо покраснела. "Пожалуйста, не спрашивай меня; я не хочу говорить об этом, пока все еще так неопределенно".

- Совершенно верно, дитя мое, - похвалил майор, - не следует говорить о вещах, пока они не улажены. - И, повернувшись к жене, он продолжил: - Не дави больше на Хильдегарду. Если она не хочет говорить об этом, можете быть уверены, у нее есть веские причины. Затем он пожал руку дочери. "Спасибо тебе, дорогая Хильда, что в честь этого дня ты доставляешь мне *это удовольствие*; два праздника вместо одного. Ах, вероятно, скоро все уладится"; а затем он добавил с глубоким вздохом: "Но, поверь мне, Хильда, давно пора, я не мог долго продержаться".

Ее мать тоже вздохнула и мягко сказала:

"Хильда, ты даже не представляешь, через какие ужасные времена мы прошли, пока ты была в Берлине. Только подумай об этом, муниципальные власти собирались выдать ордер на взыскание налогов, и твоему отцу пришлось напрячь все нервы, чтобы добиться отсрочки.

"Да, действительно, это была тяжелая работа, должен вам сказать, и если бы я не смог воспользоваться своим хорошо известным именем, видит Бог, этот парень отнял бы у меня последнюю мебель; у этих людей нет милосердия".

- По крайней мере, для простых людей, - вмешалась Хильдегард.

- И они совершенно правы, - подтвердил майор. - Государство не может жить без налогов, и если бы оно взяло под свою защиту каждого рабочего и мещанина, который не справляется со своими налогами, к чему бы это привело? Скоро у нас иссякнут деньги на солдат, пенсии и другие важные вещи. Государство должно быть беспощадным, и если оно делает исключение в нашем случае, то делает это потому, что прекрасно знает, что может это сделать; аристократ всегда выполняет свой долг по отношению к государству и своим ближним".

Хильдегард не осмелилась возразить, она действительно не могла этого сделать, не обвинив своего отца во лжи.

Майор допил пиво. - Что за отвратительный напиток на обед, от него становится тяжело и портится аппетит. Что ты скажешь, если мы отметим эту встречу полбутылкой шампанского? У его жены не было никакого желания этого делать. Она боялась расходов, но, с другой стороны, знала, что возражать ему бесполезно, и, возможно, действительно, это помогло бы немного повысить их кредит, если бы владелец ресторана сказал, что они выпили шампанского и заплатили за него наличными. Поэтому она согласилась. "Да, конечно, но, пожалуйста, пусть это будет французское шампанское".

- Конечно, - сказал майор. - Неужели вы думаете, что я отпраздную радостную новость, которую принесла нам Хильда, жалким пенным немецким шампанским? - и он подозвал официанта.

Устами Хильдегарды вертелись слова: "Пожалейте свои деньги; у вас нет повода радоваться тому, что я вам только что рассказала, это была чистая выдумка". Но она молчала. Зачем ей волновать своих родителей? Возможно, так или иначе произойдет чудо, и в конце концов все наладится.

- Нет, принесите целую бутылку "Поммери", - поправил майор. - скоро приедет мой сын, ему тоже захочется пить, и начинать с половины бутылки не стоит.

Принесли вино, бокалы зазвенели, и Хильдегарду попросили еще раз рассказать ей новости. "Не здесь, - взмолилась она. - нет более неудобного места для проживания, чем комната ожидания, особенно в маленьком провинциальном городке".

"Все фантазии, мое дорогое дитя, все фантазии", - сообщил ей отец. "Когда я был молодым лейтенантом, меня однажды разместили в жалкой дыре, которую сатана, если захочет, может полностью уничтожить; наконец была построена станция, и день за днем мы прогуливались там и чувствовали себя так весело и уютно в жалкой маленькой комнате ожидания, как никогда раньше. Если бы у нас не было этой станции и мы не могли посещать ее ежедневно, я действительно верю, что мы не смогли бы долго выносить такую жизнь; мы бы сошли с ума. Когда мы выполнили свой ежедневный воинский долг, дневная работа для нас была закончена, оставалось решить только один вопрос: когда и как мы будем ложиться спать? Должны ли мы пойти рано и трезвыми, или поздно и пьяными? Теперь у нас была более высокая цель в жизни; мы должны были пойти и посмотреть на прибытие и отправление поездов, и мы делали это так же добросовестно, как выполняли другие свои обязанности. Вы не можете себе представить радость, когда один из нас случайно обнаружил в поезде знакомого; нравилось ему это или нет, его вытаскивали из вагона, и если мы не могли сделать это иначе, мы применяли силу. И как только мы захватили гостя с большим мастерством и хитростью, мы не отпустили его так легко, я могу вас заверить. Он был в определенной степени помещен под надзор военных, чтобы он не мог сбежать. У нашего посетителя была полная свобода; он мог делать все, что ему заблагорассудится, только он не должен был идти на станцию. Когда, наконец, ему действительно пришлось уйти, и когда он самым безошибочным образом показал нам, что действительно не может больше оставаться в стороне, мы отпустили его, только заплатив огромную пошлину. На! на! Мы были всего лишь разбойниками с большой дороги, но, боже милостивый, что, черт возьми, можно было делать в такой унылой дыре?"

Майор любил рассказывать истории о своей жизни в маленьком гарнизонном городке, где ему, по-видимому, было очень весело, несмотря на его ворчание и ругань. Когда он рассказывал о тех днях, когда был молодым лейтенантом, он почти всегда начинал свое описание словами: "В те дни мы были веселыми собаками", а затем понимающе подмигивал и причмокивал губами, вспоминая веселые дни, когда вино, женщины и игра в кости играли главную роль. Вероятно, воспоминание о его жизни в маленьком гарнизонном городке было таким восхитительным потому, что в определенной степени это был всего лишь эпизод. Сразу после женитьбы его перевели в Берлин, и он занял там хорошее положение, потому что был очень добродушным человеком и отличным офицером; его жена считалась *красавицей* Общества. Ему пророчили блестящую карьеру, но однажды все его перспективы были разрушены из-за несправедливой критики на инспекционном параде. Презрительный тон, которым генерал в присутствии всех

офицеров критиковал то, как он выполнял свою работу, заставил его кровь вскипеть, и он настолько потерял самообладание, что сказал генералу, что, в конце концов, он всего лишь такой же человек, как и он сам, и что он не может признать справедливость его замечаний. Это было нечто большее, чем неподчинение, и майор мог считать себя счастливым, что отделался увольнением, а не наказанием. Он уволился из армии, но чуть позже был уволен и генерал; его методы критики также не были одобрены в высших кругах.

Когда майор начал рассказывать о тех днях, когда он был лейтенантом, он переходил от одной истории к другой, и хотя его женщины слышали их все снова и снова, они внимательно слушали его из чувства привязанности; потому что ему ничего не оставалось, как рассказывать эти истории о веселых или утомительных временах, которые он пережил в качестве офицера. Если, как сейчас, у него под боком было немного шампанского, все в прошлом окружал золотой ореол; когда он сидел дома со своими денежными заботами, у него не находилось доброго слова для всей армии.

Наконец был подан сигнал поезду, который должен был привезти Фрица.

Майор заглянул в бутылку, она была пуста; он повернулся к официанту, чтобы заказать еще одну, но тут вмешались его женщины. "Пойдем домой, когда придет Фриц, там гораздо приятнее; кроме того, нам нужно переодеться к обеду".

Поворчав, майор согласился. "Очень хорошо, тогда я должен заплатить". Он заглянул в свой кошелек. - Боже милостивый, я забыла положить пятифунтовую банкноту. У меня с собой недостаточно денег.

"О, это не имеет значения, сэр, - заверил официант. - джентльмен может заплатить, когда придет в следующий раз".

Хильдегарда покраснела, она была готова рухнуть на землю от стыда; она так хорошо знала этот трюк, что не раз была свидетельницей, как ее отец забывал пятифунтовую банкноту, которой, как правило, у него никогда не было. Как она могла забыть об этом на мгновение? Никогда, никогда ее отец не останется в долгу за ужин, в котором она участвовала. Поэтому она открыла сумочку. - У меня есть немного мелочи, отец. Сколько ты хочешь? И, не дожидаясь ответа, она протянула официанту две золотые монеты.

- Ах, верно, Хильда, только не забудь напомнить мне вернуть тебе деньги, как только мы вернемся домой.

Официант собирался дать ей немного сдачи, но Хильдегард не взяла ее. "Все в порядке, оставь сдачу себе".

Они встали и вышли на платформу. - Хильда, как ты могла быть такой глупой, чтобы платить, - пожурил ее майор. - завтра весь город узнает, что ты вернулась с деньгами, и в честь моего дня рождения люди подадут на меня в суд за свои счета. Нужно либо заплатить все, либо ничего. Я не могу сделать первое, поэтому я все тщательно записал, а позже я рассчитаюсь со всем сразу".

Хильдегарду разозлил такой взгляд на вещи. - Что ты об этом думаешь, мама? - спросила я.

Баронесса пожала плечами. "Я бы предпочла заплатить за все наличными, но поскольку мы не можем этого сделать, мы должны избрать другой метод. Но люди очень хорошо знают, что они получают свои деньги". И, отведя Хильдегарду в сторону, она спросила шепотом: "Скажи мне, пожалуйста, — я охвачена тревогой и удивляюсь, что твой отец до сих пор не спросил тебя, — что прислали Уорноу в подарок на день рождения?"

"Дядя прислал от меня чек на шесть тысяч марок (300 фунтов стерлингов) в местное отделение Имперского банка".

- Не более того?

"О, мама!"

Хильдегарда не могла вымолвить ни слова. Она сама была более чем унижена добротой своего дяди. Она подсчитала, сколько он потратил за эти годы на ее родителей, Фрица и на нее саму. Это правда, что он был очень богат, и, несмотря на свой великолепный образ жизни и все, что он раздавал, он не соответствовал своему доходу; но его доброта так сильно пристыдила и тронула ее, что она давным-давно отказалась принимать от него какие-либо деньги.

Ее мать, погруженная в свои мысли, ходила взад и вперед с Хильдегардой, в то время как ее отец спрашивал начальника станции, почему ворота еще не открыты.

"Теперь, - сказала она, - боюсь, твой отец будет несколько разочарован. Я знаю, что втайне он рассчитывал на десять тысяч (500 фунтов стерлингов). Шесть тысяч (300 фунтов стерлингов) - это, конечно, большие деньги. Никто не должен ничего об этом знать, иначе люди сразу попытаются вытянуть это из нас".

Прибытие поезда положило конец разговору, и Фриц поспешил к своим родителям и сестре и сердечно поприветствовал их. Он был в безупречном гражданском костюме, который выдавал офицера во всех деталях.

- Как поживаешь, мама? Как поживаешь, папа? Как поживаешь, Хильда? Как здорово, что мы все здесь снова вместе! Следующие несколько дней мы отпразднуем как следует. Он огляделся в поисках своего слуги. - Где этот идиот? - Честное слово, эти ребята с каждым днем становятся все более идиотскими. А, вот и он.

Появился слуга в простой синей ливрее, и Фриц вручил ему багажную квитанцию.

- Если ты, толстокожее животное, воображаешь, что я беру тебя с собой для твоего личного удовольствия, то ты совершил ошибку. Ты здесь ради меня, ты понимаешь? И если ты будешь бездельничать здесь и не будешь выполнять свой чертов долг, я прикажу запереть тебя в казарме на несколько дней и уволю. Ты понял? А теперь смотри в оба и клади багаж в карету.

- К вашим услугам, сэр. Слуга поспешил выполнить его приказание.

Хильдегарда заметила, как покраснел солдат, когда его лейтенант так пренебрежительно отозвался о нем в присутствии дам и других путешественников. Она сказала своему брату: "Не будь таким неприятным со своим слугой. Вероятно, он с нетерпением ждал праздника. Не порть ему удовольствие".

"Для меня не имеет значения, получает ли парень удовольствие от жизни или нет. Важно, чтобы обо мне должным образом заботились, и, более того, я должен вежливо, но настойчиво просить вас не давать мне указаний относительно того, как я должен обращаться со своими людьми. Не вмешивайся в то, что тебя не касается. Лучше расскажи мне, как у тебя обстоят дела. Скоро ли мы тебя поздравим, а?"

Тем временем они заняли свои места в экипаже. Багаж был внесен, слуга взобрался на козлы, и через минуту карета рысью покатила к вилле, где жил майор.

Хильдегарда не ответила, и Фрицу пришлось повторить свой вопрос; но во взгляде матери он прочел, что не стоит больше давить на сестру, что все идет хорошо, и он вздохнул с облегчением.

После короткой поездки они добрались до своего дома, а чуть позже присоединились друг к другу за ужином. Майор сиял от удовольствия, что двое его детей снова с ним, и в честь этого дня и в качестве подготовки к завтрашнему дню у них были лучшие вина и самая вкусная еда. После ужина они долго сидели за кофе и сигарами. Брату и сестре пришлось рассказать все, что с ними произошло, первому в его маленьком провинциальном гарнизоне, второй в Берлине.

Хотя майор нежно любил свою красавицу дочь, Фриц, безусловно, был его любимцем; все, что он делал, было правильным, все, что он говорил, - замечательным.

Хильдегарда, напротив, находила своего брата, которого она некоторое время не видела, еще более невыносимым, чем когда-либо. Он был удивительно горд и тщеславен — типичный молодой офицер, у которого ничего нет, который и есть ничто, и все же исключительно благодаря своей форме воображает себя высшим существом. Его внешность была такой же наигранной, как и его поведение: гордо торчащие вощенные усы, монокль, который он ни на минуту не снимал с глаза, и современная гражданская одежда. Он действительно был довольно приятен на вид, его фигура была стройной и элегантной, а лицо свежим, открытым, хотя и несколько неинтеллигентным и невыразительным, и на нем был наигранно скупающий вид.

Конечно, он не говорил ни о чем, кроме своих лошадей, своих обязанностей, своих товарищей, и это так наскучило Хильдегарде, что она встала под предлогом того, что хочет немного отдохнуть. Ее мать тоже встала после того, как договорилась с дочерью нанести несколько визитов во второй половине дня.

Как только отец и сын остались наедине, раздался вопрос: "Что ты скажешь, если мы выпьем еще бутылку вина?"

- Я вполне согласен.

Принесли вино, и некоторое время они продолжали свой прежний разговор, потом заговорили о Хильдегарде.

"В самом деле, как хороша девушка до сих пор!" - сказал Фриц. "И ты думаешь, на этот раз все получится?"

Сегодня майор видел все в розовых тонах. - Да, совершенно верно. У Хильдегарды на картах двое; один в любом случае подойдет к скретчу.

Фриц громко застонал. - Дай Бог!

"Да, да помогут нам небеса!" - согласился его отец, затем продолжил: "Что ж, теперь, когда мы ясно видим перед собой избавление, тебе больше не нужно скрывать от меня никаких секретов, тем более что ты прекрасно знаешь, что я не могу оплатить твои долги. Я сказал вам это сразу же, как только вы стали офицером. Я сказал тебе тогда: "Имей столько долгов, сколько захочешь, но смотри сам, как их выплатишь". Теперь признайся, сколько ты должен?"

Фриц на мгновение смутился. - Ты действительно хочешь знать?

- Почему бы и нет? Поскольку я не собираюсь им платить, вы можете быть совершенно уверены, что я не стану вас упрекать.

Фриц прикусил еще одну сигару. - Если считать все, от начала до конца, то это, должно быть, около сорока тысяч марок.

- И как долго вы служите лейтенантом?

- Семь лет.

"Тогда это будет примерно шесть тысяч в год; это нельзя назвать маленькой суммой".

Фриц пожал плечами. - Что же делать? Жизнь офицера стоит дорого, и потом, человек рождается на свет не только для того, чтобы выполнять свои военные обязанности. На то пособие, которое вы мне даете, не обойтись".

"Другой, возможно, смог бы — ты не можешь".

"Я не думаю, что кто-то другой, по крайней мере, никто в моем полку, смог бы; они все в долгах, кто-то больше, кто-то меньше. Я бы сказал, что на 75 процентов. из всех лейтенантов время от времени они признаются своим родителям, затем выплачивается пара тысяч или около того - естественно, каждый раз они говорят, что это самая последняя, — и сын снова на ногах. Теперь, если один из них умножит на семь сумму, которую другие ежегодно выплачивают в виде долгов, получится довольно большая сумма денег. Со мной дело обстоит несколько сложнее, потому что я никогда не платил ни фартинга, а когда человек находится в таком бедственном положении, как я, естественно, приходится платить очень высокие проценты. В прошлый раз, несмотря на большое мастерство и хитрость, я получил тысячу марок, когда выписал расписку на три тысячи".

- И все же это уже кое-что, - засмеялся его отец.

Фриц невольно присоединился к всеобщему смеху, затем снова стал серьезным и спросил: "Как у тебя дела, отец?"

Майор с минуту яростно курил. - Не спрашивай меня, сын мой, у меня действительно все очень плохо.

Пожилой джентльмен выглядел таким полным отчаяния, что Фриц почувствовал искреннее сочувствие: "Бедный отец, скоро все снова наладится".

- Возможно, и так; но поверите ли вы, что, несмотря на то, что я не человек предрассудков, мне невыносима мысль о том, чтобы принимать деньги от моего зятя не только для уплаты моих долгов, но и для того, чтобы существовать?

Фриц удивленно посмотрел на него. - Я не могу этого понять.

- Это потому, что ты молодой лейтенант, неженатый, и тебе не о ком заботиться, кроме себя. Но подумай обо мне, я шестидесятилетний старик. Вот уже более десяти лет я на пенсии; в восемь лет я поступил кадетом в армию. Поэтому я ношу солдатскую форму более сорока лет, и все это время я упражнялся и муштровал новобранцев, выполнял свой долг на параде, принимал участие в трех кампаниях. И каков результат всего этого? Быть уволенным с пенсией, на которую человек не может прожить, если у него есть жена и ребенок. Получать пенсию в четыре тысячи марок. Я спрашиваю вас, что такое четыре тысячи марок сегодня? Теперь, как говорят, дела идут лучше, пенсии должны быть увеличены — ну, скажем, прибавка составит тысячу пятьсот марок — это ни в коем случае не будет больше, вероятно, не так уж и много. Что же тогда? Даже шести тысяч марок недостаточно, чтобы покрыть домашние расходы семьи, не так ли? Возможно, в маленьком городке, если жить крайне скромно. Но разве человек состарился, разве он износил свои кости за годы мира и войны для того, чтобы в старости терпеть одно лишение за другим только для того, чтобы продлить жизнь? Есть старая поговорка, что сладости в молодости - плохая закуска к черному хлебу в старости. А мы, офицеры на пенсии, в молодости не пробовали ничего, кроме сладостей. Конечно, были заметные исключения, которые обходились своими средствами, были экономными и трезвыми, но большинство жили беззаботно и наслаждались всеми удовольствиями, которые им предлагались. И каким положением человек пользовался тогда, как *егочествовали*! От одной семьи к другой, от одного обеда к другому. Они всегда давали нам все самое лучшее, осыпали нас вниманием, буквально просили о нашей благосклонности. И как хорошо и роскошно мы жили в Казино. Мы заказывали то, что хотели, и если у нас не было денег, мы влезали в долги. Затем после этой юности, полной развлечений и веселья, наступает печальная старость, в которой человеку совершенно нечего делать, хотя это и не самая худшая ее часть. Две вещи делают старость невыносимой: денежные заботы и положение, до которого мы низведены. Кто мы такие в наши дни? Просто ничтожества! Самый глупый молодой лейтенант играет гораздо более важную роль, чем мы. Мы находимся в полку, на нас не обращают внимания; на нас смотрят либо как на смешные фигуры, либо, во всяком случае, как на объекты жалости. И вот после того, как мы годами выполняли свой долг, мы можем удалиться в какую-нибудь жалкую маленькую дыру, где нам будет смертельно скучно или мы умрем с голоду. Ибо ты не можешь себе представить, мой мальчик, как здесь живут вышедшие на пенсию офицеры и их семьи, и, конечно, это одно и то же в каждом *пенсиополисе*. Раздаются стоны и скрежет зубов, о которых никто, кроме посвященных, не имеет ни малейшего представления. Как мало из них когда-либо имеют возможность заработать несколько пенсов? Люди склонны избегать вышедшего на пенсию офицера, и не совсем безосновательно, и когда он все-таки попытается получить должность, сколько он сможет заработать в качестве агента или разносчика вина? Это жалкая жизнь, собачья жизнь. Налей мне еще вина, мой мальчик, передай мне великолепное вино; мы должны позолотить серый день, прославить его вином".

Отец и сын чокнулись и осушили бокалы одним глотком. Затем Фриц сказал:

- Возможно, ты совершенно прав в том, что говоришь, отец, но как все можно изменить? Так было всегда, и я полагаю, так всегда и будет".

- Да, до тех пор, пока офицер играет в обществе ту важную роль, которую он играет сегодня.

Фриц удивленно поднял голову.

- Значит, вы, как офицер, хотите, чтобы было иначе?

- Во многих отношениях, конечно. Поймите меня правильно. Я далек от того, чтобы желать понижения должности офицера. По моему мнению, он должен оставаться в глазах общественности тем, кем он является сегодня, — человеком, принадлежащим к высшему классу общества. Это необходимо, если мы хотим поддерживать нашу армию в наивысшей боеспособности, какой она остается до сих пор, хотя в течение длительного времени все было не так, как должно быть — как это должно быть и как это могло бы быть; но эти вечные проверки, страх увольнения и борьба просто за существование больше не позволяют проводить тщательную военную подготовку наших войск. Однако это уже совсем другая история." Обращаясь к своему сыну: "Налей мне еще бокал вина, от этих длинных речей меня мучает жажда, но я должен раз и навсегда избавиться от того, что у меня на уме".

Затем, одним глотком допив содержимое своего бокала, он продолжил:

- Ну что ж, мой мальчик, мужчины-аристократы действительно должны составлять высшую касту в стране, но для этого они должны быть гораздо более исключительными, чем сегодня. Люди всегда говорят о кастовом чувстве офицеров, и это торжественно подчеркивается, когда речь заходит об исключении нежелательных элементов из офицерского корпуса, или когда офицер наносит удар шпагой гражданскому лицу, или когда офицер дерется на дуэли со своим товарищем или кем-либо еще. Когда другие классы поднимают крик против них, офицеры всегда защищают себя: "Помните, что мы принадлежим к высшей касте; у нас есть свое собственное чувство чести, которого вы не можете понять; наши мысли - это не ваши мысли, а ваши - наши, слава Богу!"

- Но как на самом деле обстоят дела с этой высшей кастой? Если бы у них были свои особые инстинкты и характеристики, свои представления о чести, тогда они не только *казались бы* "первоклассными", они действительно были бы *ими*. Они должны помнить слова императора: "Лучшее общество для офицера - это общество самого офицера". Но это как раз та идея, против которой вы все возражаете, и теперь я подхожу к тому, что хотел сказать. Представьте на мгновение общество современного офицера — я здесь не имею в виду общество низшего класса — у него его слишком много; люди бегают за лейтенантами, все, у кого есть дом, приглашают вас, офицеров, и что вы делаете? Вы принимаете каждое приглашение, когда на самом деле нет ничего против хозяина, что делает общение в его доме абсолютно невозможным, и, конечно, это случается редко. Везде, где есть привлекательность обеда, ужина, развлечения любого рода, где хорошая еда и обильные напитки, там можно найти офицеров, и исключительно ради превосходных блюд они посещают этих людей, с которыми им и в голову не пришло бы сесть за стол, если бы они не были богаты. Сегодня, увы! деньги в глазах офицеров облагораживают. То гордое чувство чести, которым должен обладать высший класс, должно судить о человеке не по тому, богат он или беден, а исключительно по тому, что он благородный человек. Я достаточно часто замечал, как даже старые офицеры преклоняются перед деньгами, как они пытаются завоевать расположение богатых, как они доставляют себе

бесконечные хлопоты, чтобы попасть в семью, где привлекает хороший обед и богатая дочь. Естественно, если офицер ведет себя подобным образом, он унижает себя в глазах других людей и вызывает презрение и насмешки всех мыслящих людей..."

- Но, отец... - перебил сын.

Позвольте мне сначала закончить то, что я должен сказать. Если у вас есть хоть какие-то правильные чувства, вы должны согласиться со мной в том, что я уже сказал. Но главная причина, по которой социальное положение офицеров должно быть изменено, заключается в том, что из-за нынешнего положения дел офицер больше не испытывает гордости и радости при выполнении своих военных обязанностей и вынужден вести совершенно ложный образ жизни. Если он будет ходить вечер за вечером на балы, сможет ли он на следующий день приступить к своим обязанностям? и если он ежедневно поглощает устрицы и шампанское в домах других людей, естественно, он не живет в казино и в своем собственном доме так экономно и просто, как следовало бы, если он хочет распоряжаться своими деньгами и не иметь долгов. Таким образом, он должен служить ярким примером для других людей, быть реальным и показывать, что он действительно первоклассный человек. Я виню не только лейтенантов, но и общество, и, прежде всего, военные власти. Они, на мой взгляд, должны были бы запретить своим офицерам так часто появляться в Обществе. Их предупреждений не жить не по средствам недостаточно, и точно так же нет особого смысла время от времени зачитывать строгий приказ Кабинета министров: "Чтобы уменьшить любовь к роскоши и удовольствиям, офицерам надлежит подавать хороший пример своим экономным и честным образом жизни", или что-то в этом роде. Офицеры могут утверждать, что они экономны в казино, но тогда это большая редкость, когда офицер разоряется из-за своей расточительности в казармах. Именно Общество несет ответственность за лейтенантов, Общество, которое внушает ему идею, я бы сказал, безумную идею, что он - существо, особо благодетельствованное Всемогущим, которое внушает ему яд "Ты совершенно отличаешься от всех остальных". Общество вынуждает его влезать в долги и жить на них весело, как это делают богатые. Когда вы будете старым офицером на пенсии, как я, без денег и положения, вы увидите и поймете, как Общество грешит против вас, балуя вас таким образом. Да, и когда ты молодой лейтенант, то достаточно глуп, чтобы поверить, что все эти приглашения предназначены для того, чтобы оказать честь тебе лично, а не, как это есть на самом деле, офицерской форме.

- Это не всегда так, - перебил его сын.

- Всегда, когда дело касается лейтенантов, я готов поспорить на любую сумму. Вам хорошо известно, что покойный император Фридрих подписал Распоряжение Кабинета министров, предписывающее своим офицерам носить форму только при исполнении служебных обязанностей; в других случаях они должны были появляться в гражданской одежде. Я никоим образом не буду критиковать этот имперский приказ, который еще не вступил в силу, но если бы он был в силе, одно я могу вам сказать — одним ударом он лишил бы лейтенантов их социальной значимости. Молодые девушки были бы горько разочарованы, и тогда энфельдские гусары не пользовались бы таким большим спросом. Теперь, после того, что я вам сказал, разве вы не понимаете, что выполнение этого приказа во многих отношениях пошло бы на пользу офицерам?"

Фриц с удивлением слушал своего отца и теперь спросил: "Но какой жизнью, по-твоему, мы должны жить? Без развлечений или общения мы не смогли бы существовать, мы бы стали глупыми и унылыми".

- Тебе это не кажется, мой мальчик, - засмеялся старик. - Признайся честно, ты когда-нибудь говоришь о чем-нибудь разумном на этих приемах? Вы разговариваете, и это все, вы шепчете ласковые слова или обмениваетесь сплетнями друг с другом, но говорили ли вы когда-нибудь на какую-нибудь серьезную тему в любом месте, где вы бывали? Вы действительно не могли бы этого сделать, потому что вы слишком глупы. Не обижайтесь на мои резкие слова, но я совершенно прав в том, что говорю. Однако никто не должен упрекать вас в вашей глупости. Большинство офицеров были кадетами, а чему вас учат в армии? Строевая подготовка, верховая езда, как судить о лошади, манеры и поведение, но что еще? О том, что добавляется к знаниям, не стоит говорить, но для офицера этого считается вполне достаточно. Я служил в армии, и могу вам сказать, что мне часто было ужасно, ужасно стыдно, когда я видел, как мало я знаю из того, что должен знать образованный человек. В наши дни это самая редкая вещь в мире, когда молодой офицер продолжает свое образование. Если он когда-нибудь и изучает, то только военные предметы, и, за исключением этого, он только рад, когда его обязанности заканчиваются, расслабиться или выпить, и я должен сказать, что последнее занятие ни в коем случае не самое худшее. Передай вино, мой мальчик", - и бокалы снова звякнули.

- Позвольте вспомнить, о чем я только что говорил? - спросил майор. - О, да, я помню. Видите ли, ваше интеллектуальное образование не должно вызывать у вас желания посещать развлечения и гуляния; напротив, если бы вы были более образованны, вы почувствовали бы, как скучно обедать сегодня у Мюллеров, завтра у Шульце и танцевать с молодыми девушками; вы могли бы легко обойтись безбеседы, я уверен, но не без ужинов и девушек".

- Но чего же тогда ты хочешь, отец? Я действительно тебя не понимаю. Почти каждую неделю в газетах пишут о том или ином скандале, произошедшем в маленьком гарнизонном городке. Либо два пьяных лейтенанта надрали друг другу уши, либо спали с женами друг друга, либо есть какое-то другое дополнение к *Скандальной хронике*. И в качестве оправдания всегда говорят с полной справедливостью: "Людам там нечего посещать, кроме трактиров, они разрушают мораль; если бы у них было общество, которым наслаждаются их собратья-офицеры в больших городах, такого бы не случилось". Мы бы просто умерли, если бы не могли посещать эти маленькие развлечения, а теперь вы хотите лишить нас их".

"Я не это имел в виду, я только хочу изменить их, упростить, реорганизовать все это. Сегодня, когда два лейтенанта встречаются утром на дежурстве и один рассказывает другому, что вчера он обедал с таким-то богатым человеком, другой спрашивает с убийственной серьезностью: "Угощает ли он кого-нибудь приличной едой?" Затем первый оратор, который в остальном очень гордится тем фактом, что из-за умственной тупости он ничего не может выучить наизусть, излагает длинное меню вместе с названиями различных вин! Если бы это сделал старый штабной офицер, умеющий разбираться в хорошем вине, я бы не возражал — у человека есть право, я бы даже сказал, священный долг, с благодарностью признавать то, что Всевышний позволяет ему иметь в виде превосходного вина, — но когда этим занимается двадцатилетний лейтенант, это не что иное, как порок, которым можно хвастаться. Когда люди молоды, они не должны думать о том, что перед ними стоит, они действительно ничего не должны знать об этом, но, к сожалению, из них делают *гурманов* и *гурманки*. Всякий раз, когда лейтенанта приглашают

на обед, хозяйка дома заламывает руки и говорит: "Мы не должны давать то-то и то-то, это недостаточно вкусно; и если мы не угостим этих прекрасных джентльменов вкусными блюдами, они больше сюда не придут, они такие ужасно избалованные в наше время".

- Как вам известно, во всем мире принято приглашать капитанов или штаб-офицеров на обед, лейтенантов - только на балы, но разве ужин после бала - это что-то иное, кроме ужина, подаваемого позже вечером? Здесь есть икра, салаты из омаров, пирожки из гусиной печени - я знаю весь список, — и одна бутылка шампанского следует за другой, и это безумие. Нет, не глупость, а зло, которое Общество совершает по отношению к молодым офицерам; вы так ужасно избалованы, что становитесь твердо уверенным, что роскошная жизнь - это единственная жизнь; вы видите это повсюду, в каждом доме, в который заходите, и поэтому не стоит удивляться, если у вас возникают ложные представления".

- Но как вы предлагаете изменить Общество?

Таким образом, в будущем речь должна идти не просто о еде и питье; у лейтенантов действительно должно быть общество, а не только обильный ужин. Но, прежде всего, в будущем к молодому лейтенанту следует относиться как к человеческому существу, а не как к маленькому божку. Он должен понимать, что люди не церемонятся с ним и не тратят себя ради него; ему нужно дать почувствовать, что он всего лишь молодой человек из хорошей семьи.

"Люди не должны осыпать его лестью; с ним, конечно, нужно обращаться вежливо и радушно, как с любым другим гостем, но он не всегда должен занимать первое место. Когда общество примет решение сделать это, лейтенант снова станет тем, кем он должен быть, но кем, увы! он больше не является. Его глупое самодовольство исчезнет, он снова будет выполнять свои обязанности с энтузиазмом и наслаждением; он снова будет жить просто и экономно, и тогда ему больше не будет стыдно открыто и честно признаваться: "Мои средства не позволяют мне делать то-то и то-то". Он больше не будет влезать в долги и играть в азартные игры, и число людей, разоренных своей расточительной жизнью, быстро уменьшится. И когда позже он снимет мундир, он не будет тосковать по египетским котлам с мясом, как нынешнее поколение; он будет знать, как жить на свой доход, и тогда, если за годы его действительной службы ему не поклонялись как второму золотому тельцу, он сможет продолжать играть незначительную роль, когда уйдет на пенсию. И еще одно: если, став офицером, он ясно поймет, что не превосходит других людей, тогда, когда он получит увольнение, он не будет стыдиться и бояться работать или пополнять свой несколько ограниченный запас знаний, чтобы получить какое-то назначение, которое позволит ему прокормить себя и свою семью. Он будет считать более почетным жить на деньги, которые он честно заработал, чем в кредит или влезая в долги".

Фриц посмотрел на отца с большим изумлением. "Но что заставляет тебя придерживаться таких взглядов?"

"Зачем я их принимаю? Они у меня всегда были, хотя, возможно, я не всегда жил в соответствии с ними. Вы знаете, в какой ситуации я нахожусь, и, вполне естественно, я часто спрашиваю себя, кто в этом виноват. Я долго и упорно размышлял на эту тему и пришел к выводу: именно Общество совершенно портит нас, как сейчас портит вас, а затем отбрасывает нас как бесполезных, как только мы перестаем носить ослепительную униформу. Общество желает добра, но, само того не желая, оно совершает больше грехов против лейтенантов, чем может

ответить, и с этой точки зрения Его Величество был совершенно прав, когда сделал замечание, на которое я уже ссылался: "Лучшее общество для офицера - это общество офицера". Я знаю, что если бы я когда-либо был полковником и командиром полка, я бы сказал своим офицерам: "Джентльмены, вы должны перестать ходить повсюду, где вас ждет дымящееся блюдо; Я дам вам список семей, которые вы можете посетить". Я бы выбрал только те семьи, которые вы можете посетить. где мои офицеры могли бы иметь, во-первых, приятное, дружеское общение и, во-вторых, довольно простые ужины. Конечно, как ты можешь себе представить, сын мой, офицеры сначала проклинали бы меня, но позже они были бы благодарны мне. Бисмарк часто говорил: "Другие нации могут подражать всему, чем обладаем мы, за исключением прусского лейтенанта". Старый государственный деятель был прав, когда говорил. Интересно, был бы он так же прав и сегодня?

-Но, отец...

- Не перебивай, мой мальчик, - засмеялся старый майор. - Ты мой горячо любимый сын и моя радость, но будешь ли ты утверждать, что ты образцовый прусский лейтенант, которого восхвалял Бисмарк?

- Ну, нет, не совсем так, - признал Фриц, уступая, - но все же...

- А теперь будь хорошим парнем, не оправдывайся больше. Кроме того, нам давно пора прекратить разговор. Мне нужно вздремнуть после обеда. В шесть часов я иду в клуб. Ты пойдешь со мной?"

- Конечно, папа.

- Очень хорошо, тогда пока прощайте. - и старик ушел в свою комнату.

Только к ужину семья снова собралась вся вместе, а мужчины пришли поздно. Они задержались дольше обычного в клубе, членами которого были отставные офицеры, которые изо дня в день спорили по поводу своего увольнения и продвижения по службе своих товарищей, которые, по их твердому убеждению, должны были уйти в отставку гораздо раньше, чем они. Появление Фрица произвело настоящий фурор в узком кругу; они были рады снова увидеть за обедом лейтенанта действительной службы, хотя он и был в штатском, и у них внезапно возникло мнение, что обычный кислый мозельский напиток совсем не подходит для такого случая. Они заказали более качественную марку и весело болтали о ней.

Майор и его сын были несколько молчаливы за ужином; мать рассказала обо всех визитах, которые она нанесла Хильдегарде, и, поскольку ее муж был в приятном расположении духа, она подумала, что для него сейчас подходящий момент пережить разочарование, узнав, что Уорноу прислали ему всего шесть тысяч марок. Поэтому она рассказала ему об этом, а также о том, что разменяла чек в банке.

"Ну, это, конечно, немного, но уже что-то", - заявил майор. "Отдайте мне деньги".

Его жена возразила. "Давай я оставлю это до завтра, тогда мы спокойно все обсудим и решим, кому мы должны заплатить".

"Платить - это очень хорошо, - сказал Фриц, - но, конечно, вы не были бы настолько глупы, чтобы теперь, когда у вас в карманах завелось несколько пенсов, снова выбросить их на ветер. Если ты заплатишь одному человеку, все остальные сбегутся к тебе завтра в честь дня рождения отца. Кто будет настолько глуп, чтобы платить долги?"

Отец был с ним полностью согласен. "Фриц прав, Фриц разумный парень. Команда все это время ждала своих денег и, безусловно, может подождать еще несколько недель, пока Хильда не обручится. За твое здоровье, Хильда!"

Фриц тоже поднял свой бокал. - Долгих лет жизни вашему будущему мужу! Кстати, как его зовут? Не то чтобы это имело значение; дело в том, что у него есть деньги.

Но Хильдегард не подняла свой бокал, ей хотелось встать из-за стола, она не могла выносить того, как о ней говорили, и с трудом удерживалась от слез. Что бы подумал Джордж, если бы узнал, как они пили за его здоровье и что думали только о его деньгах, а не о нем самом?

"Ну, если ты не хочешь выпить с нами, оставь это в покое", - сказал Фриц и осушил свой стакан.

Майор вернулся к разговору о деньгах. "Моя дорогая, на эти деньги мы действительно могли бы устроить себе небольшой отпуск; три года мы не вылезали из этой жалкой дыры. Мы оставим дома две тысячи марок, чтобы по возвращении не остаться без гроша в кармане, а остальное возьмем с собой и отправимся на несколько недель в Италию".

Эта идея пришлась по душе его жене, но она, однако, сказала: "Возможно, позже, когда Хильда будет помолвлена. Помни, что помолвка может состояться в любой день, и мы должны быть здесь, чтобы принять дорогого человека с распростертыми объятиями".

- Конечно, мы так и сделаем, - сказал майор, - мы обнимем его. Он будет поражен тем, как нежно мы его обнимаем, не так ли, Фриц? И, повернувшись к жене, он продолжал: "Только представь, мама, у этого негодяя Фрица долг в сорок тысяч марок". И он расхохотался над своим сыном.

Его мать в ужасе всплеснула руками. - Но, Фриц, как это возможно?

И пораженная Хильдегард выпалила: "Что, черт возьми, ты делаешь с деньгами из дома, которые тебе присылает дядя?"

- "Спроси у звезд, чтобы все знали", - начал напевать Фриц, но не смог вспомнить мелодию, поэтому промычал только пару нечленораздельных нот.

Прошло много времени, прежде чем к его матери вернулось самообладание. "Это действительно ужасно; остается надеяться, что жених Хильдегарды позже тоже оплатит ваши долги. Но если предположить, что он этого не сделает, что ты собираешься делать?"

- Застрелюсь. Но он скоро заплатит, я об этом позабочусь.

"Если бы ты только был кем-то другим, а не офицером, - сокрушалась его мать, - это безумие для человека, у которого нет денег, идти в армию".

"Я совершенно согласен с вами, - сказал Фриц, - но что толку сокрушаться? Теперь уже слишком поздно, тебе следовало подумать об этом раньше, когда ты посылал меня в Военное училище. Меня не пригласили.

- Ты совершенно прав. Этот негодяй сейчас упрекает нас, - засмеялся его отец.

- Я совсем не это имел в виду, отец. Я очень хорошо провел время в должности лейтенанта; кроме того, я не знаю, кем еще я мог бы стать. Но вы знаете, у того, чтобы быть лейтенантом, есть свои недостатки; человек никогда не избавлен от денежных трудностей, а кроме того, есть постоянный страх получить увольнение гораздо раньше, чем он ожидает. Это ужасное чувство. Я действительно не могу понять, почему отцы позволяют своим сыновьям идти в армию, и меньше всего я могу понять, почему отставные офицеры всегда это делают. Старые офицеры, ты, отец, в первую очередь, и те, кого я встретил сегодня в клубе, всегда жалуются на несправедливость столь раннего ухода на пенсию; они сетуют, что армия уже не та, что была когда-то; они сетуют на свои крошечные пенсии и физические недуги, являющиеся результатом долгих лет боевых действий; они клянут содержание, которое они вынуждены получать своим сыновьям. Однако они прекрасно знают, что он не может с этим справиться и поэтому влезает в долги; они знают, что в лучшем случае их сын будет всего лишь штабным офицером и что тогда до самой смерти он будет вести такую же жалкую, озлобленную жизнь, как и они. И увы: они также знают, как ошибка на дежурстве, неправильно проведенный вечер, импульсивный удар могут погубить молодого солдата, и хотя они знают все это, они позволяют ему стать солдатом. И когда в один прекрасный день молодой офицер оказывается на пределе своих возможностей и вынужден покидать армию, тогда начинается плач и скорбь, и, конечно, никто не виноват, кроме сына".

- Не всем бы так плохо, как вам, - вмешался майор.

"Вы правы, но я говорю не о себе, а о вещах в целом. В моем полку почти все мы сыновья офицеров в отставке, и я постоянно слышу, как тот или иной из них жалуется: "Почему, черт возьми, мой отец не позволил мне стать кем-то другим, ведь он должен знать, что я не могу обходиться тем небольшим пособием, которое он мне дает?" Почему эти старые офицеры всегда отправляют своих сыновей в военное училище, несмотря на все возражения против этого? Потому что это дешево и очень удобно давать молодым негодьям образование таким образом. Неужели вы полагаете, что в будущем отставные офицеры восприняли бы как нечто само собой разумеющееся то, что их сыновья должны идти в армию, если бы им приходилось платить четыреста или пятьсот марок в год за обучение в колледже вместо восьмидесяти, помимо обеспечения их одеждой? Они больше не будут думать об этом. Но сейчас все просто: "Пусть мальчик получит образование недорого, вот в чем дело, другими вещами мы займемся позже". В частном порядке они всегда рассчитывают на старого дядю или тетю, и когда однажды они "бастуют" или умирают, лейтенант оказывается в затруднительном положении и залезает в долги, или ему приходится жить на воздухе. Люди всегда говорят о глупых лейтенантах, но как быть с глупыми родителями, которые, чтобы сэкономить на их образовании, позволяют им выбирать профессию, в которой невозможно заработать никаких денег, а соблазн потратить их огромен".

"Очень хорошо сказано, - сказал его отец. - но если у офицера нет денег, чтобы дать своему сыну надлежащее образование, как это было в случае со мной, кем он должен стать?"

"Фрица следовало бы пристроить к делу", заявила Хильдегарда. "Если у человека нет средств, он должен выбрать карьеру, в которой он может зарабатывать деньги".

"Теоретически это очень красиво и совершенно верно, - ответил Фриц. - и если бы многие отцы были такими же мудрыми, как ты, моя очаровательная сестра, это было бы лучше для наших офицеров. Эти первоклассные мужчины, как отец называл их некоторое время назад, не стали бы бегать повсюду, выпрашивать, занимать и получать кредит, а также испытывать удачу в картах, чтобы попытаться держать голову над водой, пока не найдут богатую жену или не разорятся".

Майор очень внимательно слушал своего сына, теперь он сказал: "Я удивлен, что ты, сын офицера, так разговариваешь. Кто, согласно вашей теории, должен снабжать армию офицерами, если не мы?"

"Прежде всего, только те родители, у которых есть финансовые средства обеспечить будущее своих сыновей; и затем, никто не должен становиться офицером, если у него нет настоящего энтузиазма и любви к своей профессии и он готов, если потребуется, идти на жертвы и терпеть лишения ради нее. Но вы не можете ожидать, что ребенок, которого в восемь лет отправляют в колледж, должен знать, действительно ли ему нравится солдатская работа. Он не должен выбирать профессию до тех пор, пока не будет в состоянии судить сам в определенной степени; отец не должен посылать своего сына в армию из соображений экономии или Бог знает по каким другим причинам, а затем требовать от него, чтобы он был образцом уравновешенности и добросовестности. Я знаю, что если бы мне было что сказать по этому вопросу, я бы упразднил Кадетские колледжи".

- Хо! хо! - взорвался майор. - вы становитесь все хуже и хуже.

"Так и должно быть", - продолжал Фриц. "Вы сами недавно указали мне, что мы недостаточно учимся в колледже, но, помимо этого, есть еще один недостаток: мы идем в армию слишком молодыми, через два года нас производят в офицеры. Лейтенанты восемнадцати-девятнадцати лет отнюдь не редкость, и нам внезапно дают должность, которой никто другой не пользуется в этом возрасте. Мы получаем контроль над деньгами слишком рано, даже не научившись ими управлять. Только подумайте о жизни в военном училище, о том, как за нами наблюдают и защищают! Никто не смеет курить, пить пиво или выходить на улицу без приглашения. Каждый должен сказать, как долго он пробыл у своих родственников..."

- Но все это очень правильно, - вмешалась Хильдегард.

"Это может быть, но может и не быть: переход к другому типу жизни слишком внезапен, слишком быстр. Через двадцать четыре часа после окончания этого колледжа человек становится прапорщиком, и вдруг он наслаждается той полной свободой, от которой его так ревностно оберегали совсем недавно. Человек может есть и пить, что ему нравится, он может идти, куда захочет, короче говоря, он может наслаждаться всеми радостями жизни одновременно. И вот человек легко переходит границы дозволенного и совершает всевозможные глупости в радости от того, что избежал такого строгого надзора. И кто может винить в этом прапорщика? Молодой прапорщик привыкает вести праздную жизнь, и это

продолжается, когда он становится лейтенантом, и лишь у очень немногих хватает сил измениться. Недавно мы просматривали армейский список, чтобы узнать, сколько наших сверстников по колледжу все еще служили в армии, и были просто поражены, обнаружив, сколько из них исчезло. Образование в Кадетском училище отвечает за это — только за это. В девятнадцать лет человек становится офицером, в двадцать три его увольняют; это случается чаще, чем люди думают, и это ясно показывает, что кадеты в колледже не усвоили должным образом того, чему они должны были научиться, — контролировать себя и жить подобающим образом, как подобает офицерам. В колледже слишком много внимания уделяется строевой подготовке, упражнениям, урокам и другим вещам, и совсем недостаточно - воспитанию юношеского ума. Нет воспитания личности, характера; все это делается *единым целым*, и колледж никогда не сможет заменить дом; то, что ребенок видит, слышит и бессознательно усваивает там, стоит в тысячу раз больше, чем то, чему его так строго учат в колледже".

"Но как это можно изменить?" - спросил майор, который был глубоко заинтересован разговором. Дамы тем временем встали из-за стола и взялись за свое рукоделие.

"Я не знаю, - признал Фриц, - но какие-то средства могут быть найдены. Кадетские колледжи должны, как я уже сказал, быть упразднены, и каждый офицер должен сдать аттестат зрелости, как это раньше было в морской пехоте. Должно быть ограничение по возрасту; по моему мнению, оно должно составлять двадцать лет, и тогда мужчина не мог быть лейтенантом до двадцати двух лет; это достаточно рано, если после этого возраст больше не принимался в расчет. Возрастной ценз должен быть отменен. Сегодня ни у кого, кто к определенному возрасту не достиг определенного звания, нет ни малейшего шанса сделать карьеру. Какова цель сохранения армии такой молодой всеми возможными способами? В результате этого каждый год сотни и сотни мужчин вынуждены искать всевозможные должности. Вводятся новые элементы, новые должностные лица, новые взгляды, и это, как правило, не способствует обучению войск. Если человек становится лейтенантом в двадцать два года, он может стать капитаном в тридцать пять, майором в сорок четыре и полковником в сорок восемь. Конечно, это достаточно молодой человек, не так ли? И если он чем-то отличится, то сможет получить повышение раньше".

- И это повысит эффективность во время войны?

- Ты можешь ответить на этот вопрос лучше, чем я. Вас отправили на пенсию как полного инвалида, но, несмотря на это, разве при увольнении вы не были достаточно молоды и активны, чтобы нести службу на поле боя?"

- И да, и нет, - проворчал майор. - Я объясню, что я имею в виду. Главный армейский врач долго хлопотал вокруг меня, но он не мог найти раны, на которую мог бы выписать справку, поэтому я немного помог ему и упомянул о травмах, которых у меня не было, и тогда все было в порядке. Но я легко мог бы продержаться пять— нет, десять лет. Зайдите в пенсионное отделение в любом крупном городе и посмотрите на бесчисленное множество офицеров, которые регулярно приходят туда первого числа каждого месяца, чтобы получить свою пенсию — несколько жалких фунтов. Все они являются "полными инвалидами" или вышли на пенсию по возрасту. Тем не менее, на их лицах читаются здоровье и энергия".

- Именно это мы все и говорим, - вставил Фриц. "Недавно мы говорили об этих вещах в казино; ничего особо ценного не было сказано, но все же интересно, что думают по этому поводу

разные офицеры. Мы единодушны в желании упразднить военную коллегию. Каждый лейтенант должен сдать аттестат зрелости, и никто не может стать офицером до того, как ему исполнится двадцать один год; если у нас когда-нибудь это будет, в армии произойдут большие перемены".

Последовала долгая пауза; майор размышлял над тем, что только что сказал Фриц, затем сказал: "Во многих отношениях у вас действительно очень разумные идеи".

- Именно так я и думаю, - вмешалась Хильдегард. - Я должна сделать тебе комплимент, Фриц. Когда я слышу, как ты говоришь так серьезно и с таким большим знанием дела, я с трудом узнаю в тебе своего веселого и легкомысленного брата".

Фриц поклонился сестре. - Премного благодарен. Да, у меня иногда бывают моменты просветления, мне говорят об этом в полку; но, увы! эти ментальные просветления редки. Моя ментальная тьма рассеивается только тогда, когда я выпиваю много вина; тогда я начинаю думать. В другое время мне не хватает смелости. Из таких случаев я узнаю, что я социал-демократ".

- Но, Фриц...

- Что ж, это *is* хорошо! Вы лейтенант и социал-демократ...

"Успокойтесь", - взмолился Фриц. "Я не присягал Бебелю в братстве. Когда я говорю, что я социал-демократ, я, конечно, не имею в виду, что я разделяю программу этой партии, хотя я должен сказать, что раздел собственности меня бы вполне устроил, при условии, что я получу от этого пользу! Я только хотел сказать, что я неудовлетворенный аристократ, как и все мы, от полковника до самого младшего лейтенанта. Никто не может сказать столько, сколько хотелось бы, потому что, естественно, человек должен помнить о форме, которую он носит, но вскоре, могу вас заверить, жалоб будет предостаточно, не только в нашем полку, но и во всех остальных".

"В мое время все было совсем не так, - посетовал майор. - Конечно, мы часто спорили, но..."

"Раньше все было совсем по-другому, отец. Раньше каждый достигал совершеннолетия, теперь можно навсегда остаться первым лейтенантом и быть переведенным в окружное командование или что-то в этом роде. Раньше это действительно был день чести и ликования, когда проводилась проверка со стороны высокопоставленных лиц, но что происходит сейчас? Все дрожат в течение нескольких недель до того, как это произойдет, и в течение нескольких недель после, в страхе, что кто-то может получить увольнение в результате этого. Раньше срок службы составлял три года, теперь мужчины должны пройти такой же объем работы и муштры за два года, и сегодняшние военные и вневойсковые обязанности не идут ни в какое сравнение с теми, что были десять лет назад. Ах, и денежный вопрос! Я не думаю о себе, я экстравагантный пес, но время от времени кто-то пытается жить на свое пособие, и власти делают все возможное, чтобы чинить ему препятствия. Теперь это фестиваль, теперь день гостей, празднование дня рождения, увеселение в саду с приглашенными дамами, юбилей полка, прощальный ужин; даже если мужчина хочет быть уравновешенным и экономным, он не может отказаться от шампанского — он просто должен пить вместе с другими. Тратили ли вы в прежние времена так

много своей зарплаты на подарки, цветы, подписку на казино и тысячу и одну другую вещь, этого я не знаю. И потом, расходы на одежду; по-моему, я должен только своему портному пять тысяч марок. Всегда появляется та или иная новая мода; новые плащи, разные шапки, пальто, новые пуговицы, новые шарфы и все остальное. И кто должен за все это платить? Ну, офицер, конечно. И откуда он берет свои деньги? Конечно, это его личное дело. С одной стороны, нас предупреждают, чтобы мы были уравновешенны и не выбрасывали наши деньги на ветер, а с другой - нас постоянно втягивают в новые расходы. Все это придется изменить, иначе через десять лет наши офицеры будут в десять раз больше в долгах, чем даже сегодня. Вы, отец, сегодня обвиняли Общество в том, что мы жили не по средствам, но мы, офицеры, обвиняем власти. На нужды полка всегда должны быть деньги, но никто не заботится о том, как мы живем, а потом, когда мы влезает в долги, возникает дьявольский скандал, и мы обязаны расплатиться в течение трех дней. В таких случаях нам угрожают увольнением, которому подвергается и полковник, потому что он был недостаточно строг, чтобы не дать нам залезть в долги. Именно это случилось со мной в последнее время. Я задолжал Казино четыреста марок и был поставлен перед выбором: заплатить в течение двадцати четырех часов или подвергнуться пятидневному аресту; естественно, я заплатил, и полковник остался доволен. Ему не пришло в голову спросить, откуда у меня деньги.

- И откуда же вы это взяли?

"Позаимствовал это у евреев, конечно. Я не фокусник и не могу получать деньги из воздуха. Это так нелепо. Человек вынужден влезать в новые долги, чтобы расплатиться со старыми, которые доходят до ушей полковника".

- Ваш полковник знает, что у вас есть долги?

Конечно, он знает, хотя, вероятно, и не догадывается, насколько глубоко я вовлечен. Он говорит себе: "То, чего я не знаю, меня не касается. Мне не нужно беспокоиться о вещах, которые официально не доведены до моего сведения. "Его собственное будущее и его карьера для него гораздо важнее, чем моя. На самом деле ему все равно, отправлюсь я к дьяволу или нет; но если я уйду, он тоже может уйти; поэтому он закрывает не только оба глаза, но и оба уха. Он не хочет ничего видеть или слышать, потому что, конечно, прекрасно знает, что я не единственный. Если он предпримет действия против одного, ему придется действовать и против других, а он не хочет этого делать. Он хочет стать генералом; его преемник может позаботиться об офицерах, которые по уши в долгах".

Было уже поздно, когда они легли спать. Отец и сын предпочли бы проговорить всю ночь напролет, но женщины настаивали на перерыве; они должны помнить, что завтра день праздника, который повлечет за собой массу хлопот, визитов и поздравлений всех видов.

Но, увы! день ликования оказался не таким, как ожидалось. Стало известно, что Хильдегард разменяла чек на имя своего отца, и новость молниеносно облетела маленький городок. Все, кто знал об этом и имел какие-либо претензии к майору, решили пойти утром пораньше, если это возможно, чтобы быть первыми, и попросить его оплатить свой счет, который был должен целую вечность.

Они пили утреннюю чашку кофе, когда объявили о приходе торговцев. Майор знал, что ему предстоит, и ругался как сумасшедший.

"Вот что происходит, когда вы, женщины, вмешиваетесь в денежные дела. Как вы могли быть настолько глупы, чтобы разменять чек, даже если только один человек стоял рядом и видел вас? И почему это вообще был чек? Разве Warnows не могут заплатить жалкие несколько тысяч (сотен) наличными? Тогда никто бы и не услышал об этом; но теперь я обязан выплатить часть денег. Но, - внезапно взревел он, - я вообще не буду этого делать. Я не думал, что этот бесстыдный сброд испортит мне шестидесятилетие. Сначала я провожу их всех ко всем чертям".

"Должен ли я пойти и поговорить с этими людьми?" - спросил Фриц. "У меня большой опыт в подобных вещах, и я могу с уверенностью сказать, что никто никогда ничего от меня не получал. Я не могу понять, отец, почему ты так волнуешься из-за таких пустяков. А теперь позволь мне пойти и попробовать, что я могу сделать".

Он уже собирался выйти из комнаты, но мать удержала его.

- Так не пойдет, Фриц. Ты не знаешь, как часто здесь бывал судебный пристав. Дело зашло так далеко — я имею в виду — ну, вы должны это знать, — что до сих пор он опечатывал только часть нашей мебели и ничего не продавал; но если власти узнают, что у нас действительно есть деньги, ему придется продать нас. Он сказал нам это, и мы хотели избавить папу от этого сегодня.

- Разумеется, превыше всего. Фриц стал серьезным и невольно оглянулся, чтобы посмотреть на тюленей.

"Он поставил печати только там, где их не было видно, — прошептала мать сыну. - На коврах, пианино, книжных полках, картинах - словом, на всех вещах, которые стоят у стен. О, это ужасно!" - и она заплакала.

- Да, именно так, плачь! - взревел майор. "Раньше в день рождения человеку пели серенаду; теперь, когда человек стар и сед, его жена плачет, потому что нет денег и кредиторы стоят за дверью. Мужчина должен дожить до шестидесяти, чтобы удостоиться такой чести".

Он топтался взад-вперед, ругаясь, время от времени прислушиваясь к людям, которые ждали его в вестибюле. Внезапно он встал перед Хильдегардой и положил руку ей на плечо.

- Эх, Хильда, ты же видишь, мы не можем больше ждать твоего возлюбленного. Приведите его скорее, пока не стало слишком поздно, пока эта негодяйская шайка не забрала все и не продала нас, а мы с вашей матерью не оказались выброшенными на улицу".

В его словах прозвучали такая горечь и такое отчаяние, что Хильдегарда напрочь забыла о своих собственных чувствах и о том, что на нее смотрели как на освободительницу, и от горя за своих родителей разрыдалась.

- Номер два, - пожурил майор. - Совершенно верно.

"Не будь несправедлив, отец. Ты не можешь винить мать и Хильдегарду за то, что они грустные. Это дело более чем неприятно даже для меня.

"Тогда тебе лучше начать плакать", - выругался старик, у которого вены вздулись на лбу.

"Я думаю не о себе, а о том, как эти люди могут быть удовлетворены тем или иным способом. Я не знал, что какая-либо мебель была запечатана. Тебе следовало сказать мне об этом. - После небольшой паузы он спросил: - За сколько это?

- Всего две тысячи марок.

"Это должно быть оплачено в первую очередь, и сегодня же".

"О, я так не думаю. С печатями там все в порядке уже долгое время".

- Несмотря на это, две тысячи марок должны быть выплачены, - продолжал Фриц решительно и энергично, - и если вы не можете заплатить, это должен сделать я. Недавно я выиграл несколько тысяч в карты и дам тебе парочку".

Майор уставился на сына. - И в чем причина такой щедрости, могу я спросить?

- Забота о себе и Хильдегарде. Если бы было возможно, что в моем полку когда-нибудь станет известно, как обстоят дела у вас здесь, я потерял бы не только свое положение, но и свой кредит, а это могло бы иметь последствия, которые были бы неприятны для нас обоих. И еще нужно подумать о Хильдегарде. Только представьте, что в ближайшие несколько недель или, возможно, в ближайшие несколько дней предполагаемый любовник Хильды нанесет вам визит и по какой-то несчастливой случайности увидит тюленей. Этот парень был бы полным идиотом, если бы это не открыло ему глаза на тот факт, что на нем женились только из-за его денег. И это знание не должно прийти до свадьбы, его нужно предотвратить любой ценой. Если ты не можешь этого сделать, я должен".

Майор опустил в кресло и мрачно смотрел перед собой, две дамы тихо плакали.

Фриц встал и подошел к матери. "Я пойду и поговорю с этими людьми. Не могли бы вы дать мне шесть тысяч марок, с этим ничего не поделаешь.

"Дорогие деньги!" Майор застонал; впервые за много дней он смог проспать всю ночь, не проснувшись от тревожных мыслей. Сознание того, что в доме есть шесть тысяч марок наличными, наполнило его огромной радостью и дало чувство спокойствия и защищенности. И теперь снаружи стояли люди, которые должны были забрать у него деньги.

- Фриц, - сказал он, поворачиваясь к сыну, - ты обещаешь мне сделать с этими людьми все, что в твоих силах. Не отдавай все, иначе у нас в доме не останется денег".

"Я справлюсь с хозяйством до первого, - сказала мать. - У меня еще есть сто марок".

- И я могу дать тебе еще сотню, мама, - вставила Хильдегарда. - Тетя дала мне больше, чем мне было нужно на дорожные расходы.

- И я тоже внесу сто марок, - сказал Фриц. На самом деле он не испытывал никаких чувств к своей семье, но царившая там бедность казалась ему настолько неподходящей их социальному

положению, что он должен был протянуть руку помощи, отчасти даже из-за себя, чтобы не быть сыном нищего.

Фриц снова повернулся к двери. - Ты совершенно уверен, что хочешь, чтобы я поговорил с этими людьми, отец, или ты предпочитаешь...

Но майор отказался. "Нет, нет, вы идите, я должен выйти из себя; сделайте, что можете".

Фриц вышел в соседнюю комнату и созвал всех кредиторов, которые стояли снаружи. Все они были рабочими или мещанами. Все они были лично знакомы с Фрицем, дружески приветствовали его и вели себя очень почтительно.

В полку Фрица считали чрезмерно надменным и горделивым, но когда он хотел чего-то добиться от человека, он мог быть чрезвычайно любезным. Теперь он пожимал руки всем, спрашивал о здоровье их семей и время от времени шутил с ними. Он действительно уже наполовину выиграл битву, когда сказал: "Мой отец, который сегодня чувствует себя не очень хорошо, попросил меня поговорить с вами и уладить ваши счета, насколько он в состоянии это сделать. Их действительно довольно много, - сказал он со смехом, - но мы сможем договориться; естественно, мы не можем заплатить все сразу. Вы знаете, что в результате банкротства своего банка мой отец много потерял, - затем он продолжил свои измышления, — но в течение следующих нескольких месяцев мы получим крупную сумму денег из фамильных владений, и тогда каждому из вас будет выплачено все до последнего фартинга. Сегодня мы можем оплатить только часть, и я уверен, что вы все согласитесь с этим. Вы, наверное, знаете, что сегодня мой отец празднует свое шестидесятилетие, и я уверен, вы не хотели бы испортить день, когда он мог бы быть так счастлив со своей женой и детьми".

Нет, они не хотели этого делать; естественно, они знали, что деньги будут в полной сохранности, но они слышали, что вчера уважаемый майор получил крупную сумму денег, и они только хотели посмотреть, не удастся ли им получить немного из них.

Фриц с радостью выслушал эти слова; эти люди оказались гораздо разумнее и, главное, гораздо уважительнее, чем он смел надеяться; мысленно он отложил тысячу марок для своих родителей. Если бы он разделил пять тысяч марок (250 фунтов стерлингов) между этими торговцами, они были бы более чем удовлетворены.

Ему выдали банкноты, и радостная улыбка заиграла на его губах, когда он подсчитал суммы; вся сумма составила всего десять тысяч марок (500 фунтов стерлингов). "Я сэкономлю еще тысячу", - подумал он про себя; затем позвонил каждому по отдельности, весело поговорил с ним и устроил все так, как он хотел. Все заявили, что они вполне удовлетворены тем, что получили четвертую часть своих счетов, а остальная часть должна быть оплачена в течение трех месяцев.

Прошел добрый час, прежде чем Фриц закончил; от каждого он потребовал письменного заявления о том, что в течение следующих нескольких месяцев он не будет требовать денег и не будет присылать никаких счетов. Чтобы поддерживать людей в хорошем настроении все это время, он угощал их вином и предлагал сигары. Они взяли вино и вместе с Фрицем выпили за здоровье его отца, но не решились курить в присутствии уважаемого лейтенанта и в апартаментах уважаемого майора.

Наконец они разошлись; Фриц еще раз пожал им руки, и, обменявшись дружескими словами, они расстались добрыми друзьями. Из коридора смех уходящих проник в зал для завтраков, где остальные ожидали результатов беседы.

Сияя от радости, Фриц вернулся и положил на стол две тысячи марок. - Что ж, отец, я приберег это для тебя; на данный момент все они удовлетворены, и на три месяца у тебя есть передышка. К тому времени Хильда уже давно будет замужем, и даже если она только помолвлена, я сумею раздобыть для тебя несколько фунтов. Я делал вещи и посложнее. Но одну вещь я хотел бы знать, отец: неужели эти несколько долгов, общая сумма которых составляет десять тысяч марок, не лишили вас ночного отдыха? Я думал, их было по меньшей мере семьдесят или восемьдесят тысяч.

- Я тоже так думал; возможно, их гораздо больше. У меня никогда не хватало смелости сложить их все.

"Если человек не может их выплатить, в этом нет особого смысла", - равнодушно ответил Фриц; затем, отчасти из любопытства, отчасти из настоящего интереса, он спросил: "Какие еще долги у тебя есть, отец?"

"Повсюду; купюры сереют с возрастом, а некоторые действительно первозданные".

"В таком случае многие из них больше не действительны".

- Но, Фриц, - воскликнула Хильдегарда, - ты же, конечно, не воспользуешься этим? Торговцы должны иметь свои деньги.

- Это очень легко сказать, но откуда это взять? - возразил майор. — У меня совсем нет денег - во всяком случае, в данный момент.

- У вас есть какие-нибудь счета или у вас нет денег? - спросил Фриц. "Вы не должны обижаться на меня за то, что я спрашиваю вас об этом, но сегодня я был в определенной степени вашим деловым агентом. Я хотел бы иметь четкое представление о том, как обстоят дела".

"Нет, - заверил его отец, - я никогда ничего из этого не дарил, но я в долгу у всех моих друзей: у одного четыре тысячи (250 фунтов стерлингов), у другого три тысячи (150 фунтов стерлингов), у третьего тысяча (50 фунтов стерлингов) и так далее".

- Ну что ж, тебе незачем сидеть из-за этого; тот, кто дает деньги в займы другу, прекрасно знает, что в девятистах девяноста девяти случаях из тысячи он их обратно не получит. И я действительно не вижу абсолютно никаких причин, почему вы должны быть исключением. Тот, кто одолжил вам деньги, прекрасно знал, что больше он их не увидит".

"Да, да, все это очень хорошо, - проворчал старый майор, - но люди одолжили мне деньги только потому, что я рассказал им о предполагаемой помолвке Хильдегарды".

- Отец, в самом деле... - воскликнула Хильдегарда. Она покраснела и была вне себя от негодования. "Недостаточно того, что вы думаете и говорите только о моей возможной помолвке, но вы также должны рассказывать об этом незнакомым людям, чтобы получить признание".

Мать нежно положила руку ей на плечо. "Но, Хильда, ты не должна воспринимать это таким образом; мы говорили об этом только с близкими друзьями".

Майор тоже пытался успокоить ее, но Хильдегарду было не успокоить. "Я больше не могу выходить в город, вы сделали это для меня невозможным здесь. Теперь я понимаю завуалированные намеки вчерашних маминых друзей, когда они так сочувственно справлялись о моем здоровье. Я уезжаю завтра; я не останусь здесь больше ни дня".

- Это, безусловно, восхитительное празднование дня рождения, - прорычал майор и сильно ударил кулаком по столу.

- С Хильдегардой сейчас все будет в порядке, - сказал Фриц. - Она разумная девушка; естественно, эти денежные затруднения ее расстроили. Сегодня днем она снова будет самой собой. А теперь я должна пойти и договориться с судебным приставом, иначе шампанское будет невкусным.

Но хотя к полудню с мебели были сняты пломбы, шампанское так или иначе успеха не имело. Мрачная тень легла на дом и осталась там, и когда майор наконец лег спать, ему пришлось признаться, что он никогда не отмечал свой день рождения так печально, как в тот день, когда ему исполнилось шестьдесят.

ГЛАВА VIII

Возмездие за грех

Маленький Уиллберг застрелился!

В полку были искренне опечалены потерей своего товарища, который был всеобщим любимцем, но, несмотря на это, они не могли простить ему того, что он не был уволен в запас перед тем, как покончить с собой. Двадцать четыре часа раньше или позже не имели бы для него никакого значения; за это время он мог бы с этим справиться. Они не могли понять, почему он проявлял так мало внимания к полку, который он так нежно любил и которым всегда так гордился. Поступок одного офицера затрагивает честь всех; Вильберг прекрасно понимал это, и ему следовало помнить, что его самоубийство вызовет всевозможные неприятности в полку.

Таково было всеобщее мнение, и насколько оно было правильным, показал тот факт, что берлинские газеты были полны сообщений о смерти маленького Вилльберга. Была предпринята попытка замять это дело, и по просьбе полковника адъютант граф Ветборн посетил все редакции газет и потребовал, чтобы об этом печальном происшествии ничего не публиковалось. Граф побывал во всех социал-демократических органах, кроме двух; он не мог заставить себя посетить их; и именно в этих двух газетах ежедневно публиковались свежие разоблачения, касающиеся жизни покойного. Действительно, выяснилось больше, чем можно было опасаться. "Золотые бабочки" были вне себя от ярости из-за того, что все эти вещи, которые, по их мнению, никого не касались, кроме них самих, были опубликованы, и хуже всего

было то, что из истории жизни покойного люди сделали неблагоприятные выводы относительно духа и образа жизни "Золотых бабочек".

"Золотые бабочки" были просто сбиты с толку; почему это должно было случиться с ними? — с ними, которые были такими гордыми и выдающимися и которые обладали репутацией одного из самых аристократических пехотных полков? И опять же, почему именно офицер, принадлежащий к высшей знати, должен был давать людям возможность критиковать полк? Газеты, конечно, сочли это прекрасным поводом возобновить свои нападки на аристократию и заявить, что люди с голубой кровью в жилах ничуть не лучше и не заслуживают большего уважения, чем те, кто вынужден довольствоваться жалкой красной кровью.

Но хуже всего было то, что то, о чем сообщали газеты, к сожалению, было похоже на правду. Уиллберг, должно быть, жил ужасно расточительно и был замешан в делах с крайне сомнительной репутацией. Открылось многое, о чем его товарищи-офицеры понятия не имели. Полковник ходил в состоянии сильного возбуждения, чертыхаясь. На следующий день после печального события на полковое бюро было совершено очередное нападение со стороны людей, имевших претензии к Уилльбергу и желавших знать, кто их урегулирует, и когда после этого в казармы больше никого не впускали, посыпались письма, в которых раскрывались более или менее порочащие эпизоды из жизни Уилльберга.

Почему, о, почему это аристократ должен был навлечь на полк такой скандал и поношение? Никто не произнес этого вслух, но все подумали об одном и том же. Если бы только застрелился Винклер, а не маленький Вильберг, как бы они были довольны; они могли бы занять определенную позицию и с большой гордостью заявить: "Вы видите, мы, дворяне, лучшие люди". Но это был аристократ, который был мертв, а плебей был все еще жив!

Никто из "Золотых бабочек" не знал, что же так внезапно привело Вильберга к смерти, и он не оставил ни письма, ни строчки, которые давали бы хоть малейший намек на это.

Как само собой разумеющееся, полковник поинтересовался у своих коллег-офицеров, может ли кто-нибудь из них сообщить ему какую-либо информацию, но "Золотые бабочки" переглянулись и пожали плечами. Все они, конечно, знали, что маленький Уиллберг проиграл деньги в карты, но такое случалось часто, и почему же он должен был застрелиться именно в этот раз, а не раньше? И это мнение укрепились в том факте, что Улан на допросе заявил, что Уиллберг выплатил ему игровые долги незадолго до своей смерти. На самом деле это было неправдой; напротив, улан настойчиво напомнил Вильбергу, что срок уплаты долга прошел, и предупредил его, что в делах такого рода, которые были названы долгами чести, этикет требует самой скрупулезной пунктуальности. Именно после этого Уиллберг застрелился, и хотя Улану вряд ли нужно упрекать себя в том, что он довел товарища до смерти, все же он был очень рад, что это дело не получило огласки.

На следующий день после похорон адъютанту полка пришлось в голову спросить человека Вильберга, не может ли он сообщить какую-либо информацию по этому поводу. Но он ничего не мог сообщить, хотя его подвергли формальному допросу; однако наконец он кое-что вспомнил. "Теперь я припоминаю, сэр, однажды вечером я отнес письмо лейтенанту Винклеру, и мой хозяин ждал дома ответа, и когда он пришел, он был очень взволнован. Я никогда раньше не

видел его таким. Я слышала, как он ходил взад и вперед в течение нескольких часов, а на следующее утро, когда я пошла позвать его, он вообще не ложился спать, а спал на диване".

- Вы знаете, что было в письме, которое вы отнесли лейтенанту Винклеру?

Он не мог дать никакой информации по этому поводу, поэтому его отпустили, и адъютант рассказал полковнику о том, что он только что узнал. Последний ходил взад и вперед в волнении.

- Как долго лейтенант Винклер был в отпуске?

Граф сверился с календарем. - Он должен объявить о своем возвращении завтра в полдень!

"Тем лучше, иначе мне пришлось бы отозвать его по телеграфу. Власти запрашивают подробные сведения о смерти Уилльберга. До сих пор я сталкивался с загадкой; возможно, Винклер сможет пролить некоторый свет на этот предмет".

Джордж уже слышал о смерти Уилльберга, когда был в Париже, и хотя поначалу эта новость потрясла его, он не мог притворяться, что глубоко опечален. Почти ежечасно он благодарил Ольгу за то, что она убедила его отправиться в это путешествие. Он не мог скрыть от самого себя, что, несмотря на все принятые решения, не смог бы спокойно встретиться с Вильбергом.

Он также ежечасно говорил себе, что даже когда вернется, вряд ли сможет хладнокровно встретиться с ним, и поэтому в какой-то степени вздохнул свободнее, когда услышал о смерти Вильберга, и был почти благодарен Небесам за то, что они избавили его от будущей встречи. Конечно, печально, что Уилльбергу пришлось покончить с собой, когда он был еще молодым человеком, но для армии и офицеров его смерть не была потерей. Он боялся встретиться с ним снова, но теперь вернулся в гарнизон вполне бодрым. Четырнадцать счастливых дней остались позади; они с Ольгой прекрасно провели время в прекрасном Париже; его отпуск был настоящим временем отдыха, и он был весьма рад вернуться к своим обязанностям и активной жизни.

- Полковник желает, чтобы лейтенант Винклер поговорил с ним завтра в одиннадцать в полковом бюро. На мгновение Джордж несколько встревожился. Мог ли полковник узнать, что он был во Франции, в Париже, без разрешения? Что ж, наказание за это не было суровым, в худшем случае несколько дней заключения в собственном жилище, что не уничтожило бы воспоминания о тех восхитительных днях, которыми он только что наслаждался.

Однако первые же слова, с которыми полковник обратился к нему на следующее утро, показали ему, что его опасения были беспочвенны. Он поинтересовался, как ему понравилась Ривьера, и сразу перешел к делу. Он пересказал ему слова бывшего слуги Уилберга и попросил Джорджа сообщить ему любую дополнительную информацию, которая у него есть. "Прежде всего, для меня важнее всего знать, что было в письме, которое Уилберг отправил вам. Можете ли вы и будете ли вы предоставлять мне информацию по этому поводу?"

Джордж на мгновение задумался, затем сказал: "Поскольку я не давал прямого обязательства хранить молчание, я не думаю, что совершу неосторожность, если представлю отчет об этом".

- У вас сохранилось письмо Вильберга?

- Нет, сэр, но я прекрасно помню, что в нем было. Лейтенант фон Вильбергер написал мне, что он играл в азартные игры и потребовал пять тысяч марок (250 фунтов стерлингов) для погашения долга чести. Если он тем или иным способом не получит деньги, он сказал, что ему придется пустить себе пулю в лоб, чтобы отстоять свою честь".

- Проклятая азартная игра! - выругался полковник. - Кто искоренит ее с корнем? После небольшой паузы он спросил: "Вы дали ему деньги?"

- Нет, сэр.

- Карточный долг был оплачен каким-то другим способом, - вмешался граф Ветборн. - Следовательно, полковнику нет нужды беспокоиться по этому поводу.

Полковник вздохнул свободнее. "Что ж, я рад этому". Затем он снова повернулся к Джорджу: "Значит, вы не дали ему денег? Могу я спросить, почему? Не поймите меня превратно; это, конечно, ваше личное дело, одалживали вы Уилльбергеру деньги или нет; но я подумал, что, возможно, вы дали бы их ему по этому случаю. Но, возможно, вы не думали, что он говорил серьезно, что покончит с собой?"

"Должен признаться, что я вообще не думал об этом. Я как раз собирался помочь лейтенанту Уилбергеру, когда узнал о нем кое-что, что сделало это для меня совершенно невозможным.

- И что же это было? - спросил я.

Полковник и граф Уэтборн выжидающе посмотрели на Джорджа.

"Я могу ответить только в общих чертах, поскольку я дал обет молчания".

-За мертвых?

- Нет, живому человеку, которому я обязан своей информацией. И после паузы он продолжил: "Как раз в тот момент, когда я собирался послать лейтенанту Уилльбергеру деньги, которые он просил, я совершенно случайно узнал, что он вел себя с молодой леди, которая тесно связана со мной, таким образом, что любой Суд чести должен был приговорить его к немедленному увольнению в случае, если бы дело получило огласку. С этого момента я больше не мог считать лейтенанта Вильберга офицером и человеком чести, и я помогаю только таким".

Полковник был сильно встревожен тем, что сказал Джордж. Это дело было ему крайне неприятно, и кто знал, что еще может всплыть? Он предпочел бы больше не задавать вопросов, но это не годилось, поэтому он сказал: "Вы знаете, что вашим долгом было проинформировать Суд чести о бесчестных действиях коллеги-офицера, которые стали известны вам".

- Да, сэр, я, безусловно, поступил бы так в данном случае, если бы не был вынужден принять во внимание молодую леди, которая была бы сильно скомпрометирована, если бы я представил информацию Суду чести. Я не думал, что поступаю так оправданно; более того, поскольку я пробыл в полку сравнительно недолго, я не хотел быть причиной расследования в Суде чести поведения товарища-офицера, которого все любили. Я попросил отпуск, чтобы спокойно подумать, могу ли я оправдать свое молчание перед самим собой и моими товарищами-офицерами, и в моем взволнованном состоянии духа я хотел избежать встречи с лейтенантом Уилльбергером. Хотя я обладаю значительным самообладанием, между ним и мной произошла бы

ссора, и дуэль была бы неизбежна - при условии, конечно, что судья Суда чести счел, что благородный человек может послать лейтенанту Уиллбергу вызов.

- Лейтенант Винклер! - изумленно воскликнул полковник. "Офицер моего полка, принадлежащий к одной из благороднейших семей в стране, недостойн того, чтобы ему бросал вызов человек чести — прошу вас, подумайте, что вы говорите".

- Так и есть. Действительно, не слишком приятно выдвигать подобные обвинения против мертвеца, который больше не может защищаться".

- Тогда почему ты это делаешь?

- Чтобы показать вам, что, как честный человек, я не мог поступить иначе, отказавшись отдать Уиллбергу деньги.

Эти слова прозвучали так спокойно, так решительно, но в то же время так благородно и прямолинейно, что полковник встал и пожал руку Джорджу. "Я не только верю тому, что вы говорите, но и абсолютно убежден в этом. Насколько я могу судить, вы, по-видимому, действовали совершенно правильно, и я благодарю вас за то, что вы сразу не предоставили информацию Суду чести, не рассмотрев сначала весь вопрос спокойно. Никогда не бывает приятно проводить расследование в отношении коллеги-офицера, особенно когда, как в этом случае, было бы разбросано много грязи".

"Гораздо больше, - утверждал Джордж, - чем кто-либо мог себе представить".

"Тогда оставим это дело в покое", - решил полковник. - Уилберг ценой своей жизни расплатился со своими долгами, вы поклялись молчать, так что пусть тайна останется при нас.

После еще нескольких вопросов Джордж был отпущен, и полковник обратился к адъютанту: "Э, что вы на это скажете, мой дорогой граф?"

Граф Ветборн продолжал полировать свой монокль, затем высказал свое мнение. - Не могу не сказать этого, мой дорогой полковник, но, по моему мнению, Винклер вел себя во всем этом деле великолепно.

- Я тоже придерживаюсь такого же мнения, но то, что он поклялся ничего не говорить, большая удача; чем меньше будет сказано о покойнике, тем лучше для всех. Я могу себе представить, как все в бригаде и эскадрилье спрашивают, как Уиллберг может вести такую жизнь, а я ничего об этом не знаю. Запомните мои слова, граф: если бы подробности этой истории стали известны, это могло бы стоить нам наших должностей, поскольку обвиняли бы как вас, так и меня — меня, потому что я не был достаточно знаком с тем, что происходило среди офицеров вообще и с Вильбергом в частности. Но для меня совершенно невозможно заботиться о каждом отдельном офицере и замечать, живет ли он не по средствам или нет. Это ваша работа, мой дорогой граф; вы должны предупреждать младших офицеров, когда они ведут себя так экстравагантно и необузданно, и если ваши слова бесполезны, тогда вы должны сообщить мне, чтобы я мог принять меры против соответствующих джентльменов".

Полковник был не на шутку взволнован, он действительно боялся, что его могут уволить. В то время как газеты публиковали поразительные статьи о лейтенанте Уилльберге, он был вызван на аудиенцию к Его Величеству, и Его Величество проявил себя настолько нелюбезно, что

полковнику пришлось очень плохо четверть часа. Ясным, незамысловатым языком Его Величество сказал: "Я должен привлечь полковников моих полков к ответственности за то, что происходит среди офицеров, и когда происходят такие вещи, о которых только что стало известно, это позорит не только полк, которому я оказал свое особое расположение и покровительство, но и всю армию".

Полковник мог только привести в качестве оправдания тот факт, что маленький Вильберг смог обмануть не только его, но и всех своих товарищей-офицеров, и это несколько смягчило гнев Его величества. "Но все равно это большой скандал". Полковника уволили из его присутствия без единого любезного слова, и он дрожал за свою карьеру, но адъютант сумел его утешить. Если бы полковник должен был получить увольнение, он бы уже получил его, и теперь, когда полковник увидел Его Величество, ему было совершенно безразлично, что говорят бригады и дивизии. Теперь ни с полковником, ни с ним самим ничего не могло случиться; на самом деле, он не мог нести личную ответственность за то, что произошло. Тем не менее, он был очень рад, что Джордж дал обет молчания. Ибо в противном случае могло бы всплыть гораздо больше вещей, связанных с азартными играми. Действительно, это могло стоить ему должности за то, что он в качестве полкового адъютанта не просто разрешал азартные игры в казино, но и в определенной степени участвовал в них. Поэтому он испытал огромное облегчение оттого, что дело так легко разрешилось, и решил при следующем подходящем случае замолвить словечко за Джорджа и сказать офицерам: "Ребята, поведение Винклера было безупречным; я, конечно, не хочу каким-либо образом влиять на вас, но прошу вас подумать, не будете ли вы в будущем с ним в более дружеских отношениях".

Однако, когда на следующий день граф обратился к офицерам со своей тщательно продуманной речью, он не вызвал ответных чувств. Каждый из них поступил бы так же, как Винклер, — почему же тогда в этом было что-то особенное? И поскольку он не мог сказать того, что, как ему было известно, касалось чести Уилберга, никто действительно не мог судить, так ли уж плохо дело, и выдвигать обвинения против человека, не представив доказательств, действительно было не совсем правильным поступком. Либо он должен был сказать все, либо ничего.

Офицеры продолжали разговаривать в том же духе, и граф с удивлением и досадой выслушивал их критические замечания. Наконец он сказал очень серьезно: "Джентльмены, я могу только повторить, что, по мнению полковника, а также по моему собственному, лейтенант Винклер действовал совершенно правильно. Если вы думаете, что у вас есть хоть малейшее основание для жалоб на него, я могу только заверить вас, что вы ошибаетесь, и я самым серьезным образом советую вам не высказывать Винклеру только что высказанных вами взглядов. Могут быть результаты, которые вас не устроят. Я прошу вас обратить внимание на то, что я сказал".

Офицеры, конечно, сделали это, но слова графа не помогли изменить их отношение к Джорджу. Сначала его присутствие было им просто неудобно, теперь они начали ненавидеть его. Им было более чем неприятно, что это был Джордж, "посторонний", которого они пытались держать на расстоянии вытянутой руки, который знал о жизни Уилльберга больше, чем они сами, который был осведомлен о вещах, затрагивающих честь покойного, которые, по утверждению полковника, было бы неразумно публиковать. По их мнению, ему следовало поговорить с ними по секрету; они смогли бы судить, действительно ли то, что сделал Уилберг, было так плохо, и

они действительно рассудили бы справедливо, хотя в то же время и без суровости, поскольку это касалось человека их собственного класса. Что заставило графа заговорить таким образом? Другими словами, он сказал: "У вас есть все основания поблагодарить лейтенанта Винклера, который ушел в отпуск, чтобы избежать встречи и, как следствие, дуэли с лейтенантом Уиллбергом". Это было действительно хорошо. Они, аристократы, были обязаны поблагодарить единственного *буржуазного* офицера в полку. Одна только мысль об этом сводила их с ума. И, кроме того, кто знал, что Джордж действительно руководствовался такими благородными мотивами, как он утверждал, когда брал отпуск. Возможно, он просто сказал себе: "Если я увижу его, будет дуэль"; и поэтому он отправился в отпуск, уверенный, что больше никогда не встретит Вильберга живым. Он уклонился от дуэли просто из трусости; он "струсил", и следует ли позволить такому офицеру остаться в полку?

Чем больше офицеры обсуждали этот вопрос, тем больше они приходили в ярость, а вино, которое в таких случаях свободно распространялось по кругу, усиливало их возбуждение.

"Мы должны послать депутацию к полковнику и сообщить ему, что мы отказываемся больше оставаться в одном корпусе с Винклером. Или он, или мы!" - раздался хриплый голос.

Но самые разумные из них советовали соблюдать осторожность; все было не так уж плохо. Все знали, что Его Величество защищал его, и если бы он услышал, какие чувства вызывал Винклер и как они решили не оставаться с ним в одном полку, Его Величество был бы серьезно разгневан, тем более что в последнее время Его Величество не был так хорошо расположен к полку, как в прежние дни. Прежде всего они должны были дать вырасти траве на могиле Уилберга; после этого они могли бы разобраться с Джорджем. В настоящее время не оставалось ничего другого, как еще яснее, чем когда-либо, показать ему, что ему не рады среди офицеров; возможно, он сам позаботится о том, чтобы добиться своего обмена, и если он, *буржуа*, недостаточно деликатен, чтобы понять это, это нужно было каким-то образом донести до него.

Джордж вскоре заметил, что все относились к нему с ледяной вежливостью, заговаривали с ним только тогда, когда это было абсолютно неизбежно, и отвечали на его вопросы как можно короче.

Две недели Джордж терпел такое обращение, затем пошел к адъютанту полка, единственному, кто за все это время относился к нему как к другу и товарищу.

"Я знал, что вы придете ко мне", - сказал граф. "Я сделал все, что было в моих силах, чтобы устранить неприязнь, которая существует против вас среди офицеров. Я говорил от вашего имени и предупреждал их, чтобы они не доводили вас до крайностей, но, к сожалению, безуспешно. Нет необходимости говорить вам, что большинство из них винят вас за ваше поведение в деле Уилберга; они знали, что он просил у вас денег, и они винят вас за то, что вы не дали ему их. Они думают, что если бы вы это сделали, Уиллберг не лишил бы себя жизни. Действительно ли ваши деньги спасли бы его — следует помнить, что его карточные долги были выплачены, — или были другие причины, вынудившие его свести счеты с жизнью, может сказать только сам Уиллберг, и его рот закрыт навсегда. Я пытался разъяснить это офицерам, но и в этом я потерпел неудачу. Кроме того, у них, похоже, есть против вас много чего другого".

Джордж сидел напротив адъютанта, бледный как смерть. "Так вот оно что. Я всегда так думал, но не ожидал таких серьезных обвинений. Что я могу сделать?"

- Я уже говорил с полковником. Лучше всего было бы для вас потребовать официального расследования в Суде чести в отношении вас самих, но для этого нет — я чуть было не сказал "увы!" — ни малейших оснований. Возможно, отношение к вам изменилось бы, если бы вы могли сообщить полковнику и мне, что вы слышали в последний момент о Вильберге, что помешало вам помочь ему и какие у вас были основания для предъявления ему таких тяжких обвинений. Ты не можешь мне сказать? Если хочешь, я сохраню абсолютное молчание, хотя, конечно, было бы лучше, если бы все знали об этом".

"У меня было разрешение сообщать вам о том, что я узнал в тот день, когда я считал это абсолютно необходимым. Я считаю, что теперь, ради моего же блага, я не должен больше хранить молчание". И затем он рассказал о том, что рассказала ему Ольга.

Адъютант слушал с большим вниманием, и когда Джордж закончил, он долго сидел молча.

- Могу я узнать ваше мнение по этому поводу, сэр?

Граф продолжал молчать, затем внезапно вскочил. - Ах, какой подлый поступок! Он с отвращением покачал головой и еще раз повторил: "Какая гадость!"

Джордж с самого начала сознавал, что поступил правильно, но теперь он вздохнул свободнее и сказал: "Тогда вы можете понять, почему я не дал ему денег?"

Граф быстро повернулся к нему. - Понял? Ну, это было само собой разумеющимся, что вы... — он попытался подобрать имя для Уилберга. - Я имею в виду, что вы, конечно, не могли помочь ему в сложившихся обстоятельствах, и все будут того же мнения. Я сочувствую вам и молодой леди; для вас было бы крайне болезненно, если бы эта история стала известна, но не было бы необходимости называть никаких имен".

"Я не уверен, что имею право просить вас сообщить полковнику о том, что я вам только что сказал, но я буду нести за это ответственность. Возможно, он поговорит с офицерами и скажет им, что он все знает и одобряет мое поведение. Возможно, это приведет к желаемому результату".

"Это необходимо; я попрошу полковника серьезно поговорить с офицерами, и если они не захотят прислушаться к голосу разума по собственной воле, их придется заставить это сделать".

- Благодарю вас, сэр.

Адъютант повернулся, чтобы уйти, и пожал руку Джорджу. Это был первый раз, когда граф предложил ему руку, первое дружеское отношение, которое он получил за долгое время, первый раз, когда кто-то говорил с ним тепло и сердечно и сочувствовал ему. Конечно, это ничего не меняло, но, несмотря на это, Джордж чувствовал себя счастливее и веселее, чем когда-либо за долгое время, и сознание того, что поступил правильно, приносило огромное удовлетворение.

Ольга едва узнала его, когда вошла в тот вечер; в последнее время она навещала его почти ежедневно, потому что Джордж вечер за вечером сидел дома и думал о том, что произойдет. Он не принимал никаких приглашений, никуда не ездил; он жил сам по себе и проводил много времени за написанием длинных писем своим родителям, в которых оплакивал свои несчастья. В его натуре было необходимо выражать свои чувства людям, которые заботились о нем, но по мере написания писем Ольга регулярно бросала их в огонь. "Твои родители не могут помочь тебе или дать совет", - ответила она ему в первый раз, когда уничтожила его письмо, и он увидел, что она была совершенно права.

Сегодня, придя, она спросила, закончил ли он свое письмо, и с трудом поверила, когда он сказал, что вообще ничего не писал.

- Что же произошло потом? - спросил я.

Он рассказал ей о своем разговоре с адъютантом и в конце спросил: "Как вы думаете, люди должны знать, как Уилберг обращался с вами?"

Ольга долго сидела, задумавшись, потом сказала: "Ты мне очень дорога, я бы с радостью разрешила тебе говорить открыто, но это было бы неразумно, особенно из-за тебя. Какое значение для мира имеют наши отношения друг с другом? Никто не ожидает, что молодой лейтенант будет святым, но ему не нужно афишировать на весь мир тот факт, что у него есть "подруга", и уж точно никому не нужно знать, как ее зовут и что с ней случилось. Нашлись бы люди, которые обвинили бы тебя, и почему ты должен подвергать себя этому?"

Он поцеловал ее в лоб. - Ты права, как всегда.

Он не мог сказать, как это было, но внезапно ему стало интересно, как Хильдегарда воспримет такую новость. Он не видел ее с момента своего возвращения, но каждый день его мысли возвращались к ней, и теперь он ясно видел ее образ перед собой.

- Джордж, о чем ты так серьезно думаешь? - спросил я.

Он очнулся от своих мыслей и обнаружил, что Ольга стоит перед ним и смеется.

- Ты совсем забыл обо мне, не так ли? По крайней мере, минуту ты смотрел прямо перед собой. О чем ты думал?"

Он не ответил на ее вопрос. - Не сердись, - взмолился он. - мои мысли были далеко.

- В прекрасном Париже?

Он не смог удержаться от смеха. - Не совсем, но теперь они снова вернулись к тебе, - и он нежно привлек ее к себе.

ГЛАВА IX

Унижение "Золотых бабочек"

Было созвано офицерское собрание, на котором было приказано присутствовать всем офицерам полка, за единственным исключением лейтенанта Винклера, и поведение полковника по отношению к своим лейтенантам было отнюдь не мягким. В своем нынешнем возбужденном состоянии духа и со страхом перед возможным увольнением в конце концов, он собирался хорошенько позаботиться о том, чтобы больше не было скандалов среди его офицеров, и один из них, безусловно, был бы неизбежен, если бы их поведение по отношению к лейтенанту Винклеру не изменилось. Поэтому он объяснил им дела Уилльберга, насколько это было оправдано, и заверил их, что Джордж вел себя великолепно — действительно, многие из них могли бы брать с него пример. Сначала полковник думал послать к Джорджу делегацию из трех лейтенантов, чтобы передать ему выражение доверия его товарищей и извиниться за их несправедливые подозрения. Он подробно обсудил со своим адъютантом, не имеет ли Джордж права на какую-нибудь существенную компенсацию, но тот не принял его точку зрения. Придавать слишком большое значение этому делу значило принести больше вреда, чем пользы. Если бы полковник настоял на официальном извинении, это снова вызвало бы сильное возмущение; гнев офицеров вспыхнул бы с новой силой, и они сочли бы компенсацию еще большим унижением, потому что Джордж был всего лишь буржуа, а аристократу всегда очень неприятно говорить такому человеку: "Я поступил с вами несправедливо". После долгих обсуждений полковник согласился с этой точкой зрения, и поэтому он лишь разразился громоподобной филиппикой, закончившейся словами: "Я приказал графу Ветборну ежедневно сообщать мне о вашем поведении лейтенанту Винклеру; если до меня дойдет хоть одна жалоба, если я услышу, что в будущем кто-либо из вас ведет себя так, что это недопустимо ни при каких обстоятельствах, я прикажу отправить соответствующего офицера в пограничный гарнизон в течение трех дней. Я клянусь в этом".

Это возымело свое действие; по крайней мере, в том смысле, что в будущем офицеры не осмеливались открыто выступать против лейтенанта Винклера или произносить враждебные речи и замечания в его адрес. Их чувства не изменились, и они не стали более дружелюбными из-за речи полковника, но они держали свои мысли при себе и вели себя по отношению к нему более вежливо, если, возможно, не более дружелюбно. На самом деле, Джорджу по-прежнему предлагали очень мало того, что было в качестве дружбы, но все же это было значительно больше, чем он в последнее время смел надеяться. Нынешнее поведение его товарищей-офицеров наполнило его определенным удовлетворением, и, будучи великодушным человеком, он почти сожалел, что им пришлось вынести такие резкие слова в его адрес; но в своем поведении и в общении с ними он не выдавал ни того, ни другого чувства. Он был вежлив и дружелюбен, но в то же время независим и полагался на себя, каким был с самого начала. Он действительно вел себя так, как будто понятия не имел о том, что произошло на офицерском собрании, и официально он ничего не знал, поскольку граф Ветборн не считал целесообразным сообщить ему напрямую, что было сказано о нем остальным; это было бы слишком большим унижением аристократии в глазах среднего класса. Тот факт, что Джордж так ловко симулировал неведение, что ни единым словом не намекнул на их прежние подозрения в его адрес, что он ни на кого не держал зла и что, хотя он получил достаточное удовлетворение в результате сурового выговора полковника, он все еще оставался скромным и непритязательным

в своих манерах и не разыгрывал роль оправданной невинности, произвел определенное впечатление на лучших людей среди офицеров.

Хотя Джордж ничем не выдал всего этого, он заметил, что очень медленно его чувства к нему слегка изменились. Он только рассказал об этом Ольге, а в своих письмах домой просто сообщал, что очень скоро будет вполне счастлив в полку. Действительно, пора было, потому что он больше года провел среди "Золотых бабочек". Джордж чувствовал себя теперь совершенно другим человеком. Его веселый нрав снова проявился, и его счастливая натура прогнала все печальные мысли, которые в последнее время так переполняли его разум.

Он получал гораздо больше удовольствия от своих служебных обязанностей, чем раньше, и как раз тогда произошло несколько событий, которые сделали их приятнее, чем обычно. Его капитан уехал на несколько дней, его первый лейтенант был в отпуске, и, поскольку в полку было очень спокойное время, Джордж получил командование своей ротой.

Сегодня рота занималась стрельбой, а теперь был смотр мушкетеров. Джордж сначала доверил это дело одному старшему сержанту, но в последний момент решил, что его долг - провести личный осмотр. Он появился совершенно неожиданно. Мужчин выстроили в коридоре, и, поднимаясь по ступенькам, Джордж слышал сверху такой ливень проклятий, что поспешил дальше. Крик: "Лейтенант идет!" - на мгновение вызвал абсолютную тишину, и старшина поспешил к нему, чтобы отдать честь.

- Но, сержант, в чем же дело? Вы знаете, как наш капитан настаивает на хорошем тоне в компании, и мне бы не хотелось, чтобы в его отсутствие что-то изменилось. Что случилось?"

- Ничего, сэр. Лейтенант знает, как все звучит в коридоре, если говорить чуть громче обычного, а это нужно делать, чтобы тебя поняли. Возможно, я был немного зол на человека, чей пистолет был плохо вычищен".

- Не сердись на него, но запиши это и еще раз осмотри пистолет.

- Конечно, сэр. Я выполняю ваши приказы.

Джордж стоял сбоку от сержант-майора, и теперь тот отпустил его. - Продолжайте инспекцию.

Старшина вернулся на свое место, а Джордж медленно прошелся вдоль строя, разглядывая форму солдат. Внезапно он остановился перед солдатом.

- Петерсен, что ты с собой сделал? - спросил я.

У мужчины был опухший и воспаленный глаз и большой фурункул на лбу, который мешал ему правильно носить кепку.

- Ты ужасно выглядишь. Что с тобой случилось? - еще раз спросил Джордж.

- Я упал.

- Где? -спросил я.

- На ступеньках.

"Это то, что я всегда говорю. Вы, лентяи, даже ходить не умеете, и все же воображаете, что годитесь для парадного марша".

Джордж пытался обратить все в шутку и, как правило, обнаруживал, что его подчиненным нравится такой способ обращения; но сегодня его слова не вызвали никакого отклика. Петерсен не рассмеялся, и стоявших рядом мужчин это явно не позабавило. Это показалось Джорджу немного странным, но все же он больше не думал об этом и повернулся, чтобы уйти, когда случайно его взгляд упал на унтер-офицера фон Ниссева, который стоял немного поодаль от него у окна и смотрел на Петерсена таким угрожающим и пламенным взглядом, что Джордж на мгновение невольно испугался.

Затем внезапно он осознал истинный смысл происходящего. Его инстинкт, который с самого начала заставил его невзлюбить фон Ниссева, не обманул его тогда. То, что он только что увидел, заставило его решить разобраться в этом деле до конца, поэтому он вернулся к солдату и подверг его перекрестному допросу. Когда он упал? Кто был там, когда это произошло? Был ли он в палате, и медсестра перевязывала его раны? Кто был в палате, когда он вернулся? Но он ничего не мог добиться от этого человека; он упал, никто этого не видел, и он никому не сказал, потому что не хотел выставлять себя на посмешище из-за своей неуклюжести.

- Что вам известно об этом деле, унтер-офицер фон Ниссев? - спросил Джордж, внезапно поворачиваясь к нему. - Вы несете ответственность за этих людей. Почему вы не отправили этого человека в палату? Рана выглядит ужасно.

Унтер-офицер продолжал угрожающе смотреть на солдата. "Я ничего не знаю об этом, сэр. Я обнаружил травму только перед самым осмотром, а потом было слишком поздно отправлять его к медсестре".

Георг прекрасно знал, что фон Ниссев говорит неправду, но он не хотел обвинять его во лжи перед собравшимися людьми на основании дисциплины и субординации.

-Покажи мне место на ступеньках, где ты упал.

Ловкий лжец показал бы Джорджу то или иное место и сказал: "Сюда, сэр". Но солдат так мало привык к лицемерию и скрытности, что не знал, идти ему направо или налево, и Джордж еще раз поставил его в известность. "Я хочу вам кое-что сказать, Петерсен; вы знаете меня, и вы знаете, что я стараюсь действовать честно по отношению ко всем вам и закрываю глаза, когда могу, но если вы будете стоять здесь, лгать мне и выставлять меня дураком, я действительно очень разозлюсь, и могу заверить вас, что вы не оцените *эту* сторону меня. Ну, а теперь выкладывай. Даю тебе слово, что ты за это не пострадаешь. Где ты упал?"

В голове Петерсена происходила борьба. Наконец он сказал: "Я вообще не падал".

— Но... что произошло потом?

- Унтер-офицер фон Ниссев ударил меня сковородкой по голове.

Джордж был взбешен сверх всякой меры, хотя с самого начала ни на минуту не сомневался, что произошло нечто подобное; тем не менее, он не хотел выдавать своих чувств по отношению к

подчиненному, поэтому только сказал: "Так вот оно что. Что ж, хватит. Теперь возвращайся в строй."

Но рядовой все еще стоял в напряженной позе перед своим лейтенантом и не двигался. "Вы хотите сказать что-нибудь еще?" - спросил Джордж. - Вы знаете, Петерсен, что сегодня вы не можете подать жалобу на фон Ниссева. Вы не должны делать этого до завтрашнего дня, иначе вы сами понесете наказание".

- Сэр, с вашего позволения, я не хочу ни на что жаловаться.

- Тогда чего же ты хочешь?

Солдат, высокий, сильный, хорошо выглядящий мужчина, дрожал всем телом.

- А теперь выкладывай. Ты можешь мне доверять. В чем дело?

- Осмелюсь ли я смиренно попросить вас не говорить унтер-офицеру, что я сообщил вам правду по его делу, ибо тогда он снова выпорот меня и заставит моих товарищей избивать меня своими тяжелыми кнутами.

Джордж невольно отступил на шаг. - Что вы имеете в виду? Вам это только кажется. Можете ли вы поверить, что один из ваших начальников способен на такое? Он говорил вопреки своим собственным убеждениям, но ради дисциплины он был обязан поддержать тех, кто обладал властью; возможность узнать всю правду представится позже.

Петерсен все еще дрожал. - Мы достаточно хорошо знаем этого унтер-офицера. На прошлой неделе Мейер намеревался подать жалобу из-за того, что выбил ему два зуба, но он услышал это и тогда ударил его хлыстом для верховой езды, пока не потекла кровь, и нам тоже пришлось ударить его".

- Но как ты мог так поступить? - спросил я.

"Унтер-офицер пригрозил нам, что позаботится о том, чтобы у нас не было отпуска в воскресенье, и он дразнил нас до тех пор, пока мы не обезумели от гнева, и мы возили Мейера по дому, пока он не потерял способность двигаться".

- Ну, и что дальше? - спросил Джордж, который едва сдерживал негодование.

Затем унтер-офицер достал старую Библию и заставил Мейера поклясться на ней, что он не подаст жалобу, а затем сказал Мейеру, что в противном случае он лжесвидетельствует, а лжесвидетельство карается тюремным заключением".

Джордж был ужасно разгневан тем, что услышал, но, несмотря на это, сказал, по-видимому, совершенно спокойно: "Очень хорошо, теперь хватит, становись в строй".

Но Петерсен снова не двинулся с места и спросил почти плачущим тоном: "Сэр, вы действительно ничего не скажете об этом унтер-офицеру?"

- Я не могу этого обещать, но даю вам слово, что фон Ниссев не будет плохо обращаться с вами сегодня вечером. Он больше ничего вам не сделает. Тебя это устраивает?

Петерсен покачал головой. "Тогда это сделают другие унтер-офицеры, они все в одной ложе; они не все такие жестокие, но все они бьют нас".

Джордж притворился, что не расслышал последних слов. - Можешь быть спокоен, сегодня с тобой ничего не случится. Я сам пробуду в казармах всю ночь и присмотрю за порядком. Остается надеяться, что теперь вы удовлетворены.

- Да, сэр.

Петерсен встал в строй, и Джордж уже собирался вернуться в роту, когда заметил фон Ниссева, стоявшего немного поодаль; очевидно, он ждал, чтобы заговорить с ним, и едва Джордж остался один, к нему поспешно подошел унтер-офицер.

- Чего вы от меня хотите? - коротко спросил Джордж.

Ниссью тщетно пытался скрыть свою тревогу, и взгляд его беспокойных глаз был более рассеянным, чем обычно.

- Чего ты хочешь? - снова спросил Джордж.

Унтер-офицер безуспешно пытался совладать со своим голосом, он заметно дрожал, когда он сказал: "Я хотел спросить вас со всем уважением — я могу себе представить, что Петерсен только что сказал вам, — и я хотел спросить, не будете ли вы так добры не верить ни единому его слову; он величайший лжец и клеветник во всей роте. Наш капитан знает это и отдал мне приказ уделять особое внимание Петерсену, который тайно является социал-демократом. Его товарищи знают это. Вы можете спросить всю роту и всех капралов, и они скажут вам то же самое. Петерсен лжет".

Лицо Джорджа выражало безграничное презрение, ибо каждое слово Петерсена показывало, что он говорит абсолютную правду. Пока Джордж разговаривал с ним, Ниссью, несомненно, воздействовал на его людей и угрожал им новым жестоким обращением, если они не подтвердят, что Петерсен лжец. Чувство невыразимого отвращения и величайшего ужаса охватило Джорджа; он презирал его за жестокое обращение с беззащитным подчиненным, но еще больше за то, что он пытался таким образом отрицать свою вину. Он повернулся к нему и сказал: "Не только скотина, но и трус? Тьфу!"

Унтер-офицер побледнел, но сделал еще одну попытку оправдаться. "Вы знаете, сэр, что наш капитан думает обо мне; он действительно сообщил вам, сэр, и когда он вернется из отпуска и поговорит с вами, сэр, обо мне, вы увидите, что были ко мне жестоко несправедливы".

Джордж ясно осознал внутренний смысл этих слов; они напомнили ему то утро, когда он получил выговор от своего начальника из-за подчиненного офицера, и он увидел, как обрадовался Ниссью, узнав, что ему сделают выговор во второй раз за то, что он посмел усомниться в таком превосходном офицере, как он сам. Вены на его лбу вздулись, но с огромным усилием он взял себя в руки и сказал: "Унтер-офицер фон Ниссев, несправедлив я к вам или нет, будет решено позже, в настоящее время я более чем подозреваю вас в предполагаемом жестоком обращении с вашими подчиненными".

фон Ниссев снова хотел защищаться, но появился старший сержант и объявил, что все мушкеты проверены.

"Это счастье, что вы пришли, старший сержант"; а затем, повернувшись к нему, он сказал твердым, ясным голосом: "Старший сержант, заберите у унтер-офицера фон Ниссева саблю и поместите его под арест до проведения расследования".

Унтер-офицер побелел, как побеленные стены, и отступил назад.

"А теперь, сержант-майор, почему бы вам не заняться своей работой?" - спросил Джордж, все еще не решаясь выполнить приказ. - Ты что, не понял меня?

- Да, сэр, - все еще колеблясь, ответил старшина. - Я только подумал, сэр, что сказал бы капитан, когда услышал это.

Непроизвольным движением Джордж положил руку на саблю. - Клянусь Юпитером, сержант-майор, вы или я командуем этой ротой? Я требую ответа.

- Вы, сэр.

- Что ж, я рад, что вы это понимаете, а теперь либо арестуйте унтер-офицера, либо я накажу вас за неповиновение.

Эта энергичная речь возымела свое действие, и старшина больше не сопротивлялся.

- Отстегни свой меч, фон Ниссев.

Унтер-офицер совершенно машинально расстегнул ремни, и сабля упала на землю.

Старший сержант поднял его. - Идем.

Ни разу не подняв глаз, фон Ниссев с трясущимися коленями спустился по ступенькам вместе со старшиной, и немного позже Джордж увидел, как они вместе пересекли двор, а затем исчезли в караульном помещении, которое находилось в крайнем правом углу большой казармы.

Теперь Джордж впервые ясно осознал, что он натворил, и на мгновение его охватили сомнения относительно того, не поступил ли он опрометчиво и необдуманно. Затем он вызвал к себе Мейера, пересказал ему слова Петерсена и спросил под честное слово, правда ли все это.

- Вас заставили поклясться?

- Да, сэр.

- Тебя били? - спросил я.

- Я все еще могу показать вам отметины, сэр.

Солдаты, несомненно, должны были видеть, что унтер-офицер был арестован, иначе Мейер не говорил бы так открыто.

- Покажи им меня.

Мужчина спустил брюки, и Джордж отчетливо увидел кровавые рубцы, оставленные тяжелым кнутом.

- Этого будет достаточно.

Мужчина снова одернул свою одежду, и, несмотря на следы жестокого обращения, Джордж не мог не почувствовать почти удовольствия при виде их. Он не обвинил фон Ниссева несправедливо; вот доказательства его вины.

Вскоре после этого вернулся старшина. "Приказ выполнен".

- Благодарю вас, распустите людей. Я хочу поговорить с унтер-офицерами наедине.

Последние стояли полукругом вокруг своего лейтенанта, и Джордж намеренно заставил их вытянуться по стойке "смирно", чтобы его слова произвели еще большее впечатление. "Я хочу немедленно проинформировать вас, что я поместил фон Ниссева под арест за грубое жестокое обращение со своими подчиненными. Как это часто бывает, это дело всплыло совершенно случайно. Если бы я не присутствовал сегодня на инспекции, как это первоначально было моим намерением, я, вероятно, никогда бы не узнал об этом, и эти отвратительные зверства, ибо я не могу назвать их иначе, продолжались бы. Мне сообщили, что многие другие унтер-офицеры действовали точно так же, как фон Ниссев. Я не могу быть уверен, знали ли вы об этом жестоким обращении и не уведомили об этом, или же вы также жестоко обращались со своими людьми. Я не буду сейчас разбираться в этом; скорее это будет предметом судебного расследования. Сегодня я только хотел сказать вам, что любому из вас, кто не чувствует себя абсолютно свободным от чувства вины, должно быть очень стыдно за себя. Я, конечно, последний человек, который стал бы винить унтер-офицера, если в порыве гнева на глупость или упрямство солдата он настолько теряет самообладание, что наносит ему удар или толкает. Наши люди вполне понимают это, и они не возражают против удара, нанесенного в состоянии возбуждения; они знают, что это ничего не значит, и они прекрасно знают, что когда они перестанут быть новобранцами, они, в свою очередь, тайно толкнут или ударят, не подразумевая под этим ничего жестокого. Но в мире существует огромная разница между забвением себя в своем рвении к долгу и сознательным и обдуманном жестоким обращением с кем бы то ни было. Первое является человеческим, второе просто жестоким и подлым. Заслуженное наказание будет применено к унтер-офицеру фон Ниссеву и ко всем, кто виновен в таком жестоким поведении. Теперь я хочу очень кратко поговорить с вами о другом вопросе. Мне сказали, что солдаты боятся оставаться с вами наедине сегодня ночью в казармах, потому что они опасаются, что вы отомстите им за то, что я арестовал унтер-офицера фон Ниссева. Для вас это прекрасное свидетельство того, что мужчины боятся вас, вместо того чтобы доверять вам, и вы все, должно быть, очень гордитесь этим фактом". В этих словах была горькая ирония. Затем Джордж продолжил: "Я полагаюсь на вашу честь, что эти опасения беспочвенны, но я пообещал проследить, чтобы сегодня вечером никто не подвергся жестокому обращению. Поэтому я приказываю старшине и сержанту присматривать за мужскими туалетами до отхода ко сну и менять караул каждые два часа, а все двери должны оставаться открытыми. В девять часов я заступаю на дежурство. Это все, что я хотел тебе сказать.

Унтер-офицеры были уволены. Во время своей речи Джордж внимательно изучал их лица — очень многие из них попеременно краснели и бледнели, некоторые пытались вести себя так, как будто все это их не касалось и как будто они были полностью свободны от всякой вины, но Джордж чувствовал, что очень немногие имели абсолютно чистую совесть.

Джордж пошел со старшиной в читальный зал роты, чтобы составить отчет о случившемся и представить его батальону. Затем оно будет направлено в полк, а затем, ввиду серьезности дела, в вышестоящие суды. Он отослал младшего капрала, который обычно исполнял обязанности писаря, и повернулся к старшему сержанту. Тот был в ужасе от того, что услышал и увидел, и говорил об этом совершенно свободно. - Скажите мне, сержант, как такое возможно? Как это возможно, чтобы подобное продолжалось неделями и никто ничего об этом не знал? Вы что-нибудь знали об этом? Вы живете с мужчинами в одном коридоре; вы, должно быть, часто, как днем, так и ночью, обходили комнаты — вы не заметили ничего подозрительного?

Вместо ответа старшина только пожал плечами.

- Что это значит? - спросил я. - ты же не хочешь сказать, что все это стало для тебя абсолютной неожиданностью? - требовательно спросил Джордж.

"Нет, не совсем так, - ответил старшина после небольшой паузы, - но когда придет время говорить, я буду чувствовать себя совершенно спокойно; я знаю, что буду вызван в качестве свидетеля на следствии и должен сказать под присягой все, что мне об этом известно".

- И что тебе известно? - спросил я.

- На самом деле очень мало, сэр, и я могу с чистой совестью поклясться, что никогда ничего не видел и не слышал, и я могу столь же правдиво поклясться, что ни один человек никогда не приходил ко мне с жалобой. Я должен был понести наказание, если бы кто-нибудь обратился ко мне с официальной жалобой, а я не передал ее в соответствующие органы".

- Совершенно верно, и вы говорите, что ваша совесть совершенно свободна от вины.

- Я действительно так думаю, сэр, и я уверен, что они не смогут выдвинуть против меня никаких обвинений в ходе расследования, а это важно для старого солдата, который через несколько месяцев отслужит свои двенадцать лет и заработает чаевые и пенсию.

"Внешне это, конечно, так, - согласился Джордж, - но ваши слова, по-видимому, указывают на то, что на самом деле вы не чувствуете себя абсолютно свободным от всякой вины".

- Вы правы, сэр. Как я только что сказал вам, я ничего не видел и не слышал, но мне часто казалось, что у людей под командованием фон Ниссева все шло не совсем удовлетворительно. Очень часто тот или иной из его людей падал и ушибался, или он натыкался на что-нибудь в темноте. Я несколько раз отчитывал фон Ниссева и говорил ему: "Вы ведь не бьете своих людей, не так ли?" и, естественно, он отвечал отрицательно. Возможно, мне следовало бы после этого заявить, что он лжет, но что я мог поделаться? Должен ли я допрашивать людей за спиной унтер-офицера? Скорее всего, это было бы правильно, но тогда вскоре наступил бы конец всякой дисциплине и субординации. Боже мой! когда подумаешь, как легко можно было управлять этими ребятами в прежние времена, как можно было обвести их вокруг своего мизинца, а теперь? Этого достаточно, чтобы заставить плакать старого солдата; а затем газеты уничтожают и подрывают то небольшое, что у нас еще осталось, несмотря на двухлетнюю службу, своими проклятыми писульками о жестоком обращении с подчиненными. Поэтому вы не можете винить старого солдата, если он не делает больше, чем просто обязан, для публикации этих рассказов".

Джордж отчасти согласился с ним. "И все же это неправильно".

"Я знаю, сэр, но что произошло бы, если бы я официально сообщил о чем-то, о чем официально я не имел ни малейшего представления? Они не позволили бы мне продлить срок службы в армии; я не получил бы положенных мне чаевых, и что бы тогда со мной стало? Не то чтобы они хотели наказать меня, отказав мне в повторной вербовке; напротив, они могли бы даже похвалить мое поведение, но никто из вышестоящих властей не поблагодарил бы меня за то, что я раскрыл такое дело без крайней необходимости".

Джордж не мог не согласиться с мнением сержант-майора и впервые задал себе вопрос: "Как они отблагодарят вас за то, что вы раскрыли этот скандал?"

- Тогда, как вы видите, я женатый человек, - продолжил старшина после небольшой паузы. - Вы знаете, сэр, у меня двое детей, и я не хочу, чтобы меня внезапно вышвырнули с ними на улицу. Любому из нас ужасно трудно найти работу; старые унтер-офицеры часто очень долго ищут работу, потому что на каждом рабочем месте полно народу. Поэтому, конечно, человек остается в армии так долго, как только может, вместо двенадцати лет, двадцати или даже дольше, потому что, во всяком случае, у него есть своя работа, свое жалованье, свой дом, и он не рискует всем этим, если только не будет абсолютно обязан. Человек закрывает глаза ради собственного существования всякий раз, когда может, и это то, что я делал".

- Вы никогда не говорили с капитаном о фон Ниссее?

- Очень часто, сэр. Я неоднократно уведомлял капитана, что, по моему мнению, Ниссю плохо обращался со своими людьми.

- И что же ответил капитан? - с любопытством спросил Джордж.

Сначала он рассмеялся мне в лицо, потом разозлился. Вы, конечно, знаете, что позже Ниссю станет старшим сержантом, и капитан своим поведением показал, что я уже завидовал своему преемнику. Теперь у меня не было причин чувствовать это, потому что фон Ниссеев должен сначала стать сержантом и капралом, прежде чем он сможет освободить меня от моих обязанностей. Я сказал об этом капитану, но он все еще думал, что я ревную, потому что он защищал его, и предупредил меня, чтобы я относился к Ниссу справедливо и не присматривал за ним постоянно. Что ж, тогда я промолчал; только один раз я заговорил, и тогда я обратил внимание капитана на красную отметину, на которой все еще был виден удар по уху, полученный этим человеком. Конечно, этот человек принадлежал к компании Ниссю.

- Капитан вызвал унтер-офицера?

- Я так не думаю, сэр; он только спросил меня, давал ли я никогда в жизни мужчине пощечину. Ну, конечно, я не мог поклясться, что этого не делал, и поэтому капитан сказал, что, по его мнению, мне не следует так сильно жаловаться на Ниссю, когда я сам совершил ту же ошибку.

Джордж задумался. - Скажите мне, старший сержант, как вы думаете, капитан знал что-нибудь о том, как фон Ниссеев обращался со своими людьми?

- Нет, я не думаю, что он это сделал в точности, сэр, потому что Ниссю всегда был очень осторожен. Он редко бил людей по лицу, не было заметно никаких видимых следов его жестокого обращения, и я не могу понять, как он сегодня настолько потерял самообладание, чтобы ударить Петерсена таким образом. Нет, капитан, конечно, ничего не знал об этих вещах, но все же я часто удивлялся, что он позволил фон Ниссеву иметь такую большую власть над людьми. Тот, кто был подвергнут наказанию или чему-либо подобному, должен был сообщить об этом фон Ниссеву. Однажды я пожаловался на это капитану, потому что, видите ли, я старший сержант и не мог позволить кому бы то ни было посягать на мои обязанности, не обратив на это внимания, это выглядело так, как будто мне не доверяли. Но капитан сказал, что я не должен выставять себя на посмеище. Я прекрасно знал, что он полностью доверял мне, у меня было достаточно дел, и просто для того, чтобы облегчить мои обязанности и освободить меня от некоторых из них, он пошел на это. Когда я сказал капитану, что остаются сержант и капрал, он дал понять, что я действительно должен предоставить ему выбор любого унтер-офицера, которого он сочтет наиболее подходящим в качестве моего заместителя; это зависит от личности и не имеет ничего общего с званием".

- Совершенно верно, но для меня всегда было загадкой, почему капитан так благоволил фон Ниссеву.

- Не для меня, сэр. Я знаю капитана много лет; он добросердечный человек, но им очень легко управлять, если кто-нибудь знает, как его обойти. И Ниссю понимал это лучше, чем кто-либо другой; он всегда ухаживал за ним и бегал за ним, как хорошая собака. Мне только интересно, что, черт возьми, скажет капитан, когда вернется из отпуска и услышит об этом деле.

"Мы не должны заставлять капитана ждать новостей так долго; он велел мне телеграфировать ему, если во время его отсутствия в компании произойдет что-нибудь важное. Я совсем забыл об этом. Пожалуйста, немедленно напишите телеграмму: "Приказали поместить унтер-офицера фон Ниссева под арест на время расследования в связи с неоднократным жестоким обращением с подчиненными".

Старшина написал телеграмму, и Джордж лично отнес ее на телеграф.

На следующее утро капитан вернулся из отпуска. Сразу же после получения телеграммы он прервал свой отпуск и теперь пребывал в состоянии возбуждения, которого Джордж не мог ни понять, ни объяснить. Это правда, что это было неприятное дело, но все же он должен быть благодарен ему за то, что тот выяснил положение дел и таким образом помог положить конец любому дальнейшему жестокому обращению. Однако вместо этого, его вышестоящий офицер преисполнился ярости против Джорджа, которая перешла все границы. Сразу же по возвращении он приказал вызвать Джорджа в казармы и разговаривал с ним в такой манере, что последнему было почти невозможно сохранять самообладание и терпеть его упреки. "Я, конечно, далек от одобрения того, что сделал фон Ниссев, но еще меньше я могу одобрить ваше поведение, лейтенант Винклер. Вам следовало проинформировать меня, прежде чем предпринимать какие-либо шаги. Тогда я должен был немедленно вернуться и сам расследовать это дело, тогда пришло бы время принять меры против унтер-офицера. Я, конечно, должен упрекнуть вас за то, что вы действовали так быстро и без должного обдумывания; это выглядит почти так, как будто вы хотели сохранить достоинство и кичиться своим авторитетом. Вы знали, какого высокого мнения я о фон Ниссеве; из уважения ко мне вам не следовало действовать столь импульсивно, тем более что на самом деле для этого не было

никакой срочной причины. Многие вопросы порождают множество ответов — так бывает всегда. Вам следовало спокойно подождать, не подадут ли Петерсен или Мейер официальную жалобу, тогда было бы достаточно времени, чтобы поступить так, как вы поступили; возможно, тогда было бы достаточно вызвать унтер-офицера и пригрозить ему официальным обвинением, если что-либо подобное повторится. Вместо этого вы задаете мужчинам всевозможные вопросы, пока, наконец, не выясняете то, что намеревались выяснить. Вы всегда испытывали сильную неприязнь к фон Ниссю. Теперь, когда вы дали ему волю, возможно, вы удовлетворены ".

Джордж с огромным усилием взял себя в руки. - Я поступил бы точно так же по отношению к любому другому унтер-офицеру.

Капитан издевательски рассмеялся, и кровь прилила к щекам Джорджа.

- Я должен со всем уважением попросить вас, сэр, не подвергать никаким сомнениям мои слова.

- И я должен самым решительным образом попросить вас, сэр, не привлекать меня к ответственности подобным образом. Если то, что я вам скажу, вам не понравится, вы знаете, что имеете право подать официальную жалобу ".

- Да, сэр.

Капитан расхаживал взад-вперед по читальному залу, как дикий зверь; теперь он остановился перед Джорджем, и глаза его были такими свирепыми и налитыми кровью, что последний не на шутку испугался. Он с трудом узнал своего начальника, который до сих пор был воплощением спокойствия и хороших манер.

- Лейтенант Винклер, вы действительно понимаете, что вы натворили? - продолжал старший офицер. - Я ничего не скажу о неприятном положении, в которое вы меня поставили, но даже если бы вы не подумали обо мне, вам следовало бы подумать о полке и даже о себе. Едва люди забыли о скандале, связанном с маленьким Уилбергом, едва нам удалось развеять подозрения в том, что вы действовали не совсем правильно, как вы раскрываете новый скандал, о котором узнают все газеты. Пресса всего мира будет нападать на нас, название полка будет у всех на устах, люди будут поливать нас грязью, и часть ее прилипнет. Если бы подобное произошло в другом полку, это было бы не так плохо, но мы, как гвардейский полк, должны следить за тем, чтобы ничто, касающееся нас, не стало достоянием общественности, что не делало бы нам чести. Грязное белье следовало стирать дома; суровый выговор, о котором следовало частично информировать только вышестоящие инстанции, уладил бы дело. Вы предотвратили это своим слишком поспешным докладом, теперь батальон должен знать об этом деле, и публичный скандал неизбежен. Но даже это еще не конец дела. Его Величество услышит о разбирательстве, и, несмотря на огромную благосклонность, которой вы пользуетесь, Его Величество не одобрит вашего поведения.

- Прошу прощения, что осмеливаюсь противоречить вам, но я прекрасно знаю, что Его Величество думает о жестоком обращении с солдатами.

"Я тоже, - продолжал его начальник, - но нет необходимости делать гору из кротовой кочки, и не следует ворошить грязь без серьезного размышления".

Кровь снова прилила к щекам Джорджа. - Я не сознаю, что совершаю что-то плохое. Однако, если я действовал неправильно, я вполне готов нести ответственность за последствия".

Капитан побагровел. - Скоро вам придется это сделать, нравится вам это или нет, но это не компенсирует ни мне, ни полку. Получите ли вы увольнение или нет, нам совершенно безразлично; нам удавалось существовать без вас в прошлом, и мы продолжим делать это в будущем. Но дело еще не закончено, потому что ты уходишь".

"Возможно, так оно и будет, если преступнику будет назначено суровое и справедливое наказание. Если общественность увидит, что за подобные преступления назначается самое суровое наказание, общественное мнение вскоре успокоится".

- О, так вот что вы думаете, не так ли? - презрительно сказал капитан. "У вас будет масса возможностей объяснить и оправдать свое поведение в этом вопросе".

Джордж был взбешен несправедливым обращением, которому подвергся его капитан, но он решил придерживаться своего решения выдвинуть официальное обвинение против унтер-офицера. На следующее утро капитан вернулся в атаку, когда его вызвали в полковую канцелярию. Там царил неопишемое возбуждение, и хотя начальство формально хвалило его поведение и строго справедливое обращение, ему пришлось выслушать то, чего он никак не ожидал.

- Вам следовало бы помнить, что огласка и, возможно, даже суд падут не только на унтер-офицера. Люди будут спрашивать, как такое было возможно, как это могло произойти, если бы был надлежащий надзор со стороны вышестоящих офицеров. Вы, как лейтенант, прекрасно знаете, что этот надзор может принимать форму постоянного предупреждения унтер-офицеров о том, что они не должны плохо обращаться со своими солдатами, и указания им на результаты, если они будут так поступать. Мы не можем быть в кармане у каждого унтер-офицера, мы не можем постоянно, днем и ночью, инспектировать казармы, мы не можем сделать больше, чем уже сделано, чтобы избежать жестокого обращения. Но, несмотря на все это, мы, старшие офицеры, считаемся в основном ответственными; вы скоро увидите, каков результат этого дела".

Слова вышестоящих офицеров ясно показывали, какой страх они испытывали по поводу собственной карьеры, и Джордж невольно вспомнил, что однажды сказал ему его бывший капитан. Это было что-то в этом роде: "Жестокое обращение с солдатами прекратится, когда произойдут изменения в двух деталях. Прежде всего, вышестоящие инстанции не должны беспокоить офицеров, а капитан и майор должны знать, что одна неблагоприятная проверка не будет стоять им их должностей. Как они трепещут при виде Превосходительства: мужчин обучают только тому, что может устроить хорошее шоу. То, что подходит для этой цели, майор выкрикивает капитану, капитан - лейтенантам, а лейтенанты - унтер-офицерам. Проклятия становятся все хуже и хуже по мере того, как они опускаются по шкале, и унтер-офицеры, должно быть, настоящие ангелы, если они не вымещают свой гнев на солдатах, которые, если и не на самом деле, то все же косвенно ответственны за плохой отчет. Если автоматчик плохо держит ружье, капитана обвиняют в том, что он недостаточно уделяет внимания правильному обращению с оружием в своей роте; выговор несправедлив, и начальству это прекрасно известно, но это не имеет значения: суть в том, что капитан приходит в ярость и выпускает пар. Сегодня никто не заботится о подготовке мужчин, каждый борется за свое собственное

существование. Увольнение ежедневно грозит человеку по тысяче различных причин, и просто для того, чтобы отложить это как можно дольше, против подчиненных совершаются всевозможные злодеяния, которые вызывают к Небесам о справедливости. Путь к продвижению сегодня усеян трупами, и все изменится только тогда, когда мы перестанем жить в эпоху контроля, и когда человек больше не будет работать просто для собственной выгоды, а для всей армии.

"Только тогда спокойствие вернется в умы людей, и они больше не будут стремиться получить побоями и жестоким обращением то, что гораздо легче получить добротой.

- Это первое, что нужно сделать. Во-вторых, это жестокое обращение прекратится, когда вышестоящие офицеры наберутся смелости рассмотреть все жалобы, наказать себя за то, что они видят собственными глазами, или отправить их в вышестоящие суды для наказания. Единственный человек, который в определенной степени обладает таким мужеством, - это очень богатый офицер, для которого не имеет значения, получает ли он свое маленькое жалование или еще меньшую пенсию; или офицер, который пользуется большим расположением властей и может сказать себе: "Это не повлияет на мою карьеру, если я сообщу о жестокостях моих унтер-офицеров, в которых я никоим образом не виноват".

Но офицер, который дрожит и боится за свое будущее, естественно, скажет себе: "Я ни в коем случае не слишком уверен в своем положении, и если станет известно, что мои подчиненные офицеры плохо обращаются с солдатами, я могу с таким же успехом сразу переодеться в гражданское". И кто будет винить бедного капитана или майора, если он попытается избежать подачи жалобы или предупредит унтер-офицера вместо того, чтобы наказать его, когда он ударил человека?"

Тогда Джордж согласился со своим капитаном, но все же он не мог до конца понять, что власти предпочли бы, чтобы он не предавал огласке эту немыслимую жестокость.

"Могу себе представить, - сказал полковник, - что скажет мне его величество. "Сначала история с Уилльбергом, а теперь еще больший скандал из-за унтер-офицеров. В вашем полку, кажется, творятся хорошие вещи". А затем полковник добавил: "Если это дело будет стоить мне должности, это будет ваша вина, только ваша, и только от вас я никогда не ожидал, что вы сыграете с нами такую шутку".

Джордж понял из этого, что полковник, который так недавно вступился за него, ожидал взамен, что Джордж будет больше заботиться о репутации полка, но, несмотря на это, Джордж на самом деле не признавал, что сделал что-то плохое; и внутренний голос подсказывал ему, что он поступил всего лишь так, как должен был поступить каждый честный человек.

Его товарищи, так же как и начальство, обвиняли его в том, что он официально сообщил об этом властям. Не то чтобы они встали на сторону унтер-офицера; напротив, раздались всеобщие возгласы величайшего возмущения, когда Джордж рассказал им, какими ушибленными были солдаты, но все же для них более важной, чем благополучие солдат, была добрая репутация полка.

Сначала история в офицерском корпусе, потом этот скандал с унтер-офицерами — они были понижены в общественном мнении, и в будущем люди, естественно, скажут: "Среди "Золотых

бабочек" творятся чудеса; лейтенанты стреляются, а унтер-офицеры избивают солдат до тех пор, пока те не могут стоять".

И Джордж снова заметил, что всем им вдвойне неприятно, что именно он, единственный плебей в полку, обнаружил плохое положение дел в роте.

И снова Джордж пережил ужасные времена; его положение среди офицеров было подорвано, и официально его жизнь была едва ли сносной. Его капитан относился к нему с презрением, из-за которого ему часто с трудом удавалось сохранять самообладание; полковник насмехался над ним при любой возможности, а в лице своего первого лейтенанта, барона фон Маземанна, он имел способного помощника. Последний всецело поддерживал капитана и считал теперь более чем когда-либо своим долгом давать образование Джорджу и действовать в качестве его школьного учителя.

Тем временем расследование продолжалось.

Сразу же после первого допроса обвиняемого, ввиду серьезности предъявленного обвинения, об этом деле пришлось сообщить в отдел. Почти ежедневно проводились экзамены, и половина роты всегда была на пути в Суд. Затем, слишком скоро, стали известны все масштабы жестокого обращения; за исключением нескольких младших капралов, среди людей фон Ниссева не было ни одного, кого не избили бы до крови, и младшие капралы, подстрекаемые фон Ниссегом и подкупленные привилегиями, которые были запрещены, помогали ему в меру своих сил. Они также били и жестоко обращались со своими товарищами, насколько могли. Другие офицеры, а также фон Ниссег, плохо обращались со своими подчиненными, хотя и не так жестоко, и в оправдание своего поведения все они давали одно и то же объяснение: "Капитан запретил нам ругаться матом и употреблять нецензурные выражения. Он пригрозил, что не позволит нам повторно записаться в армию, если мы не будем действовать в соответствии с его правилами. Поэтому мы не осмеливались использовать какие-либо резкие выражения по отношению к нашим мужчинам; если мы сообщали на человека за безделье или по какой-либо другой причине, его никогда не наказывали, а только предупреждали выполнять свой долг в будущем. Мы все знаем, что капитан стремится показать, что можно командовать ротой, не применяя наказания".

Были изучены штрафные книжки роты; согласно мнению вышестоящего начальства, эта рота была лучшей, в отношении которой было вынесено наименьшее количество наказаний. Сколько несчастий не причинили эти книги наказаний и сколько людей не были ими погублены!

Конечно, вышестоящие органы власти должны осуществлять некоторый контроль, но не таким образом, как это действует в настоящее время. Чиновнику, сидящему за своим столом, трудно судить, правильно ли поступил капитан, наказав человека тремя сутками ареста. И потом, представьте себе открыто провозглашенный принцип, согласно которому лучшей является та компания, в которой официально сообщается о наименьшем количестве наказаний! Ничто не может быть более ложным, чем это утверждение, и легче всего привести к неправильному обращению с подчиненными. Такое отношение властей почти вынуждает капитана закрывать глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать ничего наказуемого.

Капитан фон Варнов всегда был противником наказаний, факты ясно свидетельствовали об этом; он хотел иметь лучшую компанию не из каких-либо преувеличенных военных амбиций, а просто из личных чувств. Люди, которые были наказаны, были лично оскорбительны для него, и он никогда не мог избавиться от этого чувства. Гвардеец из его роты получал выговор, но не подвергался аресту, и поэтому наказания в караульном помещении становились все реже и реже. Таким образом, из-за взглядов своего капитана, которые были очень благородны в теории, но невозможны на практике, унтер-офицеры не получили от него поддержки. И все же капитан требовал от своих унтер-офицеров огромного количества; люди должны были быть лучшими во всех отношениях, а этого нельзя было достичь одной только добротой. Солдаты не подлежали официальному наказанию, на них не сыпались проклятия; если офицер только угрожающе смотрел на человека, его предупреждали, чтобы он обращался с ним должным образом. Что же тогда оставалось делать унтер-офицерам, кроме как взять дело в свои руки? Они вымещали свой гнев не по долгу службы, а втайне.

Если человек плохо выполнял свою муштру, об этом сообщали капитану с просьбой приказать ему снова выполнить муштру, но, по мнению капитана, в хорошо организованном отряде такие вещи не должны быть необходимы. Естественно, унтер-офицеры были раздосадованы этим. Они сказали себе: "Ребята просто смеются нам в лицо, когда мы заявляем о наказании, и ничего не происходит". Поэтому, когда они проводили дополнительные тренировки с мужчинами, они запирали двери и наказывали их со всей строгостью. На них градом сыпались тумаки и удары, и всякий, кто взглядом или жестом выдавал, что он не представлял, что может вынести такое обращение, подвергался такому позорному обращению, что оставлял всякую мысль о подаче официальной жалобы. Часто мужчинам приходилось вставать ночью и выполнять свои упражнения в комнатах, одетыми только в ночные рубашки, и того, кто делал неверный шаг, били тяжелым кнутом, пока не текла кровь.

Стало известно печальное положение дел; вся компания была вызвана в качестве свидетелей, а также офицеры. Два лейтенанта, барон фон Маземанн, а также Георг, заявили под присягой, что они понятия не имели об этом жестоком обращении, что до их ушей не доходило ни одной жалобы и что они никогда не видели и не слышали ничего подозрительного при патрулировании помещений.

Допрос капитана фон Варнова выявил другую сторону дела. Он был вынужден признать, что то, что сказал старший сержант, было правдой. Он признался, что в разных случаях его внимание привлекал фон Ниссев, но он не обращал внимания на эти предупреждения. В качестве причины для этого он мог просто сослаться на то, что фон Ниссев казался ему очень добрым человеком и что он никогда бы не приписал ему такого жестокого поведения. Больше ему нечего было сказать в свое оправдание.

"Разве вы не знали, капитан фон Варнов, что вашей обязанностью было выяснить, соответствуют ли действительности жалобы, поданные на унтер-офицера, или нет?" - спросил судья-адвокат, проводивший расследование.

Капитан фон Варнов гордо выпрямился. "Я считаю, что выполнил свой долг во всех отношениях. Я постоянно предупреждал своих офицеров обращаться с людьми должным образом".

Судья-адвокат занес это заявление в протокол, затем сказал: "Унтер-офицер фон Ниссев в качестве оправдания своего поведения утверждает, что вы, сэр, сказали ему разбираться

индивидуально со всеми слабаками и болванами, как он выражается. Он расценил это как разрешение провести с солдатами дополнительные тренировки, и он утверждает, что просто его военное рвение и чувство ответственности за оказанное ему доверие побудили его нанести удар по солдатам. Могу я спросить, почему вы доверили столь молодому унтер-офицеру такую большую власть над солдатами? По моему мнению, сэр, вы таким образом дали унтер-офицеру возможность и повод жестоко обращаться с солдатами.

- Это всего лишь ваше мнение, сэр. Я выбрал унтер-офицера, который показался мне наиболее подходящим во всех отношениях для этого индивидуального обучения, если можно так выразиться".

- Вам никогда не приходило в голову, что люди фон Ниссева очень часто хромали или плохо маршировали? Неужели вы никогда не интересовались, в чем дело, и никогда не пытались выяснить, действительно ли произошли те несчастные случаи, о которых они говорили? Именно сейчас, когда так много случаев жестокого обращения, вам, безусловно, следовало бы поинтересоваться значением этих травм. Вам, должно быть, показалось очень странным, что подобные несчастные случаи часто происходили среди людей фон Ниссева.

Капитан фон Варнов, который с удивлением слушал судью-адвоката, теперь сказал: "Мне почти кажется, что вы хотите возложить на меня косвенную ответственность за все это дело. Я должен энергично защищаться от такой идеи".

Судья прямо посмотрел на него. "Я, безусловно, придерживаюсь мнения, что вы виновны в том, что не смогли обеспечить надлежащий надзор за своими унтер-офицерами. Я считаю своим долгом заявить об этом в официальном документе".

Результатом этого стало то, что капитану фон Варнову было официально предъявлено обвинение в косвенной ответственности за жестокое обращение, поскольку он недостаточно заботился о своих унтер-офицерах.

Капитан фон Варнов был отстранен от должности, а командовать ротой был назначен барон фон Маземанн. Это была сенсация дня. Все были поражены, но новость взволновала Джорджа больше, чем кого-либо другого. Он не предполагал и не желал, чтобы его сообщение имело такие последствия. Согласно взглядам, высказанным в Казино, фон Варнов будет заперт в своей квартире по меньшей мере на месяц; возможно, его также заставят уйти в отставку; и в любом случае он не сможет больше оставаться в полку.

Всеобщий гнев обрушился на Джорджа, который был причиной всех несчастий. Джордж ужасно страдал от невысказанных жалоб других; он полностью отдалился от своих товарищей и жил уединенно. Он был не в настроении появляться в Обществе, да и как бы его приняли? Пока шел допрос его капитана, последний не появлялся в Обществе, и в результате его женщины также воздерживались от всех развлечений. Так что у Джорджа не было возможности поговорить с Хильдегардой, хотя как раз в это самое время ему очень хотелось бы увидеть ее и услышать от нее, осуждает ли она его поступок и недооценивает ли его и глубоко ли сердится на него за то, что он втянул ее родственницу в такой позор и неприятности.

ГЛАВА X

Предложение руки и сердца

Приговор был вынесен. Унтер-офицер фон Ниссев получил восемнадцать месяцев тюремного заключения и в то же время был понижен в звании; четверо других унтер-офицеров роты получили по шесть месяцев". Несколько дней спустя военный трибунал приговорил капитана фон Варнова к четырем неделям заключения в крепости, потому что, не осуществляя надлежащего надзора за своими унтер-офицерами, он способствовал жестокому обращению.

"Золотые бабочки" ползали с разбитым сердцем. Теперь в Казино не было слышно ни смеха, ни веселья; в самом деле, они едва осмеливались отдавать приказы санитарам, ибо что они должны были думать о своем начальстве? Если бы только разбирательство можно было провести без огласки! но обвинение, предъявленное в суде, не могло быть рассмотрено таким образом, и поэтому вся безобразная история снова попала в газеты. Пресса всех оттенков мнения высказала самое суровое суждение о событиях; они даже пригрозили задать вопрос в *рейхстаге* о том, как такие события были возможны, и этот случай вызвал длительные дискуссии о ценности инструкций против жестокого обращения с солдатами, когда вышестоящие офицеры не настаивали на их выполнении. Газеты ежедневно были заполнены пространными репортажами.

Но даже это было не самое худшее. Его Величество получил длинный подробный отчет об этом деле, потребовал документы и недвусмысленным языком сообщил офицерам и унтер-офицерам, что они лишились его расположения и покровительства и что пройдет очень много времени, прежде чем они вернут себе его доверие.

"У нас был сокрушительный удар"; кто-то за ужином употребил это выражение и попал в самую точку: "Золотым бабочкам" был нанесен серьезный удар. Они сознавали это по тому, как к ним относились в Обществе; их товарищи из других выдающихся полков тихо, но безошибочно отказались от каких-либо контактов с ними. Не то чтобы из какого-то глубокого убеждения, на самом деле не потому, что другие были в ярости от того, что такие вещи происходили в "Золотых бабочках"; их действительно не касалось, если за кем-то в полку гонялись с побоями. Подобные вещи происходили каждый день в их собственном полку; в кавалерии едва ли был урок верховой езды, когда кто-нибудь не чувствовал удара хлыстом. Удары наносились повсюду, в одних полках больше, в других меньше, и поэтому, когда другие полки официально отказались от общения с "Золотыми бабочками", это было просто и исключительно из-за огласки. Это произвело бы хорошее впечатление на публику, если бы они были несколько сдержанны в своем поведении по отношению к "Золотым бабочкам"; казалось бы, что они были лучшими людьми. И вдобавок к этому, слова Его Величества вскоре стали известны, и, следовательно, было только благоразумно проявить некоторую холодность по отношению к "Золотым бабочкам", потому что, если Его Величество перестанет оказывать свою милость полку, другие люди, безусловно, не смогут защитить его.

Да, "Золотые бабочки" потеряли свое высокое положение. Они увидели это наиболее отчетливо, когда устроили свой первый банкет после печального события. Как обычно, они разослали приглашения в другие полки, но почти все отказались, лишь несколько молодых парней, чей приезд не имел значения, приняли приглашение.

Барон Герсбах, улан, не пришел, хотя граф Ветборн лично пригласил его и пообещал долгую ночь азартных игр.

Но барон Герсбах все равно отказался. "Не сочтите за оскорбление, мой дорогой граф, но дела в вашем полку идут не совсем так, как следовало бы; слишком много о них попало в газеты, и кто может гарантировать, что один из ваших солдат или один из ваших унтер-офицеров, который занят прислуживанием нам, не побежит в газету и не расскажет с пылу с жару обо всем, что мы делали. Когда один из ваших лейтенантов по совершенно непростительной неосторожности навлекает на вас такой скандал, уже нельзя удивляться, что ваши люди делают то же самое. Что ж, я ничего этого не хочу, спасибо. У меня нет желания попадать в газеты; Могу вас заверить, я был рад так легко отделаться, когда Уилберг исчез с этой земной сцены. Не сердитесь на меня за то, что я говорю так откровенно, но пока среди вас есть такие люди, как Винклер, мы не можем поддерживать с вами дружеские отношения".

Напрасно граф Ветборн пытался сказать доброе слово от имени Джорджа, но это было бесполезно.

- Конечно, у него самые благие намерения, - согласился улан, - но одних благих намерений недостаточно; как разумные и опытные люди, они должны учитывать последствия. Теперь последствия его действий вам известны лучше, чем мне, и все это дело отнюдь не из приятных для нас. Как гвардейские полки, мы составляем одно целое, и, следовательно, то, что влияет на один, бросает тень и на другие, потому что люди не говорят, что то-то и то-то произошло в "Золотых бабочках", а просто "в гвардии". Это ужасно, потому что больше, чем все остальные полки, мы должны поддерживать, по крайней мере, внешне, хорошую репутацию. От нас требуется нечто большее, чем обычное выполнение наших воинских обязанностей, и поэтому иногда мы вынуждены действовать с исключительной суровостью по отношению к нашим мужчинам. И вдруг появляется идеалистический реформатор, который хочет покончить со всеми тумками и пощечинами; теоретически все это очень хорошо, но когда это провоцирует открытый скандал, с ним просто больше не может быть ничего общего".

Таким образом, граф был вынужден уехать, не добившись своей цели, и хотя до этого из чувства справедливости он был единственным, кто встал на сторону Джорджа, теперь он пришел к выводу, что Винклеру невозможно больше оставаться в полку.

С этой мыслью граф однажды обратился к полковнику. "Мы больше не можем так продолжаться, сэр, нас почти бойкотируют, у нас никогда не будет другого гостя, пока Винклер здесь. Он дискредитировал нас и себя, не говоря уже обо всех остальных. Раньше против него нельзя было выдвинуть никаких обвинений, кроме его плебейского происхождения, но теперь среди офицеров очень сильное чувство, что он подал жалобу только потому, что он плебей".

Полковник удивленно поднял глаза. - Я не понимаю, что вы имеете в виду.

- Простите меня, сэр, но все очень просто. Офицеры считают, что, сообщая эту официальную информацию, Винклер в определенной степени хотел отомстить за то, что мы не протянули ему руку дружбы, как он ожидал. Поэтому он применил к нам этот трюк и хотел показать: "Я единственный плебей среди вас, но мои обычаи гораздо более благопристойны, чем ваши; просто чтобы избежать дискредитации вашего полка и ваших гордых аристократических имен, вы закрываете глаза и уши и позволяете жестоко обращаться со своими людьми. Но я могу действовать и думать с меньшим предубеждением, я менее связан чувством "касты", которое

требуется соблюдать приличия, и поэтому я могу действовать так, как подсказывает моя совесть. Я руководствуюсь своим чувством того, что само по себе правильно, а не ложными предрассудками".

- Но это же просто чушь! - воскликнул полковник.

"Возможно, и я осмелюсь предположить, что Винклер далек от подобных соображений, но офицеры приписывают это ему, и что же можно сделать? Нет ничего труднее, чем отговорить офицеров от идеи, за которую они твердо ухватились, — вы знаете это, сэр, не так ли?

Полковник застонал. - Видит Бог, мне стоило немалых усилий убедить лейтенантов хоть немного прислушаться к доводам разума.

Он снова зажег свою сигару, которая уже погасла, и выпустил огромные клубы дыма.

"Дорогой граф, позвольте мне дать вам несколько хороших советов. Если вам в ближайшее время не назначат пенсию, то уходите из армии до того, как станете полковником и командиром полка. Я могу заверить вас, что наш путь не усыпан розами; мы несем ответственность за все: за подготовку войск, за тонус в полку, за унтер-офицеров и, наконец, за офицеров, что не менее важно. Это юдоль слез. Нет, я не хочу совершать грех, - продолжал он задумчиво, - поэтому у меня есть все основания быть благодарным Небесам, потому что, если бы я знал, что доживу до этого дня, я бы принял яд".

Он потянул себя за воротник правой рукой, чтобы было легче, потому что внезапно почувствовал, что его душат.

Затем внезапно он нанес такой сильный удар по столу, что граф, который тем временем был занят восхищением своими самыми современными лакированными туфлями, вздрогнул от испуга. Полковник заметил это, но не обратил на это никакого внимания. "Это возмутительно, - взорвался он в ярости. - Мы успешно пережили два шторма, и теперь надвигается третий, по имени Винклер. Пусть Бог простит мне этот грех, но я хотел бы, чтобы он никогда не рождался или, по крайней мере, никогда не появлялся среди нас. Он, конечно, не получил от этого никакого удовольствия, как и мы. - Полковник нервнопригладил правой рукой свои несколько поредевшие волосы. - Вы совершенно правы, мой дорогой граф, когда просто говорите, что мы никогда не восстановим свой кредит, пока не избавимся от Винклера. Вы обращаете мое внимание на невозможное положение дел среди офицеров и заявляете, что мы не можем изменить его, пока не избавимся от Винклера. Все это очень хорошо, что ты так говоришь, но как ты от него избавишься? Я действительно не могу предложить никаких причин для его обмена; когда Его величество узнает настоящую причину, когда он услышит, что ни один офицер в полку не питает к Винклеру особого уважения и что именно он сообщил о жестоком обращении, тогда... - и полковник покачал головой. "Об этом не стоит думать; произойдет такой крах, что меня бросает в дрожь при одной мысли. Я говорил вам, как чрезвычайно высоко и благодарно Его Величество отзывался о Винклере. Что ж, когда я сообщу Его Величеству, что этот человек нам не подходит, мы получим нечто такое, по сравнению с чем все прежние нелюбезные замечания Его Величества были всего лишь детской забавой. При всем уважении к моему все милостивейшему Государю, я не могу удержаться, чтобы не сказать: "Не ходите к своему принцу, пока вас не позовут". Видите ли, я не могу предложить Винклеру какую-либо причину для его обмена, поскольку, если мы хотим быть справедливыми, следует признать, что против него нет абсолютно ничего".

Граф продолжал протирать свой монокль, затем сказал: "То, что вы говорите, сэр, очень справедливо. Вчера вечером я обдумывал этот вопрос и пришел к выводу, что было бы гораздо лучше, если бы обмен Винклера происходил не от нас; он должен сам подать заявление об этом, а если он этого не сделает, мы должны убедить его получить годовой отпуск. Вероятно, он обдумает этот вопрос в перерыве и не захочет снова надевать форму. Но все же, даже если он это сделает, после неприятного опыта, который у него был с нами, он, конечно, не захочет возвращаться к нам, а перейдет в другой полк".

Полковник внимательно слушал, теперь он одобрительно кивнул. "Это было бы неплохо, дорогой граф, это неплохой выход из затруднительного положения. Конечно, я бы самым горячим образом рекомендовал ему взять отпуск, и поскольку Его Величество относится к нему с большой благосклонностью, нет ни малейших сомнений в том, что его просьба будет удовлетворена — если мы сможем хотя бы раз заставить его обратиться с такой просьбой".

"Мы скоро сможем это сделать, сэр, я поговорю с ним при первой же возможности".

Вечером того же дня, когда граф и полковник обсуждали будущее Джорджа, Джордж также беседовал с Ольгой на ту же тему.

"Я устал от всего этого, Ольга, я здесь больше не останусь; мне надоело биться головой о каменную стену, которая отделяет меня от моих товарищей-офицеров. Сегодня я принял решение, я подам в отставку".

Ольга, которая в последнее время почти ежедневно проводила время с Джорджем и которой он откровенно высказывал все свои мысли, явно предвидела, что рано или поздно до этого дойдет, тем не менее она была поражена его словами и пыталась отговорить его, но тщетно.

"По крайней мере, переведись в другой полк", - умоляла она.

Но Джордж покачал головой. - В этом нет смысла, дорогая. Я, конечно, знаю, что меня не следует переводить в жалкий пограничный гарнизон, где чуть не сходят с ума; напротив, меня следовало бы отправить в какой-нибудь прекрасный город, но что мне там делать? Я знаю, что должен занять там определенное положение, во-первых, потому, что я служил в гвардии, пусть и очень короткое время, и об этом много думают в провинции, а во-вторых, потому, что я богатый человек. Только по последней причине меня будут сердечно приветствовать, ибо все будут рады возможности занять у меня займы. Я знаю по своему прежнему опыту в гарнизоне, что во всех этих маленьких городках новичка, которого можно рассматривать как новый источник займов, встречают как бога: и все занимают у него деньги, от капитана до самого младшего лейтенанта — даже прапорщик набирается храбрости с помощью выпивки и самым почтительным образом просит лейтенанта одолжить ему двадцать марок. Я знаю все это дело. Я никогда не просил векселя, когда давал деньги займа, но они всегда давали мне его, потому что в таких делах нужно соблюдать формальности и действовать корректно, но ни один человек никогда не погашал свой вексель. Все они лежат сейчас на моем письменном столе, тщательно разложенные, в некоторой степени являясь вкладом в историю нравов немецких лейтенантов, вкладом в изучение характеристик "аристократических личностей".

Он встал, выдвинул ящик стола и стал перебирать бумаги, которые достал из кейса.

"Посмотри на это, Ольга, тебе не нужно читать названия, они тебя не интересуют. Вот что написано: "Настоящим даю честное слово вернуть ссуду в размере пятисот марок самое позднее в течение ближайших трех месяцев". "Настоящим даю честное слово вернуть тысячу марок, одолженную мне сегодня, в течение..." и так далее, дорогая. Десятки этих документов лежат здесь; десятки неисполненных обещаний, данных под честное слово, и все же те самые люди, которые нарушили свое обещание, разгуливают по миру как надменные офицеры ". С минуту он молчал, потом сказал: "Ей-богу! эти лейтенанты сильно отличаются от других людей; в определенной степени они сами по себе образуют класс, и их невежество и непонимание в определенных вопросах на самом деле более чем *наивны*. Признаюсь, я не понимаю этих аристократических особ, и поскольку я их не понимаю, я не могу найти оправдания их поступкам, их мыслям и их чувствам. Я могу простить их за то, что они сделали со мной, как бы тяжело это ни было, но я с трудом выношу их напускной вид в Обществе, особенно когда едва ли есть какой-либо другой класс, общее образование которого столь же бедно и прискорбно, как у офицеров. Я действительно чуть было не сказал, что они не умели ни читать, ни писать как следует.

- Ну-ну, Джордж, - увещевала Ольга, - ты не должен преувеличивать, потому что ты злишься.

"Я не сержусь, мне только грустно, что дела у наших офицеров обстоят так плохо. Но я действительно считаю, что недооценил суть дела. Лейтенанты умеют читать, но умеют ли они еще и писать? Взгляните на эти просительные письма и долговые расписки, которые я вам только что показал; вы найдете там красоты стиля, по сравнению с которыми стихи вечного четвероклассника из юмористических газет - сущие пустяки. Но это еще не все. Вы найдете такое написание, которое навлекло бы публичное порицание на третьеклассника. Вы можете смеяться, Ольга, но то, что я вам говорю, - печальный факт. Конечно, мои замечания относились только к лейтенантам, а не к вышестоящим офицерам, но как часто я не замечал даже среди них, как ужасно они смущаются, если им приходится внезапно делать доклад. Каждое слово дается им с таким трудом, что становится по-настоящему жаль их. И все же, несмотря на все это, несмотря на отсутствие простейшей культуры, на все это высокомерие и самодовольство! Естественно, каждый должен гордиться своим призванием, но эта гордость не должна вырождаться в совершенно фанатичное высокомерие. Раньше люди говорили о молодых, хорошо образованных, благородных лейтенантах, идеальных кавалерах. Где они сейчас? Вы должны пойтис фонарем и поискать их. Я едва ли знал кого-нибудь за время своей службы, а те немногие, кто поступает в армию прямо из дома свежими и неиспорченными, слишком быстро заражаются духом касты, и ими овладевает демон высокомерия. Спросите родителей, чьи сыновья стали офицерами, не были ли они часто шокированы тщеславием и претенциозностью молодых людей, для которых лучшее не считается достаточно хорошим; не раскисались ли они часто в том, что позволили своим сыновьям выбрать профессию, которая часто отдаляет их от их собственных родителей, на которых слишком часто смотрят только как на источник денег для их легкомысленной или роскошной жизни ".

- Джордж, ты абсурдно преувеличиваешь, - с упреком сказала Ольга.

- Ты действительно так думаешь? Я могу только сказать, что часто знавал молодых лейтенантов, которым действительно стыдно из-за того, что их отцы учителя или что-то в этом роде, но, несмотря на это, они не стыдятся отправлять домой больше денег, чтобы поддерживать хороший внешний вид. Они желают — нет, по их мнению, они *должны* внушать мысль о том, что

происходят из хороших семей. Однажды я был на обеде и собственными ушами слышал, как лейтенант притворился, что его отец - офицер на пенсии, потому что ему было неловко говорить, что он врач ".

- Фи, это прекрасная идея.

Графу Ветборну, таким образом, было несложно убедить Джорджа уйти в отпуск. Он был очень удивлен, когда услышал, что Джордж твердо решил подать в отставку и поступить на фабрику своего отца; но, естественно, он не сделал попытки отговорить его.

- И когда вы думаете отправить свой запрос?

- Через день или два. Мой отец пишет мне, что ему приказано явиться на аудиенцию к Его Величеству и что он будет здесь в начале следующей недели. Хотя я абсолютно свободен в этом вопросе и могу уходить, когда захочу, все же я считаю своим долгом сообщить моему отцу о моем решении как можно скорее ".

- Конечно, конечно, - согласился граф Ветборн, - неделя раньше или позже не имеет значения.

И это было именно то, что подумали офицеры, когда услышали, что Винклер уезжает. Оставался ли он еще на неделю или меньше — это не имело значения — дело было в том, что они собирались избавиться от него.

"Послушайте, ребята, мы будем немного вежливы с ним в эти последние несколько дней", - предложил один из офицеров. "Мы будем вести себя так, как будто нам очень жаль, что он уезжает, потому что, в конце концов, это не совсем его вина, что он нам не подходит. Кроме того, для нас было бы хорошо, если бы воспоминания о его последних днях среди нас были приятными; позже он часто будет рассказывать истории о тех днях, когда имел честь принадлежать к нам, и хотя, конечно, на самом деле не имеет значения, что он говорит о нас своим друзьям-лавочникам, все же нам не повредит, если он скажет: ""Золотые бабочки" - чертовски хороший полк; это очаровательная компания добросердечных, милых ребят, которым нет равных в своем дружелюбии и товариществе ".

Но это предложение не вызвало никакого отклика. "Ради его же блага он не будет много рассказывать о своих отношениях с нами и о том, как мы его выгнали".

Однако все они согласились отбросить всякую видимость недоброжелательности и быть, по крайней мере внешне, вежливыми и дружелюбными в эти последние дни.

Джордж едва мог подавить презрительный смешок, когда замечал внезапную смену чувств, и ироническое словечко всегда вертелось у него на кончике языка, когда товарищи сочувственно спрашивали о его планах на будущее и изображали интерес ко всем его заботам. Часто его так и подмывало крикнуть— "Не утруждайте себя, вы же знаете, что не сможете скрыть своей радости от того, что избавились от меня". Но он молчал. Что толку было что-либо говорить, офицеры ни за что не признались бы в своих истинных чувствах.

Однажды за обедом один товарищ зашел так далеко, что предложил ему бокал шампанского. Он только что выиграл несколько сотен марок в прусскую лотерею и получил разрешение от старшего офицера за столом отпраздновать это таким образом.

Винклер едва мог поверить своим ушам, когда его спутник сказал ему: "Вы окажете мне удовольствие выпить со мной бокал шампанского, не так ли?"

Первым побуждением Джорджа было воскликнуть: "За все время, что я здесь, ни одно человеческое существо не проявило ко мне ни малейшей доброты; поэтому я должен отказаться от этой чести". В нем поднялись гнев и возмущение из-за того, что сейчас, когда он уезжает, кто-то осмелился проявить к нему гостеприимство, но внезапно его чувство юмора взяло верх, приглашение показалось таким совершенно абсурдным, что он с благодарностью принял его. "Но только при одном условии", - добавил он, поддавшись внезапному порыву, а затем громким голосом, чтобы все могли слышать: "В тот день, когда моя отставка будет принята, я хотел бы дать торжественный прощальный банкет моим коллегам-офицерам. Я могу принять приглашение, только если буду уверен, что у меня будет возможность ответить на него тем же. Вы придете, не так ли? — спросил он, поворачиваясь к хозяину. - И вы... и ты, и ты? Он пригласил всех за длинный стол, и ни один не отказался; все думали об одном и том же: "Если ему это нравится, почему бы нам хоть раз не подкрепиться за его счет? Следовательно, человек ни к чему не привязан, дело не должно идти дальше".

Джорджа охватило чувство отвращения к своим товарищам, когда он обнаружил, что все они приняли его приглашение: разве им не было стыдно принимать гостеприимство от человека, с которым они так плохо обошлись? Он шутил, когда делал приглашение, и был совершенно уверен, что все они придумали бы какие-нибудь отговорки, и ему была приятна мысль об этих отговорках, и теперь они, все до единого, были приняты! И на этом все не закончилось; офицеры поинтересовались, когда и где будет обед; хотелось надеяться, не в клубной комнате. Комнаты, конечно, были прекрасны, но еда всегда была одна и та же. Как было бы здорово отведать его в одном из лучших ресторанов! Конечно, несколько фунтов больше или меньше не имели для него значения, и они надеялись, что он закажет только французское шампанское.

"Недавно я услышал довольно интересную историю об этом, - сказал один из офицеров. - Давайте посмотрим, что это было? Ах да, я помню; если вы угощаете своего гостя немецким шампанским и говорите ему, что оно французское, он не обманется и не станет его пить; но дайте ему французское шампанское и скажите, что оно немецкое, и он выпьет его как следует. Запомни это, Винклер. Джордж пообещал запомнить это и разослать приглашения, как только поговорит об этом с отцом.

"Когда придет твой отец?" Джордж сам не знал и ожидал его ежедневно; то же самое делали "Золотые бабочки". Они начали беспокоиться, когда старик все еще не пришел. Что, если он вообще не придет? Возможно, это была хитрость Джорджа - заговорить о своей отставке и попытаться изменить отношение к нему; возможно, старик не появлялся целую вечность, и это была уловка Джорджа - выставить их на посмеище за их счет и в определенной степени отомстить им.

Они ужасно беспокоились по этому поводу; поэтому радость была велика, когда однажды за обедом в казино коллега Джорджа по его компании, барон фон Маземанн, сообщил им: "Прибыл производитель брючных пуговиц. Я видел его вчера вечером в ресторане.

Все произнесли "Слава богу!", а затем немедленно был задан вопрос: "Какой он из себя?"

- Совершенно невозможно. Парень носит готовый галстук, некрахмаленные манжеты и пару ботинок, которые, как сразу видно, никогда не производились в Берлине; а потом за обедом парень режет хлеб ножом, вместо того чтобы разламывать его".

"Какой ужас!"

У всех присутствующих вырвался возглас неподдельного возмущения.

- Пожалуйста, остановитесь, - взмолился молодой лейтенант. - Помните, мы только что пообедали.

- Успокойтесь, друзья мои, - продолжал барон. - несмотря на все недостатки, у старика есть *одно* большое преимущество.

- И что же это такое? - спросил я.

- У него есть дочь.

- Что, в самом деле! Винклер никогда не говорил нам об этом ни слова.

Все окружили говорившего, сгорая от любопытства.

- Она хорошенькая? - спросил наконец один из них, и остальные прижались еще теснее, чтобы расслышать ответ.

Барон намеренно задержал свой ответ на некоторое время, затем сказал: "Хорошенькая? мои дорогие мальчики, она гораздо больше, и хотя она родом из провинции, она ужасно *шикарна*. Но вы должны видеть ее фигуру. Я могу вам сказать... - и он прищелкнул языком.

- Вас с ней познакомили?

- К сожалению, нет; я был с друзьями в ресторане, и у меня не было возможности избавиться от них, но сегодня вечером все будет в порядке. Я совершенно случайно услышал, что старый фабрикант пуговиц для брюк зарезервировал для себя столик на сегодняшний день. Я позабочусь о том, чтобы присутствовать там, и когда однажды меня представят юной леди, я не буду бояться победы".

- Другими словами, вы пытаетесь поймать золотую рыбку.

Барон фон Маземанн спокойно закурил сигарету. "Кто-нибудь женится на ней. Почему я не должен быть этим кем-то?"

- Совершенно верно, но думаете ли вы, что *переворот* будет успешным?

Барон пожал плечами. - Кто может сказать? Можно только попытаться. В конце концов, в худшем случае можно получить только отказ. И тогда почему старик должен говорить "Нет", если я преуспеваю только в том, что дочь без ума от меня? У меня первоклассная семья. Сам я не хуже других, и те немногие долги, которые у меня есть, не имеют значения; у старика много денег, и он должен быть рад, если сможет заполучить такого аристократичного зятя за свои деньги".

Остальные вполне согласились; действительно, какая причина могла быть у отца и дочери, чтобы не принять барона с распростертыми объятиями? И вслед за этим некоторые из них расценили предложенную помолвку как *совершившийся факт*.

"Вы были в дружеских отношениях с Винклером, когда работали вместе в компании?" - спросил один из мужчин. - Возможно, у него найдется, что сказать по этому поводу.

"Я думал об этом прошлой ночью", - ответил Масеманн. - Мы, конечно, были не особенно дружны, но все же Винклер должен быть очень рад, что я стал шурином. Таким образом, он останется в определенной степени связанным с полком, и это действительно имеет для него очень большое преимущество. Только подумайте, какое положение этот человек сможет занять в Обществе, если сможет сказать: "Мой шурин, барон фон Маземанн". Это почти так же ценно для него, как то, что он сам аристократ. Естественно, я постараюсь не слишком часто видаться со своим шурином и прослежу, чтобы он не бегал постоянно то в мой дом, то из него; но это все позже, сейчас главное - попытаться счастья".

Но в тот вечер барону не повезло; он напрасно ждал Винклеров. Все они сидели в покоях Джорджа, и почетный коммерческий советник императора рассказывал им об аудиенции, которую он имел у Его Величества, и о том, как он любезно справился о здоровье Джорджа и выразил свое удовольствие тем, как Джордж поступил в связи с жестоким обращением с солдатами. Далее он рассказал им, как приятно Его величеству было услышать хороший отзыв о нем от офицеров и о его популярности среди товарищей. Его Величество очень сожалел, что из-за других договоренностей он не смог сдержать своего обещания пригласить Георга отобедать с ним завтра.

- Разве я не говорил тебе это всегда? - заключил старик. - Помнишь, как поначалу тебе хотелось в отчаянии бросить ружье? Кто был прав — ты или я?"

Джордж обменялся быстрым взглядом со своей сестрой, которой он сообщил о своем решении вчера; он не хотел портить отцу удовольствие снова увидеть его в самый первый день, и он также хотел помешать отцу сказать что-либо о своей отставке на аудиенции у императора. Поэтому до этого момента он хранил молчание, но теперь он был вынужден заговорить, и последние слова его отца облегчили задачу.

- А что, если я все-таки прав, отец? Когда я скажу вам, что сегодня я такой же "посторонний", каким был всегда, когда я скажу вам, что мое положение в полку не улучшилось от похвалы Его Величества в мой адрес, и что история офицеров о моей популярности была просто ложью, чтобы не раздражать императора, - что бы вы тогда сказали?"

Отец с удивлением посмотрел на сына.

- Я не понимаю, что вы имеете в виду!

- Я объяснюсь немного подробнее. И он принялся подробно рассказывать обо всем, что произошло с ним с самого первого дня, как он поступил в полк; как они ждали, когда он подаст в отставку, и как, наконец, он решился сделать это не для того, чтобы угодить "Золотым бабочкам", а просто для того, чтобы еще раз насладиться жизнью.

Отец слушал, совершенно сбитый с толку, затем звучно ударил кулаком по столу. "А что, если я запрещаю вам это делать и прикажу вам оставаться офицером еще некоторое время?"

Джордж спокойно посмотрел на него. - Ты не будешь приказывать мне делать это, отец. Когда я поступил в армию, вы сказали мне, что я совершенно свободен покинуть ее, когда захочу, и вы не отступите от своего слова.

"Но что, если я сделаю... что, если я не хочу, чтобы другие офицеры торжествовали из—за вашей неудачи?"

"Тогда я должен уйти в отставку, несмотря на это. Я достиг совершеннолетия и могу делать все, что мне нравится".

Старик был на грани полной потери самоконтроля. - А что, если я лишу тебя наследства?

"Я все равно должен это сделать. У меня достаточно сбережений, чтобы какое-то время жить совершенно свободно от всех тревог, и, как ваш сын, я скоро найду где-нибудь работу"....."

Отец снова был готов разразиться негодованием, когда в разговор вмешалась Эльза и нежно успокоила его. "Не сопротивляйся ему больше", - взмолилась она. "Джордж подробно обсудил со мной этот вопрос вчера, и сегодня я тщетно пытался убедить его изменить свое мнение; он так несчастлив как офицер, что нельзя желать, чтобы его заставляли терпеть это дольше".

Старик долго сидел молча. - Мама будет ужасно расстроена, - сказал он наконец.

Брат и сестра обменялись быстрыми взглядами; они знали, что битва выиграна, но постарались не дать волю своему чувству удовлетворения.

- Ты не будешь возражать против увольнения из армии?

- Как я мог, после всех унижений, которые я пережил? Я тысячекратно радуюсь тому, что снимаю свою офицерскую форму, которая явно не соответствует моим взглядам и идеям, хотя я выполнял свои обязанности очень хорошо по сравнению с другими".

- Значит, не каждый офицер - восторженный солдат? - спросила Эльза.

Джордж расхохотался. "Ты невинный ангел! Я могу заверить вас, что по крайней мере половина лейтенантов немедленно подали бы в отставку, если бы у них было для этого финансовое положение. Лучшим доказательством моего утверждения является то, что каждый лейтенант пытается найти богатую жену; найдя ее, он либо немедленно увольняется из армии, либо остается там до тех пор, пока получает от этого хоть какое-то удовольствие. Если это становится для него слишком скучным или тревожным занятием, он отказывается от своей должности и говорит своему начальству: "Посмотрим, как вы справитесь без меня. Другие люди могут сойти с ума от твоего беспокойства, слава Богу, я больше не обязан мириться со всем этим ". Конечно, есть исключения; есть амбициозные и энергичные люди, которые хотят получить высокие военные должности, которые мечтают о красных лампасах на брюках и звании превосходительства; таким людям может быть тяжело увольняться из армии. И потом, конечно, есть несколько человек, которые действительно являются солдатами сердцем и душой, но их число невелико — где их найти? Среди подчиненных офицеров я едва ли знал хоть одного лейтенанта, который не ругался бы, когда его ставили выполнять долг, и который не предпочел бы сразу уйти, если бы только знал, как ему зарабатывать себе на жизнь. Это звучит сложно, но уверяю вас, это чистая правда. Даже когда лейтенант говорит: "Мне нравится быть офицером", обычно это происходит из-за положения, которое это дает ему в обществе, а не потому, что ему

нравится тренироваться и муштровать солдат. И с капитаном происходит то же самое, что и с лейтенантом; его начальство всегда гоняется за ним, они ведут для него адскую жизнь и всегда делают ему выговор за ту или иную ошибку, совершенную его подчиненными. Кому могут нравиться военные обязанности при таких обстоятельствах? Человек чувствует себя подавленным. И все же несчастный капитан должен терпеть все это, потому что у него есть жена и дети и нет денег, потому что он вынужден оставаться в армии как можно дольше, чтобы получать более высокую пенсию и таким образом иметь возможность жить. Он обеспокоен с утра до вечера, и даже тогда, в большинстве случаев, ему не удастся получить то, что он хочет, и позже ему придется страдать от бедности и невзгод; и если он с сожалением расстанется со своей формой, то это не потому, что ему жаль покидать армию, а из-за своей впустую потраченной жизни. Он полностью владеет всеми своими умственными и физическими способностями, и все же он обречен на бездеятельность и постоянные денежные заботы. Среди высших офицеров, безусловно, можно встретить энтузиазм по отношению к армии. Среди подчиненных его нет, по крайней мере, в пехоте.

Отец был раздражительным и вспыльчивым; он держал себя в руках, как мог, но время от времени его негодование прорывалось наружу, и детям было трудно успокоить его.

- И вы действительно собираетесь подать заявление об отставке завтра? Вы не будете рассматривать это в течение следующего месяца? Почему бы тебе не взять отпуск на год или меньше, если хочешь?"

Джордж покачал головой. - Чем скорее я уйду, тем лучше, отец. Я не прижился среди офицеров, у которых часто бывают самые необычные взгляды на вещи. И, словно в подтверждение этих слов, в этот момент слуга принес письмо.

- Есть ли какой-нибудь ответ?

"Нет".

Слуга ушел, а Джордж распечатал письмо.

- В чем дело? - спросила Эльза, наблюдавшая за братом, пока он читал.

Джордж вскочил. "Я никогда в жизни не слышал такой наглости. Просто послушайте это; но прежде всего я должен напомнить вам об одном из моих коллег-офицеров, который вчера сидел с нами в том же ресторане".

"Ах да, тот странный молодой человек, который сначала не был уверен, следует ли ему кланяться нам, а потом попытался так возмутительно флиртовать со мной", - сказала Эльза. "Ну, а что насчет него?"

- Ничего особенного, - ответил Джордж внешне спокойно. - Он просто хочет, чтобы ему позволили просить твоей руки.

Отец и дочь посмотрели друг на друга, потеряв дар речи от изумления, затем Эльза разразилась искренним смехом, к которому присоединились и остальные.

"Да ведь он меня даже не знает", - сказала она.

- О, в этом нет ни малейшей необходимости; он знает о вашем состоянии, он знает, что вы очень хорошая *партия*, и, естественно, для него этого вполне достаточно. Мужчина может прекрасно обойтись без любви, но не без денег. Ну, а теперь послушайте, что пишет этот замечательный парень. Но я должен сказать вам заранее, что с самого начала несколько моих товарищей были так же недружелюбны ко мне, как и он".

Затем он зачитал письмо:

"Мой дорогой Винклер, я сижу один—одинешенек в ресторане и уже целый час нетерпеливо смотрю на дверь в надежде увидеть, как входите вы и ваши люди, потому что я случайно услышал, что ваш отец заказал ужин здесь на этот вечер.

- Не говоря вам об этом, вы, я полагаю, уже догадались, что я зашел в ресторан сегодня только в счастливом ожидании быть представленным вашей сестре и вашему глубокоуважаемому отцу, ибо я должен откровенно признаться вам, что ни одна молодая девушка никогда не производила на меня такого глубокого и неизгладимого впечатления, как ваша сестра. Хотя до сих пор у меня была возможность наблюдать только ее красоту и изящество, все же я совершенно уверен, что в таком прекрасном теле должна жить прекрасная душа, и у меня есть только одно желание в мире — познакомиться с вашей сестрой. Поскольку у нас всегда были такие приятные и дружеские отношения друг с другом, я осмеливаюсь спросить, могу ли я засвидетельствовать свое почтение вашему высокочтимому отцу и прекрасной сестре, и я очень вежливо прошу вас сказать несколько добрых слов от моего имени. Естественно, вся информация, касающаяся меня и моего финансового положения, находится в распоряжении вашего отца, когда он пожелает. В заключение я прошу вас не сердиться на несколько странный характер этих нескольких строк, но я знаю, что ваш отец пробудет здесь всего несколько дней, и я не хочу, чтобы ваша сестра уезжала из Берлина, не дав мне возможности познакомиться с ней.

"Прошу принять мои наилучшие пожелания вашей чести, но в настоящее время, увы! неизвестные, родственники, и, поверьте мне, с наилучшими пожеланиями, искренне ваши,

"Von Masemann."

- Ну, что ты на это скажешь? - поинтересовался Джордж.

"Возможно ли это?" - воскликнул старый фабрикант. "Должен сказать, что никогда в жизни не слышал ни о чем подобном".

- И что ты об этом думаешь, Эльза?

"Я действительно не знаю, смеяться мне или злиться по этому поводу. Я не могу понять, как ему не стыдно писать такое письмо".

Джордж насмешливо рассмеялся. - Стыдно? Ну, Эльза, ты можешь знать очень мало о лейтенанте, если думаешь, что он может чего-то стыдиться. Твоя красота вскружила ему голову, у тебя большое состояние, так что все в порядке; он идет к победе, как Блюхер к Ватерлоо. Если он добивается успеха, хорошо, если нет, тогда он ищет свою удачу где-нибудь в другом месте; он хочет поймать где-нибудь золотую рыбку. Чем более он дерзок, тем легче ему добраться до объекта своих желаний".

- Насколько нам известно, нет, - выпалил коммерческий советник императора. - Пожалуйста, передай завтра от меня своему аристократическому другу...

Джордж прервал его. - Нет, отец, я уже договорился об ответе. Могу тебя заверить, что его это не очень-то заинтересует. Я собираюсь спросить его, как получилось, что он не смог вступить со мной в какие-либо светские отношения и все же желает жениться на моей сестре ". После паузы он продолжил: "Действительно жаль, Эльза, что ты не останешься здесь на несколько дней, потому что тогда все офицеры были бы у твоих ног; все, от самого старого штабного офицера до самого молодого лейтенанта, пытались бы выслужиться передо мной, чтобы я мог сказать тебе доброе слово от их имени. Ваши тысячи побудили бы даже самого аристократичного лейтенанта, который обычно хвастается своими бесчисленными предками, признать *буржуазию* и снизить до того, чтобы сделать вас своей высокочтимой женой.

- Прекрасные это люди, - сердито сказал отец.

"Я благодарю их за честь, которую они оказывают мне, желая жениться на мне за мои деньги, но я не думаю, что вообще хочу жениться".

Джордж весело посмотрел на сестру. - Ха-ха-ха, однажды ты познаешь пламя любви, и это тоже правильно. Кстати, сколько тебе лет — девятнадцать или двадцать?

- Сейчас мне двадцать один.

- И неужели никто всерьез не ухаживал за тобой?

Она расхохоталась. "О, часто, как ваш товарищ здесь сегодня, но я ни о ком из них не заботился, потому что, как ни странно, на меня всегда обращали внимание офицеры, всегда лейтенанты, и, к сожалению, единственного лейтенанта, которого я люблю, я не могу заполнить".

Джордж удивленно посмотрел на нее. - Почему нет?

- Потому что он мой брат.

Джордж со смехом привлек сестру к себе. - Иди сюда, дорогая, и поцелуй меня. Затем он продолжил. - Но если серьезно, Эльза, то в последнее время ты стала намного красивее. Он был в восторге от внешности своей сестры: у нее была стройная фигура, гордая осанка, красивые глаза, и весь ее облик был очарователен.

- Знаешь ли ты, что ты во многом очень похожа на Хильдегарду? внезапно сказал он.

Это был первый раз, когда он по-настоящему назвал ее имя своим людям, и теперь, когда он сделал это, он почувствовал себя застенчивым и был очень смущен взглядом своей сестры.

Их отец тем временем взял вечернюю газету, но теперь отложил ее в сторону. - Продолжай, Джордж, ты же сам это начал, знаешь ли. Вы так часто писали нам о своей Хильдегарде. Кто и что она такое, и как вы относитесь к ней?"

Джордж попытался уклониться от ответа, но Эльза заставила его заговорить. - Расскажите мне что-нибудь о ней. В своих письмах ты мало писал о ней — по крайней мере, вначале! В последнее время я слышу о ней гораздо меньше. Она чем-нибудь недовольна тобой?"

- Нет, я так не думаю, - ответил Джордж после минутного раздумья. - Во всяком случае, я не знаю никакой причины для этого. Я говорил вам, что Хильдегарда была родственницей моего капитана, который сейчас отбывает заключение в крепости. Естественно, в это время фрау фон Варнов никуда не выходит, и поэтому в последнее время я лишь раз или два случайно видел Хильдегарду на улице".

- Ты что, вообще с ней не разговаривал?

- Я дважды собирался это сделать, но мне пришлось бы поинтересоваться, как дела у Уорноу, а это, конечно, было бы для меня очень неприятно.

"Но как ты относишься к ней?" - спросил его отец во второй раз. "Ты знаешь, что твоя мать долгое время предсказывала, что ты собираешься обручиться с ней. Она права?"

- Раз уж вы спросили меня прямо, я скажу вам, что сначала у меня была такая же мысль, и я думаю, что если бы это ужасное происшествие не встало между нами и если бы мы чаще виделись, все было бы в порядке, но теперь...

Эльза увидела такое печальное и отчаявшееся выражение на лице своего брата, что спросила его: "Но тебе не будет очень тяжело уехать, не увидев ее снова?"

"Я увижу ее еще раз", - решительно ответил Джордж. "Я нанесу прощальный визит. Я попрошу Хильдегард назвать час, когда я обязательно увижу ее. А потом, повинувшись внезапному порыву, он сказал: "Кстати, Эльза, я много чего рассказывал Хильдегарде о тебе. Я сказал ей, что вы хотите познакомиться с ней, и она была в восторге. Не окажете ли вы мне услугу и не навестите ее или, еще лучше, попросите ее навестить вас в отеле? Я тоже буду там, и когда мы снова встретимся через несколько недель, мы поймем, что чувствуем друг к другу, и если Хильдегард любит меня, тогда..."

- Не так быстро, мой мальчик, не так быстро, - вмешался старик. - Я все еще существую. Я хотел бы увидеть свою будущую невестку, прежде чем меня призовут дать согласие и сказать "Аминь".

Джорджу внезапно представилась Хильдегарда; воспоминание о восхитительных часах, которые они провели вместе, пробудило в нем страстное желание увидеть ее снова.

- О, Хильдегарда тебе понравится, отец, она красива и добра, и, несмотря на свое аристократическое происхождение, она не разделяет часто необычных взглядов своего класса. Я много рассказывал ей о тебе, отец; о фабрике, о твоём внимании к своим рабочим, о твоей неустанной деятельности, и она все заинтересовалась и поняла". Он говорил о ней с жаром и энтузиазмом, которые показывали, как сильно она ему небезразлична.

- А что у нее за семья? - поинтересовался старый Винклер. "Ты знаешь, мне все равно, есть у нее деньги или нет - тебе не нужно беспокоиться об этом — я имею в виду, знаешь ли ты что-нибудь о ее родственниках? Есть ли у нее братья и сестры? Кто ее родители?"

Джордж сообщил всю информацию, какую смог.

"О, так вот какой негодяй лейтенант!" - проворчал отец. - "Вместо того чтобы родители, у которых нет денег, заставляли своих сыновей учиться тому или иному делу, молодые люди должны становиться офицерами, чтобы напиваться шампанского на полковом банкете".

"Но Хильдегарда ничего не может с этим поделаться", - сказал Джордж, как будто должен был защитить ее. - "А какое мне дело до ее брата?"

- Какое он имеет значение? Что ж, — старик встал, — мужчина женится не только на жене, но и на всей семье, поверь мне, мой мальчик, и поэтому, прежде чем предпринимать какие-либо шаги, мы должны немного разобраться во всем. Но я откровенно признаюсь тебе в одном: втайне я давно желал, чтобы ты женился. Мне все равно, на ком, пока ты любишь ее. Что ж, теперь мы можем пойти и навестить твою Хильдегарду.

ГЛАВА XI

Прощай, армия!

"Мой сын только что обручился с вашей дочерью. Ради Хильдегарды постараюсь помочь вам и вашему сыну. Жду вас обоих завтра для консультации по этому вопросу".

Эта телеграмма, отправленная старым фабрикантом, вызвала неопишное волнение в доме майора; плача от радости и волнения, муж и жена бросились друг другу в объятия и благословили день, когда Небеса даровали им Хильдегарду.

"Прекрасная девушка, хорошая девушка", - повторил майор дюжину раз, и если что-то и омрачало его бурную радость, так это то, что Хильды не было с ними. Ему так хотелось обнять ее, в своей несколько грубоватой манере похлопать по плечу и сказать: "Ты молодец, моя девочка".

Он хрипло рассмеялся и закурил самую дорогую сигару, которая была у него в доме. На праздниках следует веселиться, когда бы они ни происходили, а сегодняшний день был настоящим праздником: Хильдегарда обручилась с сыном одного из богатейших оптовых фабрикантов, это действительно было больше, чем просто удача, и почти бессознательно майор сложил руки и поблагодарил доброго Бога за то, что он послал ему такого богатого зятя. Он читал и перечитывал телеграмму; он не мог сразу осознать весь масштаб радостной новости, и чем чаще он перечитывал телеграмму и чем спокойнее постепенно воспринимал ее содержание, тем больше возражал каждый раз словам: "Ради Хильдегарды постараюсь помочь вам и вашему сыну. Жду вас обоих завтра. Что это означало — попытается; вопрос был не в *желании*, а в *необходимости*. Возможно, этот *парвеню* вообразил, что майор отдаст свое прекрасное дитя, свою единственную дочь, его сыну без того, чтобы ему пришлось за это дорого платить? О, нет, в самом деле! Нет выгоды без усилий; если почетный коммерческий советник не заплатит долги себе и своему сыну, то помолвки не будет, поскольку он, как отец, никогда не даст своего согласия. Это действительно было бы прекрасно, если бы он отдал своего ребенка первому попавшемуся жениху без какой-либо компенсации. "Нет, нет, это не то, что было задумано, так вообще не годится".

Майор разозлился из-за этого на свою жену, которая тщетно пыталась его успокоить. "Вы не знаете этих лавочников, они богатеют, торгуясь; их главная черта - жадность, и вы видите все это здесь. Как вы думаете, стал бы порядочный человек спрашивать, каковы долги отца и

матери его будущей невестки? Он бы просто заплатил их, причем на месте. И что говорит этот парень: "Жду вас обоих завтра, чтобы обсудить дела". Он должен был прийти к нам и надлежащим образом попросить руки нашей дочери от имени своего сына, вместо чего нам просто приказано прийти к нему. Я, старый майор, должен получать инструкции от *парвеню*. У него нет ни малейшего уважения к моему благородному происхождению, моему положению, моему имени; у него есть денежные мешки, так что мы должны играть под его дудку. Что ж, я скоро покажу ему, как обстоят дела, я скоро покажу ему, какая это честь для него и его семьи, если мы позволим его сыну, который, насколько я знаю, всего лишь демобилизованный лейтенант, жениться на нашей Хильде. Я скоро открою ему глаза".

Он ходил взад-вперед по комнате, ворча и чертыхаясь, но постепенно радость по поводу помолвки Хильдегарды снова взяла верх, и раньше обычного он отправился к своему особому столику в ресторане, чтобы сообщить новости и принять поздравления со счастливым событием.

На следующее утро он отправился в путь; его жена хотела сопровождать его, но он не позволил этого. - Сначала мы с Фрицем должны поговорить со стариком и уладить дела. Я телеграфирую вам, как обстоят дела, и тогда вы, возможно, приедете. Повторяю, если старикан немедленно не заплатит, помолвки не будет".

Фриц, встретивший своего отца по дороге, вполне согласился с ним. Он также получил телеграмму, в которой выражалось только *желание* помочь, и был разгневан не меньше, чем его отец. "Ты совершенно прав в том, что говоришь, папа, есть только одно, что можно сделать, мы должны просто пригрозить, что немедленно заберем Хильдегарду к нам домой, если он не согласится на все, чего мы хотим. Мы должны действовать очень энергично и показать борьбу, но прежде всего мы должны дать старику почувствовать, какой огромный социальный барьер разделяет нас; тогда, вы увидите, он будет выглядеть маленьким".

Но старый производитель был очень далек от того, чтобы выглядеть маленьким.

В разговоре, который состоялся между Хильдегардой и Эльзой, первая сочла своим долгом откровенно рассказать своей новой подруге о своих семейных делах и совершенно откровенно признаться, как ее год за годом отправляли в Берлин искать богатого мужа. Со слезами на глазах она призналась, что любит Джорджа, но заявила, что должна отречься от него, потому что не может вынести, чтобы Джордж хотя бы на мгновение поверил, что она любит его из-за денег. Сначала, когда Эльза услышала это, она приняла несколько отстраненный вид, затем почувствовала самую искреннюю симпатию к Хильдегарде, каждое слово которой ясно показывало, какой доброй и правдивой она была. Эльза пыталась утешить ее, насколько это было в ее силах, и заверила ее, что Джордж не усомнится в ней, но что его любовь станет еще больше, когда он узнает, какую печальную жизнь она прожила. Эльза взялась сообщить отцу о том, что сказала ей Хильдегарда, и в первый момент он был совершенно потрясен и продолжал говорить своему сыну: "Джордж, оставь это дело в покое, оставь все мысли о Хильдегарде, не впутывайся в это несчастное семейное дело". Но он больше не сопротивлялся после того, как увидел Хильдегарду и целый час беседовал с ней *тет-а-тет*. Он отвел своего сына в сторону и сказал: "Джордж, эта девочка - ангел, мы должны сделать ее счастливой и компенсировать все, через что ей пришлось пройти, будущим без забот".

Итак, они все вместе посоветовались, как помочь родственникам Хильдегарды. Хильдегард рассказала им о размерах долгов, насколько она помнила по своему последнему визиту домой, и в конце концов было решено, что старый Винклер оплатит одну половину долгов, а Джордж из своего собственного дохода - другую. Кроме того, Винклер намеревался ежегодно откладывать определенную сумму, из которой Хильдегарда могла бы выплачивать своим родителям пособие, и таким образом они были бы избавлены от всех денежных забот.

Гораздо труднее было решить, что делать с Фрицем. Джордж хотел пообещать себе ежемесячно выплачивать своему шуруину денежное содержание, но Хильдегард покачала головой. "В этом действительно нет смысла, Джордж. Если бы вы по своей доброте давали ему тысячи и тысячи, это было бы выброшенной на ветер кучей денег. Чем больше у Фрица, тем больше ему нужно. Он никогда не справлялся с тем, что у него было; он всегда брал у нас займы, не прекращал играть в азартные игры, и если мы ему не помогали, он брал займы под расписку и вскоре был бы так же по уши в долгах, как и сегодня. Печально, что его родной сестре приходится это говорить, но я вижу только один способ помочь Фрицу — он должен уволиться из армии и уехать за границу. Ему никогда не станет лучше, пока он не будет работать и зарабатывать себе на жизнь и таким образом не поймет ценность денег".

- Хильдегарда права, - согласился старый фабрикант. "Хильдегард, безусловно, самая разумная девушка, которую я когда-либо знал, и если она, которая так хорошо знает своего брата, говорит, что нет другого способа помочь ему, кроме смены климата, то так оно и будет. Пусть он уезжает в Америку, у меня там есть деловые связи, и я легко могу найти ему должность. Он не умрет с голоду, я об этом позабочусь, но денег он получит ровно столько, сколько позволит ему не нуждаться. Поэтому он будет вынужден зарабатывать себе на жизнь трудом".

Таким образом, все было улажено, когда прибыли майор и его сын, и при виде абсолютного спокойствия и твердой решимости, которые читались во всей осанке фабриканта, они были совершенно неспособны осуществить свое предложение и взять верх. Они не могли объяснить почему, но, сидя со стариком, им стало почти не по себе, когда он спросил их об их долгах и рассказал, каким способом он предлагает их погасить.

Фриц едва мог поверить своим ушам, когда ему сказали, что он должен уволиться из армии. Он сопротивлялся этому изо всех сил, но был так глубоко вовлечен, что не смог продержаться дольше нескольких недель. Следовательно, в конце концов, для него было бы лучше всего немедленно уйти в отставку. Но если бы он уволился из армии, на самом деле не было смысла выплачивать свои долги сразу; люди могли бы их подождать, он был бы вполне доволен, если бы продолжал оставаться им должен деньги. Он ясно дал это понять старому Винклеру, который мог бы таким образом сэкономить деньги и дать ему еще несколько тысяч марок на дорогу.

- Чтобы ты проиграл их на борту корабля. Нет, в этом нет никакого смысла, и, кроме того, в наших плебейских кругах считается почетным выполнять свои обязательства. Несомненно, вы, принадлежащие к классу, который в наши дни называют "первым классом", не должны думать иначе в этом вопросе. Я не должен был ожидать этого от вас".

Фриц не мог избавиться от чувства неловкости, и оба, отец и сын, обрадовались, когда Эльза спросила, нельзя ли подать обед, и тем самым положила конец разговору.

Майор был на седьмом небе от счастья: его долги были выплачены, он получал дополнительное пособие, ему больше не нужно было давать сыну никаких денег, и отныне он мог жить без опеки.

Ему, конечно, не очень нравилось, что его сыну Фрицу пришлось уехать за границу, но если старый фабрикант настаивал на этом, что ж, надо согласиться, и, возможно, он нашел бы там богатую жену. В Америке все еще были люди, для которых аристократическое происхождение было дороже, чем весившее меньше золота, и, кроме того, Америка была не за горами, он мог вернуться через несколько дней, если понадобится. Он прошептал все это своему сыну, когда на минутку остался с ним наедине, и Фриц извлек максимум пользы из невыгодной сделки. Отцу и сыну очень понравился превосходный ленч, за которым они все присутствовали, и, казалось, они не обратили никакого внимания на несколько холодное, отстраненное поведение Винклеров в начале беседы.

На следующий день фабрикант со своими детьми и Хильдегардой намеревались отправиться домой.

Он действительно уехал бы в этот день, но Георг, подавший в отставку, пригласил "Золотых бабочек" на великолепный банкет, и в шесть часов весь офицерский корпус собрался в великолепных апартаментах лучшего отеля Берлина. Джорджу в глубине души не нравилась вся эта показуха, но по этому случаю он заказал все самое лучшее и дорогое. Французское шампанское лилось рекой, перед ними были поставлены лучшие вина и яства.

Джордж в качестве ведущего сидел между полковником и майором, и втайне его безмерно позабавило, что первый начал обдумывать его речь.

"Что он собирается сказать?" - подумал Джордж. "Неужели этот человек не понимает, что этот прощальный банкет - чистый фарс?" За столом нет ни одного существа, которое не было бы в восторге от того, что я ухожу, и все же все они приходят сюда, чтобы наесться за мой счет и более или менее напиться".

В нескольких словах Джордж поприветствовал своих гостей и пожелал им приятного вечера. Это было все, что он сказал. Он никак не мог заставить себя сказать, что рад снова оказаться среди своих дорогих старых товарищей или что-то в этом роде. Он сказал только то, что было абсолютно необходимо в данном случае, и поэтому ему было тем более любопытно посмотреть, как полковник ответит на его замечание. Последний чокнулся со своим стаканом и встал, его примеру последовали все остальные офицеры.

- Джентльмены, - начал полковник среди глубокого молчания, - сегодня мы собрались в последний раз, чтобы отдать честь любимому товарищу, который покидает не только нас, но и армию, чтобы заняться бизнесом своего отца в качестве работника и партнера. Хотя обычно уходящего офицера принято развлекать в его корпусе, сегодня все иначе, и именно мы являемся гостями, а вы хозяином, потому что мы считаем, что таким образом хотим показать вам, дорогой Винклер, как мы рады снова видеть вас среди нас. Пригласить вас на ужин было бы обычным этикетом полка, но этикет не обязывает нас принимать ваше приглашение. Тот факт, что каждый из нас находится здесь, является ясным и красноречивым признаком того, дорогой Винклер, что все присутствующие здесь не могут сказать ни слова против вас. Я не могу отрицать, что когда-то между вами и другими офицерами были разногласия, но сегодняшний день показывает, что все они исчезли. И вот, с искренним сожалением мы становимся свидетелями вашего ухода из нашей среды, хотя вы пробыли здесь совсем недолго, и в этом

тосте выражены наши пожелания вашего здоровья и процветания в будущем. Троекратное ура нашему бывшему товарищу лейтенанту Винклеру. Ура! ура! ура!"

"Как холодно они приняли меня в полк, так же холодно и попрощались со мной", - подумал Джордж во время речи полковника. "Ни единого доброго слова в мой адрес, просто вариация на тему — какие мы замечательные, добродушные ребята, что пришли сюда сегодня из-за вас".

Раздалось "ура", оркестр грянул в фанфары, а затем заиграла песня "Ich hatte einen Kamraden, einen bessern fandst du nicht".

"У меня тоже это будет", - подумал Джордж, и в нем поднялось чувство горечи. "Ложь и лицемерие до самого конца".

Полковник втянул его в разговор, но, пока Джордж, по-видимому, слушал описание военного инцидента, его мысли были далеко. Он посмотрел на своих товарищей, которые от радости, что избавились от него, выпили больше, чем было им полезно, и многие из которых вскоре будут совершенно пьяны. И внезапно его охватило чувство радости, которое он не мог предотвратить, оттого, что в будущем он больше не будет принадлежать к профессии, большинство представителей которой еще не научились работать и серьезно относиться к жизни; и которые еще не осознали истинную природу своей задачи — воспитания немецкой молодежи.

Wyman & Sons Ltd., Типографии, Лондон и Рединг.

Примечание переписчика

Очевидные типографские ошибки были исправлены автоматически. Оригинальная орфография сохранена. Варианты написания были приведены в соответствие, когда было обнаружено преобладающее использование.